

1

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б.)
РАЙОННАЯ КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ 20-ЛЕТИЯ 1905 года.

9:232 (44-31), 1905"

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В 1905 Г.

19.070

СБОРНИК
воспоминаний, документов и фотографий.

Составил Н. МОРОЗОВ—ВОРОНЦОВ.

სპეც-2000
შემოწმებულია

Москва—1925

206/7] სტ. ს. აღმ. ნაპ. რუსთაშ. (90x15) (მ. ს.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот сборник является первой попыткой осветить участие рабочих Замоскворечья в революции 1905 года. До сих пор мы не имели абсолютно никакого исторического материала, освещающего ход этих великих событий, в которых Замоскворечье стояло не на последнем месте. Ряд крупнейших предприятий района, как то: типография Сытина, заводы Бромлей, т-ва Добровых и Набгольц, Густав Лист, фабрики—Циндель, Мещерина и ряд других, сыграли не малую роль в 1905 году, рабочие которых помимо Замоскворечья дрались на баррикадах Пресни и других районов г. Москвы.

Вот эту-то борьбу и ставим мы задачей описать в настоящем сборнике и без красок и преувеличения восстановить в памяти отдельные эпизоды, имевшие место в 1905 году в нашем районе.

Выполнению поставленной задачи содействовала кампания, проводимая Райкомом Партии в связи с двадцатилетием 1905 года. Надо сказать, что кампания дала в своем результате богатейший материал от участников революции, в виде воспоминаний, документов и проч., но весьма ограниченное время, которым мы располагали для составления сборника, не дало нам возможности с одной стороны осветить полнее вообще ход событий, а с другой расположить материал в сборнике в более последовательном порядке, т. е. в порядке хронологических событий.

Эта-же причина понудила нас, строить сборник исключительно на отдельных более ценных воспоминаниях участников, не давая общей картины событий во всем районе.

Несмотря на эти недостатки, сборник все же кладет начало той большой работы, которую предстоит проделать по сбору истории района.

**Замоскворецкий районный комитет Р. С. Д. Р. П.
в 1905 г.**

Член райкома Гришин,
рабочий, кузнец

Секретарь райкома
Савкова (Татьяна)

Член райкома Паничев
рабочий, литейщик

Активнейший работник райкома
Залкинд Р. С. (Землячка)

Савков (Тимофей) орга-
низатор района в период
июль-декабрь 1905 г.

Вайткевич А. Ф.
(Алексей Иванович) орга-
низатор района в период
май-июнь 1905 г.

П. К. Д. ...

...

...

В. САВКОВ (ТИМОФЕЙ).

Замоскворечье в 1905 году.

Я приехал в Москву вначале пятого года, вскоре после событий 9-го января, бывших в Ленинграде. В тот момент, я отбывал ссылку в Вологодской губ., где должен был пробыть около трех лет. После событий 9 января сидеть в ссылке стало невозможно, хотелось стать активным участником событий. Вот с этим настроением я и приехал в Москву, перейдя на нелегальное положение.

Московская организация в то время, конечно, далеко не являлась той мощной организацией, которую мы сейчас имеем в виду. Для того, чтобы правильно судить о событиях пятого года, нужно подходить с совершенно иной меркой к ним, чем мы подходим сейчас к партийной деятельности.

В тот момент, когда я приехал в Москву, московская организация возглавлялась московским комитетом, который состоял из нескольких лиц. Я назову некоторых из них. Может быть те, которые работали в пятом году, их помнят. Это были: Доссер — ответственный организатор, затем Мальцман — ответственный пропагандист и потом целый ряд лиц, фамилии которых помещены в сборнике Истпарта, где имеется подробный состав Московского Комитета. Я был отправлен в Замоскворецкий район, который тогда считался самым обширным в смысле партийной организации. Придя на партийную явку, я застал здесь активного партийца, который работал в Замоскворецком районе, тов. Гиммера; он и ввел меня в работу.

Что представляла из себя тогда партийная организация? Собственно говоря, партийной организации, в настоящем смысле этого слова, не было. Были отдельные кружки на фабриках и заводах числом не больше 3—4-х. Вспоминается мне кружок на заводе Бромлей, Листа, Доброва. Потом были отдельные связи на заводе Гантера и на электрической станции. Связь

эту представляли отдельные рабочие, которые входили в организацию этих четырех заводских комитетов, о которых я вам только что говорил. Из рабочих, которых я там встретил, вспоминаю такие фамилии; у Бромлея в заводской комитет входили слесарь Василий Смирнов, который, кажется, сейчас находится в Москве, затем Катаков, где он находится не знаю, (говорят, что под Москвой, но точных сведений о нем не имею). Позднее уже, в октябрьские дни пятого года, заводской комитет Бромлея вырос, туда уже входили до 10 товарищей, некоторые из них здесь присутствуют: это Митин и Паничев.

На заводе Лист активными работниками были: Степан Николаевич Александров, который сейчас не работает, затем Сергей Иванович Соколов, и затем Кубеев. Все они активные работники, которые несли партийную работу не только у себя на заводе, но в целом подрайоне. Они представляли из себя одновременно и организаторов, и пропагандистов, и агитаторов, одним словом, были мастера на все руки.

У Доброва возглавлял заводской комитет Кузнецов, он находится здесь в Москве и работает в качестве красного директора где-то на заводе. Остальных участников заводского комитета на заводе Доброва я сейчас не помню.

Кроме того, три завода в Симонове образовывали единый заводской комитет, куда входили от 7 до 9 тысяч рабочих. Это был самый большой заводской комитет, который был в то время не только в Замоскворечьи, но и вообще во всей Москве. Из активных работников Симоновского заводского комитета укажу на Булычева, который впоследствии стал анархистом. Он или расстрелян, или погиб в тюрьме. Затем Митронов, Васильев-конторщик.

Эти 4 заводских комитета представляли основное ядро партийной организации в Замоскворецком районе.

На прочих заводах, как, например, у Гонпера и Гантер, были отдельные связи. Через отдельных рабочих мы проводили партийное влияние на этих фабриках.

Оформленной пропагандистской коллегии в районе тогда еще не было. Пропагандисты время от времени — по мере надобности — посылались в район Московским Комитетом. Тогда в нашем районе работал Станислав Вольский (А. В. Соколов), который совмещал две обязанности — пропагандиста и

агитатора. Прекрасно помню, каким огромным влиянием пользовался Станислав не только среди партийных, но и среди широких рабочих кругов.

Весна пятого года прошла, так сказать, в борьбе с зубатовщиной. Зубатовщина была тогда довольно сильна в рабочих районах, хотя после гапоновской истории власть зубатовщины сильно ослабела. Мы использовали эти зубатовские собрания: в целом ряде чайных неоднократно приходилось выступать на этих собраниях и наблюдать, как это влияние падало, и рабочие приходили к сознанию, что за зубатовщиной идти не следует.

Некоторые помнят, что неоднократно приходилось участвовать на собраниях, которые устраивались на Калужской площади в трактире Губонина, затем в другом трактире на Большой Серпуховской улице, потом широкое собрания устраивались в бывш. техническом училище.

Надо сказать, что стихийное движение среди рабочих росло с каждым днем. 9-е января всколыхнуло рабочие массы и поэтому партийным организациям было сравнительно легко и уже вснахланному полю сеять те семена, которые через 5—6 месяцев пришлось пожать.

В Замоскворецкий район входил, так называемый, типографский подрайон, который включал в себе все типографии г. Москвы. Это была совершенно искусственная организация, временно созданная, в силу чисто случайных причин.

Надо сказать, что незадолго до этого, была проведена в Москве типографская забастовка, которая охватила чуть ли не все крупные типографии в Москве. Главным образом, в этой забастовке принимала участие бывш. Сытинская типография и тут выделялся ряд рабочих-типографчиков, которые сделались лидерами рабочих печатного дела.

Многие из вас, конечно, помнят — Коврова, Чистова и целый ряд других весьма видных рабочих, которые потом принимали весьма активное участие в рабочем движении, правда, под руководством меньшевистской организации. Эта типографская забастовка как меньшевикам, так и большевикам помогла завязать целый ряд связей и оформить эти связи в партийную организацию, что и входило в задачу Московского комитета.

Надо сказать, что большевики среди типографчиков большим влиянием тогда не пользовались, имели только отдельные

связи. Там, главным образом, работали меньшевики. Но все же и большевики эти отдельные связи использовали для постройки партийной организации.

Впоследствии, месяца через 2—3, когда была налажена связь со многими крупными типографиями, — они были переданы по назначению в городской район, где им полагалось быть, т. к. большинство типографий находилось в бывшем городском районе.

Благодаря работе вышеуказанных заводских комитетов, отдельных пропагандистских кружков на заводах и отдельных связям, нам удалось устроить 1-е мая 1905 года довольно большую массовку, которая состоялась в Орловской роще. Надо сказать, что Орловская роща и Тюфелева роща — те места в районе, где происходили партийные и широкие рабочие собрания.

Первоначальная массовка насчитывала 200—250 человек участников. По масштабу тогдашней партийной организации это было очень много. Там выступали, я помню, Стапислав и Кузнецов, о которых я уже упомянул. Массовку эту удалось провести довольно благополучно — без арестов. И целый ряд таких же массовок удалось провести и по другим районам. В этом смысле партийная работа уже давала о себе знать.

Затем, в начале мая я был откомандирован в Сокольнический район.

Когда я вернулся обратно в Замоскворецкий район в июле 1905 года, я не узнал партийную организацию; она была неузнаваема, сравнительно с тем, что представляла из себя в апреле и мае 1905 года. Это была вполне мощная партийная организация, состоявшая не из 3—4, а из 10—15 заводских комитетов. Это уже была партийная организация, имеющая свой районный комитет наполовину выборный, имеющая свою районную партийную конференцию, в состав которой входили до 50—60 человек, это была партийная организация, имевшая свою отдельную пропагандистскую и агитаторскую коллегию, свой секретариат.

Надо сказать, что Замоскворецкий район, как самый крупный район, являлся наиболее показательным в смысле партийной организации.

За эти 3 месяца, когда я отсутствовал, успели создаться заводские комитеты на заводе Гоппер (ныне Ильича), на заводе

Гантера, на фабрике Михайлова, у кожевников. Кожевники успели тоже объединиться в партийную организацию на заводах Тиль, Демонт, затем Жемочкина. Текстильщики тоже начали подтягиваться и нам удалось завести партийную организацию — заводской комитет, в который входила Даниловская мануфактура, — Циндель и ряд других более мелких текстильных предприятий.

Теперь познакомлю вас с типом районной партийной организации, которая тогда существовала. Возглавлял район ответственный организатор, который назначался Московским Комитетом. Ответственный организатор является ответственным лицом перед Московским Комитетом с одной стороны, а с другой стороны являлся связующим звеном между районом и центром. Во главе партийной организации стоял Районный Комитет — наполовину выбранный, наполовину назначенный. Выбранные были преимущественно партийные рабочие (выборы производились на районной партийной конференции). Районные же пропагандисты-агитаторы и секретарский состав, составляла, главным образом, интеллигентская часть партийной организации. Но уже и тогда можно было отметить ряд подрайонов, которые обслуживались рабочими, уже порвавшими связь с производством, перешедшими на нелегальную работу и ставшими профессионалами-революционерами. Кроме ответственного организатора, были организаторы подрайонов. Таких подрайонов к августу и октябрю в Замоскворецком районе было 7—8. Кроме тех, о которых я упоминал, назову еще подрайон Михайловский, Даниловский, Кожевнический и Садовнический. Во главе подрайона стоял подрайонный организатор, который входил в районный комитет. К тому времени районный комитет насчитывал приблизительно 10—15 человек. Кроме этого, туда, как я упомянул выше, входили представители от пропагандистской и агитаторской коллегии и затем секретарь, который исполнял техническую работу: ведал распространением литературы, собиранием материалов, средств, связью с типографиями, подыскиванием квартиры для партийных явок, собраний районных комитетов и т. п.

Теперь, как велась работа. Пропагандистская работа велась в кружках. Кружки заметно выросли и их насчитывалось до 20—25. Это была очень большая цифра по тогдашнему времени. Широкая работа велась путем агитации. Использовались

все, что можно было. Вначале были использованы зубатовские собрания, затем летом стали собираться в рощах. Потом вошло в большое распространение устройство так называемых, летучек на заводах. Многие, конечно, из вас помнят, как организовывались эти летучки. Обыкновенно за 10 минут до окончания работы к заводу приходил агитатор, или из района или из центра. Намечал тему, на которую он будет говорить, а тем было очень много. Была тогда японская война и другие политические события, которые было легко использовать в целях агитации против самодержавия. Устраивалась такая летучка, которая продолжалась не больше пяти минут. Оратора окружали сознательные рабочие завода. Он произносил речь и, пока успевала появиться полиция, собрание расходилось. В начале полиция боролась с этим, но потом увидела, что она бессильна в этом отношении, и уже в последнее время городовые стыдливо отворачивались или на время исчезали пока приходила летучка или митинг. Затем широко распространялись прокламации, листовки, литература и газеты. В то время уже Московский комитет издавал свою газету «Вперед».

1905 год был годом экономических забастовок. События 9-го января всколыхнули рабочие массы и это явилось весьма благоприятным моментом для того, чтобы использовать момент в целях улучшения экономических условий рабочих. За это время мне удалось провести несколько экономических забастовок. Большинство из них были удачны, но были, конечно, и неудачные. Как на одну из удачных, я укажу забастовку на фабрике Рябова. Я должен указать, в каких условиях нам приходилось выработать требования для рабочих, которые они должны были объявить. Где то в Котлах, под березкой, при свете восковой свечки, мы сидели с тов. Полозьевым и выработывали эти экономические требования. Конечно, в первую очередь выдвинули 8-ми часовой рабочий день — это основное требование, которое во время всяких экономических забастовок выставлялось.

Так мы дожили до конца сентября 1905 года. Партийная организация ширилась, влияние ее на рабочие массы росло.

Затем наступил период митингов. Все вы прекрасно помните те митинги, которые устраивались партийными организациями в университете, техническом училище, инженерном

училище. Прекрасно помните о том, каким влиянием пользовались там партийные организации. Помню тех ораторов, которые там выступали. Назову Станислава Вольского, Васильева, Южина, Седого, Сиротинского (Дмитрия) и Лядова...

Состав Районного Комитета был следующий: ответственным организатором и членом Московского Комитета тогда был я, секретарь тов. Татьяна, Татьяна Ивановна Евстифьева, Валентин (настоящую фамилию которого не удалось узнать), Владимир Иванович Николаев — конторщик и несколько рабочих, здесь среди вас присутствующих: тов. Паничев с завода Бромлей, Александров, Дорофеев, Соколов, Гришин. В состав пропагандистской коллегии Районного Комитета входили Леонид Сергеев, Лукин, Перес, А. А. Саврасов, И. М. Михеев, Л. Б. Кофейгауз. В качестве агитаторов выступали Седой, Ст. Вольский, Инокентий (Дубровский).

Не было крупного события, в котором бы не принимали участие рабочие Замоскворецкого района.

В августе вышел манифест о созыве булыгинской думы. В думе собралось общее собрание гласных, которые должны были вывести резолюцию, приветствующую это гнусное учреждение. Партийными организациями была устроена контр-манифестация перед стенами думы и в этой манифестации наиболее активное участие принимал Замоскворецкий район.

Затем митинговая кампания в Университете, участие в демонстрации при похоронах Баумана. В Замоскворечьи некоторые фабрики вышли на эту демонстрацию чуть ли не до одного человека.

Появился манифест 17-го октября, работа партийных организаций стала полулегальной — можно было устраивать чуть ли не открытые собрания; конечно, партийная организация стала еще больше шириться; количество членов организации в ноябре месяце достигло около 2.500 человек по Замоскворецкому району. Это была громадная цифра, о которой 6 месяцев тому назад, мы, конечно, не могли мечтать.

Надо сказать, что такой громадный рост организаций происходил, главным образом, потому, что вся рабочая стихия была возбуждена. Партийным работникам было довольно

легко работать над тем, что уже сделали объективные события — война, затем 9-е января и удачная экономическая борьба, которая поднимала авторитет партийных организаций в глазах рабочих масс.

Ноябрь месяц был месяцем наибольшего роста партийной организации. Наступили декабрьские дни; знаменитая партийная конференция в училище Фидлер, там громадное участие принимал Замоскворецкий район. Партийные организации Замоскворецкого района, в смысле революционного настроения, нисколько не отставали от железнодорожников или рабочих других районов. Из тех докладов, которые тогда делали на конференции рабочие Замоскворецкого района, было выявлено настроение рабочих масс, все представители района высказывались за необходимость всеобщей забастовки, и эта забастовка 7 (23) декабря прошла чуть-ли не в два-три часа.

Районным Комитетом было устроено несколько заседаний, на которых был выработан план проведения забастовки в районе, и забастовка была осуществлена без всяких затруднений. В проведении забастовок особенно активное участие принимали рабочие завода Бромлей, затем рабочие электрической станции, которая для нас имела громадное значение в смысле стратегическом. Оставить Москву без света, это значит произвести громадное впечатление на обывателя, на мелкую буржуазию, которая шла тогда за рабочим классом, которая участвовала в устройстве баррикад вместе с рабочими. Забастовка в Замоскворецком районе прошла при дружном участии рабочих всех фабрик и заводов.

Небезинтересно указать те опорные пункты, на которых базировалась партийная организация района. Эти опорные пункты были следующие: столовая Циндель — там устраивались как широкие рабочие собрания, так и партийные заседания. Там же была ликвидирована забастовка 1905 г. в Замоскворецком районе. Другой опорной базой была Шаболовка. На Шаболовке во время «свобод» было снято помещение и это помещение служило клубом-пристанищем для партийной организации района. Кроме того, чайные и трактир в Симонове служили базой для Симоновского подрайона. Затем трактир Губонина на Калужской площади, трактир (название не помню) на Большой Серпуховской улице, близ Арсеньевского переулка. Партийные явки устраивались в различных местах.

Был целый ряд лиц, которые активно не работали в партийной организации, но содействовали партии или квартирами, или финансами, или, наконец, всякими мелкими услугами. Очень часто мы устраивали заседания в Хамовническом пер., в квартире бывш. присяжного поверенного Сергея Федоровича; затем в смысле квартир помогал нам, не работавший тогда активно, Владимир Александрович Обух.

Мы должны также вспомнить добрым словом зубных врачей. Чуть ли не три четверти всех партийных явок района устраивалось у зубных врачей, зубные врачи были постоянными укрывателями партийных работников. Многие нелегальщики, в случае нужды, находили приют у зубных врачей.

Так мы дожили до времени баррикад. С 10 декабря в Замоскворецком районе начали строиться баррикады. В данном случае мы должны сказать правду и не должны приписывать все лично усилиям партийных работников. Баррикады возникли стихийно; в их построении принимал участие самый разнообразный люд. Не только рабочие, но и всякий мелкий городской люд — дворники, кустари, просто случайные люди без определенных занятий. За два дня 10 и 11 декабря наиболее крупные пункты Замоскворечья были забаррикадированы. Баррикады были построены на Серпуховской площ., на Калужской площ., на Шаболовке — там есть дом Кирикова, в котором часто бывали партийные собрания. Затем Симонове было тоже забаррикадировано и стало совершенно неприступным. В Симонове после 7 числа вся полиция исчезла, весь район находился в распоряжении рабочих. Рабочие взяли на себя охрану жителей, расставили патрули и всецело завладели всем районом. Местами для партийных и широких рабочих собраний были трактиры и чайные; была открыта общественная столовая; устроено было нечто, в роде гостиницы, где ночевали партийные работники и дружинники. Это было вполне самоуправляющаяся революционная единица.

В течение 2—3-х дней баррикады, воздвигнутые частью партийными рабочими, частью стихийно, были целы до тех пор, пока в Москве были войска только здешнего гарнизона, пока не было привозных войск. Но как только приехали семеповцы и драгуны — картина изменилась. 14-го декабря появился довольно значительный отряд драгун в Замоскворечье, который выстроил карре на Серпуховской площ., около типо-

графии Сытина и занял наиболее важные стратегические места. Отсюда начался обстрел по всем прилегающим улицам, а потом началась разборка баррикад. Вначале эти баррикады пытались охранять дружинники, отстреливаясь, но, потом, когда была открыта сильная артиллерийская и оружейная стрельба, нельзя было больше удержаться. Дальше всех держалась баррикада на Наболовке, около дома Кирикова, потом в Симоновской слободе, т. к. эта слобода для правительства особого значения не представляла.

Числа 15—16 декабря стало очевидно, что победа остается на стороне правительства, что долго держаться мы не в состоянии, что правительство вышло из пассивного положения, в котором оно находилось благодаря перенятности и неустойчивости местного гарнизона. Настроение широких рабочих масс начало падать. Для того, чтобы окончить борьбу организованно, Московский Комитет дал лозунг, чтобы 18 декабря забастовку прекратить. В Замоскворецком районе забастовка была прекращена организованным путем.

Вспоминается мне собрание, которое было в столовой Пинделя. Помню, там собрались остатки партийных рабочих, остатки боевиков, остатки пропагандистской коллегии. Там и было решено забастовку в районе ликвидировать организованно; не дать возможности начаться частичным выступлениям приступления к работе на фабриках. И тут, конечно, много было и трагического и много комического. Я помню, когда уже был дан лозунг прекратить забастовку и приступить к работам, в эту самую столовую вбежал, приехавший из провинции П. Г. Сидович, и, не зная постановления Комитета, разразился горячей агитационной речью, что мы должны держаться до конца. Но я его отозвал в сторону и сказал, чтобы он не тратил зря пороку, ибо было постановлено МК пока прекратить борьбу.

Вот те события, которые и происходили в 1905 году в Замоскворечьи. Замоскворечье, как видите, принимало активное участие во всех событиях, которые развертывались — в забастовках экономических, политических и в митинговой кампании. Затем отдельные, наиболее сознательные рабочие принимали участие в подрайонной работе. Боевая дружина Замоскворечья была одной из самых сильных, она

насчитывала около 200 человек боевиков. Одним словом, Замоскворецкий район является наиболее активным районом, принимавшим участие в революции 1905 года.

(Из стенографического отчета собрания участников 1905 г. в Замоскворецком районе от 15 ноября 1925 года).

Из дела Московского охранного отделения
№ 773—1905 года, т. 9-й.

Стр. 22

Российская Социалистическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРЕБОВАНИЯ.

- 1) 8-ми часовой рабочий день.
- 2) Ограничение работы подростков 6-ю часами в день.
- 3) Окончание работы в субботу в 2 часа дня.
- 4) Введение в таблиць 1-го мая, как рабочего праздника.
- 5) Учреждение постоянной комиссии из выборных от рабочих и администрации поровну с одной и другой стороны, для решения вопросов по найму и увольнению рабочих и мастеров, выработки и урегулирования расценок и др. вопросов заводской жизни.
- 6) Введение третейского суда от рабочих и администрации для разбора недоразумений, возникающих между той и другой стороны.
- 7) Замена сдельной платы подневной.
- 8) Увеличение заработной платы для лиц, получающих меньше 1 рубля — 50%, свыше 2 — 30% и от 2 до 3 — 10%.
- 9) Заработная плата ученикам при первом вступлении на завод должна быть не менее 50 коп.
- 10) Выдача заработной платы обязательно в рабочее время.
- 11) Улучшение гигиенических условий по требованию наших выборных.
- 12) Улучшение медицинской помощи: а) уплата больничного сбора за счет завода, б) устройство удобных носилок на случай переноски пострадавших с завода в больницу, в) бесплатное пользование всеми лекарствами, необходимыми для рабочих и их семейств, г) немедленное оказание медицинской помощи, когда это надо, д) обязательный приход врача немедленно или фельдшера на квартиру рабочего в случае, если последний не имеет физической возможности сам прийти для осмотра.
- 13) Воспрещение женского труда в тех отраслях производства, где он вреден для женского организма; устройство яслей; освобождение женщин от работы за 4 недели до и 6 недель после родов, с сохранением заработной платы.

19.070

- 14) Государственное страхование рабочих за счет капиталистов.
- 15) Введение фабричных инспекций там, где применяется женский труд.
- 16) Уплата за все время болезни рабочего заработной платы полностью.
- 17) Уничтожение сверхурочных и ночных работ и полная отмена обысков и штрафов.
- 18) Устройство библиотек за счет завода; каталог должен составляться самими рабочими.
- 19) Уплата за все время забастовки заработной платы полностью.
- 20) Никто не должен быть уволен за забастовку.
- 21) Гарантия в том, что относительно наших выборов, как постоянных, так и во время забастовки не последует никаких репрессий со стороны администрации.
- 22) Свобода собрания в заводских помещениях для обсуждения наших нужд.

Замоскворецкий Район Московского Комитета Р. С. Д. Р. П.
Изд. 500 экз.

ЗЕМЛЯЧКА.

Убийство и похороны Н. Баумана.

Утром, в день объявления манифеста, собрался Московский Комитет партии, чтобы обсудить создавшееся положение. Радость наша была велика: манифест, которому мы не придавали никакого значения, являл собою все же большую победу рабочего движения и первый подчеркнул ее. Помню, с какой радостью встретили меня. Больше всех радовался Николай Бауман: он был весел, как ребенок. Было решено после обсуждения листка в ответ на манифест прервать заседание и идти освобождать Таганскую тюрьму. Масса собралась без нашего вызова, — так напряжена была в то время жизнь. Штаб наш помещался в Высшем Техническом училище, на Немецкой ул., где и происходило собрание МК. Все вместе мы вышли из училища, но Бауман сказал мне, что хочет позвать с нами еще одну фабрику. Мы торопились, и я просила его не задерживать нас, но он крикнул: «Не пройдет 5 минут как я буду с вами», сел на извозчика и укатил со знаменем в руках. Не прошло 5 минут, как раздался выстрел, и мимо меня пронесли труп Н. Баумана.

Шествие было прервано. Целый день шли митинги у гроба самого любимого, самого дорогого товарища. Была опасность, что у нас его отберут, потому что враги знали, что смерть эта всколыхнет и те ряды, которые не шли еще за нами: они боялись похорон-демонстрации, и мы, не смыкая глаз, дежурили непрерывно у его гроба до 2 ноября, когда были похороны. В этот день рабочее движение в Москве достигло высшего предела.

И помню огромную радость, которую мы испытали в этот день, несмотря на потерю одного из наших любимых друзей. Мы знали, что в этот день рабочий становится впервые хозяином положения, впервые показывает свою власть. Все в этот день было подчинено в Москве этой власти, и все кругом ликовало вместе с нами. Темные силы прятались и обнаруживались только на завтра.

Помню недоумение на лицах представителей либеральных организаций, когда им было заявлено, что в шествии они будут занимать последнее место, а впереди будут рабочие. Почему-то запомнились мне лица представительниц от Лиги равноправия женщин, когда я заявила им о том же.

Вся Москва была с нами, а впереди всех — рабочие. Но в этот вечер, несмотря на запрещение МК, группа в 100 человек с похорон отправилась демонстрацией к университету. Здесь, из манежа, где прятались черносотенцы, был дан по ним залп, и много было убито и ранено. А во время похорон и шествия ни одного выстрела, ибо мы устрашали своих врагов силой сознательной дисциплинированной массы.

МИРЕЦКИЙ.

Одна из многих жертв.

Петра ударили и он упал.

Он еще видел как мимо него проскакал ударивший его казак, видел как разбежались его товарищи, а дальше уж ничего не мог заметить, ничего не сознавал.

Не видел Петр, как вновь появился около него товарищ, и, заметив его, немного подумал и куда-то побежал. Не чувствовал и то как вернувшийся товарищ вместе с другими начал отправлять его домой.

Осколко в забытьи лежал, он не знал. Может быть сутки, может быть час. Когда же очнулся то увидел, что лежит у себя в темном углу на тряпье, только тряпье все в красных пятнах.

— Моя кровь, — подумал Петр, — пролил за...

Не знал еще Петр за что он пролил кровь. Но не было жалко ему своей крови. Его беспокоило другое. Может быть смерть? Нет, не то! Был он из семьи богобоязненной и смерть считал таким же человеческим делом, как работа на заводе, только более важным, более редким. Беспокоило его то, внутри его что-то случилось, спутались все понятия.

Страшная боль в голове нарушает ход его мыслей, и быстро, быстро, но отрывисто бегут они:

— Собачья жизнь. Забастовка... Товарищи... Собрание... Говорит любимый отец Григорий... Зовет идти к царю... Царь! Да, он должен помочь... Воскресное утро... Мороз... И они идут, идут с иконами, поют молитвы... — Тут он забылся на мгновение и вновь в лихорадочном бреду вспоминает события.

— Дорогу преградили солдаты... И что это? Выстрел, другой и целый ряд выстрелов... Кругом падают товарищи, падают многие и не только мужчины, но и женщины с детьми... Неужели это правда... Царь? Нет больше у меня царя!.. А бог?.. Бог не помог в правом деле, так нет и бога!..

И опять настало забытье. Ворочается на тряпье Петр и, не сознавая сам, в бреду не своим голосом восклицает то, что глубоко теперь засело у него в голове.

— Нет царя!.. Нет бога!.. Только сами мы можем помочь себе...

Ничего не сознает Петр. Не видит как около него стоит плачущая жена с детьми. Не видит и то, как загораются злым огнем детские глазки. Не слышит и то Петр, как сын его с плачем говорит:

— Нет царя!.. Нет бога!.. Тятка умирает!.. Царь его убил!.. Как же так?.. Что же теперь?..

— Глаза отца были открыты и смотрели прямо на него. Но вот стало меняться выражение лица... Находило на него полное спокойствие.

Мать, плача, взяла руку и осторожно опустила ее.

Петр был мертв.

БРОМЛЕЕВСКИЙ ПОДРАЙОН

в 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Паничев. Воспоминание.
2. Евстафьев. Воспоминание.
3. Копия с mimeографированного „Ко всем рабочим заводов Бр. Бромлей“.
4. Митин. Воспоминание.
5. Дьяконов. Воспоминание.
6. Участник. Воспоминание.
7. Протоколы Правления завода

ПАНИЧЕВ.

Я поступил на завод Бромлей в первых числах сентября 1905 г., но я не был новичком на этом заводе, так как работал на нем и раньше. Я был высоко-квалифицированным литейщиком и попал на крупную работу. Старики меня знали, но молодежь не знала. Время тогда было самое бурливое, когда рабочий класс действительно клокотал во всех городах России. Я сам приехал из Тулы и уже состоял в партии с 1902 г. Каким то чутьем молодежь начала вокруг меня группироваться. На 3—4 день меня пригласили на собрание. Я никакого повода не подавал, состою ли я в партии или нет. На этом собрании я встретил литейщика Жарова, Моисеева, Денисова и еще очень многих. Денисов был старик и мне казалось, что он какой то религиозный сектант — так странно он себя вел. Во время экономической забастовки на заводе Бромлей, мы ухитрились выработать требования — я не помню точно числа, когда это было. Тогда трудно было встретить на собраниях таких, как я. Тут были интеллигенты. Затем тут же я познакомился с бромлеевским слесарем Дорофеевым. С ним пришел Самодуров, с большими черными волосами цыганского типа. Здесь мы выработали требования, напр., 8-ми часовой рабочий день. — это было азбукой для нас. Мы не скупились на требования: 60% надбавки требовали. — мы знали, что не дадут, но не все ли равно.

Я тов. Тимофея лично не знал, но во второй половине сентября я встретил т. Тимофея и оказалось, что я раньше был с ним знаком в Вологодской губ. Нам с тов. Дорофеевым он показался очень подходящим работником и мы к нему привязались. Тимофей пользовался у нас популярностью. Вот мы эти требования ему показали и он их одобрил.

Я помню, очень молодой парень пришел к нам в литейную и приглашал поддержать их забастовку. Помню, что его недружелюбно встретили наши старые товарищи и мне по-

мнится, что даже он немножко «неаккуратно» был вытеснен из мастерской. Я не знаю точно, как это было, так как дело происходило в механической мастерской, а не в литейной, и даже мне помнится один из товарищей позволил себе замануться на него.

Через два дня бромлеевский завод забастовал. Помню, отдельные моменты этой забастовки. В механической мастерской собрался весь завод. На эту забастовку пришел тов. Тимофей и Седой, которого я увидел в первый раз. После краткой речи т. Тимофея, выступает т. Седой, который захватываясь говорит. Он, что называется, начинает «чеканить» наши требования по пунктам и так увлек всех рабочих, что они стали унимать тех товарищей, которые кричали и дебоширили из-за отсталости, как это бывает, и вот т. Седой кричит: «Товарищи, не шумите, пусть кричат кто желает, у меня голоса хватит».

Тов. Тимофей лично со мной был очень близок. Моя квартира была нелегальной квартирой и т. Тимофей, вероятно, не один раз был у меня.

Я остановлюсь на похоронах товарища Баумана, на которых завод Бромлей был весь. Тогда у нас на заводе был слесарь — молодой парень Сударин, который был ранен в нах во время похорон, около манежа. Этого товарища, нам, бромлеевцам особенно нужно отметить.

Через несколько времени мы забастовали окончательно, вплоть до самого вооруженного восстания. У нас была организована правильная осада. Припоминаю выступление Митина, он был секретарем, помню, его звали «Иуда». Нам он выдавал по 5 коп. в день на человека... Осада была правильная — осаждали дом Телешова. Это была основная база. В этом доме занимал квартиру слесарь бромлеевского завода Беспалый. Квартира Беспалого сыграла большую роль. В этом доме Телешова был пустой громадный корпус, где собирались не только рабочие, но и жены и дети рабочих. Там после деловых разговоров зачинались беседы на политические темы и там выработывались эти своеобразные ораторы. Я помню был там один «Илья Пророк», который всегда говорил на антирелигиозные темы. Дом Телешова сыграл крупную роль в подготовке революционной деятельности потому, что туда приходили с других районов: с фабрики Симонова, Шварцкоп и друг. крымкавских фабрик. Затем мы еще с т. Тимофеем задались целью (инициа-

тором был т. Тимофей) — получить деньги для клуба и получили субсидию в 100 руб. на его открытие. Под пулями хотели открыть клуб — это было в самый момент вооруженного восстания. Я снял две квартиры в доме Воробьева, закупил столы, стулья, установил все. Тимофей откуда то начал таскать громадные диваны, только без ножек. Мы их расставили. Конечно, диваны на боку. И вот, как мне помнится, когда началось вооруженное восстание, я как раз получил от т. Тимофея эти 100 руб. и на него же и квартиру закрепил. Вещи купил на Смоленском рынке, на чердаке, потому что торговцы уже не торговали — все было заперто. Торговцы кричали: «Нам все равно, кто бы не правил, лишь бы был порядок», — но некоторые были за царя и порядок, как тогда было модно. В этом клубе был революционный штаб. Штаб нашего Замоскворецкого района, может быть не района, а подрайона, был на Шаболовке, напротив дома общества трезвости. Помню, с утра я отправился на разведку — узнать самую базу Замоскворецкого района. Конечно, самой крупной базой была кухня на фабрике Циндель. На этой кухне происходили общие собрания района и подрайона и Совета Рабочих Депутатов Замоскворецкого района. В момент вооруженного восстания — в эту ночь — я был в Московском Совете Рабочих Депутатов. Я не был туда избран, а были избраны Дорофеев и П. Модельщик, но он заболел. Дорофеев принес его карточку. С этой карточкой я был в Совете Рабочих Депутатов. Там выходили депутаты от всех рабочих Москвы. Мы тоже сказали, что бастуем 2 месяца. Помню, один задал вопрос: «Да, о чем здесь решают — о вооруженном восстании, о чем здесь говорят — о всеобщей политической забастовке». Тогда другой крикнул: «Мы говорим о всеобщей политической забастовке, но, вероятно, она выльется в вооруженное восстание». Я помню точно эти слова. Помню еще несколько заключительных слов — этот товарищ очень хорошо говорил, вероятно, интеллигент. Он говорил о чаше весов, что многих из нас не будет. Конечно, так и случилось...

Пошел я на разведку, пришел утром, когда была уже объявлена забастовка на фабрике Цинделя. Когда я вошел, смотрю там флагов целый лес со всевозможными надписями. Трудно было добиться, какой это народ. Тогда я возвращаюсь и докладываю в своем штабе о том, что видел. Мне сообщили, что про-

шел слух, будто бы в Александровских казармах забастовали солдаты. Я берусь проверить этот факт. Быстро прошел через Конную, на Кошной торгуют, как будто бы ничего нет, но когда я вышел на Серпуховку, то слышу выстрелы и мне представилась такая картина: всю дорогу заполонили извозчики, с Кошной целый ряд лошадей ведут, скрываются извозчики. Я увидел, что у казарм вразброд стояли солдаты, потом им командовали и они загородили всю улицу. Я стою, дальше идти некуда, так и не узнал, что делалось в казарме.

Когда вернулся к себе на Шаболовку, то вижу настоящий муравейник в доме Кирикова. Там ломают ворота, вывозят полки и ставят их в несколько рядов. Один молодой человек влез на дерево и на Кириковском доме подвесил красный флаг, не помню с Бромлеевского ли он завода. Тут работа продолжалась целую ночь. Там не только были рабочие, но все ходили — я видел седого старика, видел какого-то хозяйчика, который, указывая на свою квартиру, говорил: «Вот, возьмите у меня проволоку, у меня ее много» и действительно, мы пошли к нему и увидели, что там много проволоки. Сколько дней держались баррикады, не знаю. Знаю, что их начали обстреливать и в эту же ночь убили сторожа на фабрике Симонюга. У меня на квартире собралось до 10 чел.: были Смирнов, Дорофеев, Самодуров и другие. Мы часов до 3-х слышали обстрел потом уснули. На утро часть баррикад были разрушены, но часть еще стояла и висел непростреленный красный флаг.

ЕВСТАФЬЕВ.

Я работал на заводе Бр. Бромлей. Забастовали мы 6-го октября. Хозяину были выставлены требования о прибавке заработной платы. Настроение у рабочих было хорошее и чувствовали себя все бодро. Для руководства забастовкой избрали Стачечный комитет из 16-ти человек: *Николай Николаевич Мосисев, Василий Иванович Егор Тулинов, Семен Митин, Павел Беспалый, Озеров, Григорьев* и ряд других товарищей. Из них впоследствии *Григорьев* оказался провокатором. Этот Стачечный комитет вел переговоры с Бромлеем насчет прибавки жалованья и принимал пожертвования от разных организаций и лиц — продуктами и деньгами. Лавка была на Шаболовке в Кириковом доме. Одиноким давали 20 коп., семейным 30, 40 и 50 коп. Иногда выдавали и продуктами. Кто

мог обходиться без помощи, те не получали. Когда мы забастовали, то первым делом стали останавливать другие фабрики: Шедко-ткацкую, завод Ефремова и ряд других. После пошли останавливать типографию «Сытина». Около Серпуховских ворот нас встретили казаки и давай стегать пагайками, разгоняя всех рабочих. Так нам и не пришлось остановить работы «Сытинской» типографии. К нам на собрания приходили товарищи от фабрики «Циндель» — *Смирнов, Афанасьев* и товарищ *Седой*. Тов. *Седой* имел среди рабочих большой авторитет. На последнем собрании Бромлей заявил: «Я Калужскую улицу усыплю золотом, но Вам не прибавлю ни гроша». Стачечным комитетом были предъявлены политические требования: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и т. д. После мы ежедневно собирались в доме Телешева на Шаболовке, иногда собирались в университете на Моховой. К нам часто приходила на собрание жена тов. *Баумана*, которая всем руководила. В последний раз мы собрались в Техническом училище на Бахметьевской улице, где раздавали нам оружие. Был избран штаб отряда, помещавшийся на Калужской площади в доме Воробьева на 2-м этаже.

Я в это время жил на Калужской улице в доме Ратникова вместе с тов. *Романом Федоровичем Пискаревым*.

Два раза в нашей квартире был обыск. Искали оружие, но ничего не нашли. Мы были предупреждены детьми священника, которые жили в этом же доме. Роман участвовал на Бронной на баррикадах, а я был здесь, строил баррикады и ходил в караул. Был у нас еще товарищ *Алексей Семенов*, который работал на заводе «Добров и Набогольц». Теперь он живет в Н. Новгороде, занимает ответственный пост на «Сормовском заводе». Когда кончилась революция, некоторые фабрики и заводы начали работать, но мы к работе не приступали. Однажды пришли на завод, заведующий Правлением поздравляет нас с свободой слова, собраний, свободной печати. Мы обрадовались и пошли на Коровью площадку. В это время работала фабрика Лешенкина и мы решили ее остановить, но нас встретили паром. Несколько товарищей были опарены. Мы вооружились камнями и фабрику все-таки остановили. Подехавшие тут казаки всех разогнали. Мы говорим, что, мол, есть манифест Николая II, что нам дана свобода собраний и свобода слова. В ответ на это пустили пагайки, а когда мы стали вооружаться камнями, то началась стрельба. В Кириковом доме были убиты две женщины. За пять дней до Рождества мы вышли на работу. Некоторые товарищи скрылись, некоторые были арестованы.

Копия с микрографированного.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ ЗАВОДОВ БР. «БРОМЛЕЙ».

Безработица растет повсюду. Вести о ней идут и с Юга, и с Запада и с Востока. Во многих промышленных городах поднимали рабочих на улице умирающими с голода. Тоже бедствие свирепствует и в Москве. Оно постигло и механические заводы Бр. Бромлей, назначены к расчету много рабочих из литейного, токарного, литейно-мелочного и обрубочного цехов. Мастера ссылаются на то, что нет работы и пользуются этим, чтобы понизить расценки. За те вещи, на которые нет расценок, мастер Алексеев кладет по 15 и даже по 12 коп., вместо 20 коп., как обыкновенно получают токари, вот как награждают нас наши хозяева и начальство за то, что мы работаем за ничтожную плату и создаем им богатство. И с какой насмешкой звучит их совет ехать в деревню. Ехать в деревню теперь, когда крестьяне бегут от туда искать заработка в городе и спасти себя и свои семьи от голодной смерти. В деревне сами крестьяне сидят без хлеба и они нас не прокормят. Теперь некуда бежать. Повсюду безработица, голод, везде безысходная нужда. И раньше нам жилось плохо, но теперь война еще больше ухудшила нашу жизнь. Десятки и сотни тысяч солдат гибнут на Дальнем Востоке. А в России, по случаю войны, останавливаются фабрики и заводы. Рабочих выкидывают на улицу на голодную смерть. Товарищи, посмотрите вокруг себя. Мастера, напр., мастер Колотов обращается с нами, как с животными. Наш хозяин Егор Эдуардович и все мастера насиждают жен и дочерей наших. И, мало того, они обирают и притесняют нас, им понадобились наши жены и дочери и они делают их своими наложницами. Если же мы вздумаем заявить свой протест, если мы только соберемся посоветоваться о своих делах, то появляется полиция и избивает нас нагайками, ссылает в Сибирь. Таковы у нас порядки.

Социал-Демократическая партия давно ведет борьбу с этими порядками. Под ее знаменем лучшие рабочие объединились для борьбы за освобождение рабочих от всякого гнета и насилия. И теперь, когда бессмысленная и жестокая война за ненужную нам Маньчжурию, вооружила против правительства весь народ, когда почти все присоединились к нашему требованию прекращения войны, — дружный и смелый крик рабочих на правительство должен положить конец войне и освободить народ от гнета царского произвола.

Присоединяйтесь же к нашей партии, готовьтесь к решительной борьбе за освобождение рабочих, соединившись все вместе, мы выйдем на улицу и потребуем немедленного созыва представителей народа для прекращения войны и для замены царского правительства, правительством народным.

Тогда рабочим широко откроется дорога для борьбы с капитализмом. Тогда мы быстрыми шагами пойдем к окончательному освобождению рабочих от всякого произвола и насилия.

Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

МИТИН

Мне пришлось работать в тот момент на заводе Бромлей слесарем. И тот период мне больше всего пришлось работать с тов. Пашей (Бауман). Я с нею встретился во время вооруженного восстания. Наш завод Бромлей играл активную роль во время выступления. У нас была объявлена экономическая забастовка. «Паша» (Бауман) была прислана к нам в Замоскворецкий район. Она помогала нам денежными средствами. Я был секретарем на заводе Бромлей и был избран в числе 16 человек в стачечный комитет. Главный штаб стачечного комитета, помещался в доме Телешова; в его входили следующие лица—Паша (Бауман), Дорофеев, Паничев, Озеров, Миронов и ряд других товарищей. Сейчас трудно восстановить в памяти все имена. Нашей первой задачей было получить оружие. Ближайшим был Шаболовский участок. Оружие было только у городских. И вот было поручено нескольким товарищам обезоружить городских. Это было частью выполнено, но задача наша главная была другая: нужно было раз'единить телеграфное и телефонное сообщение. У меня, как у секретаря, бывали деньги и я имел при себе револьвер. И вот для того, чтобы раз'единить телеграфное сообщение, мне пришлось влезть на дерево. Мы стали строить баррикады около дома Телешова. Здесь произошла борьба, которая продолжалась два дня. Мы перепилили ряд столбов и повалили их. Наше укрепление мы загромождали всем, чем могли. Конечно, эти сооружения в дальнейшем большой роли сыграть не могли. Тут недалеко стоял эскадрон солдат и во избежание столкновения, через два дня мы решили, что нужно куда нибудь уйти. Те товарищи, которые были на ближайшем участке, как-то Паша (Бауман) и другие—им пришлось скрыться.

ДЬКОНОВ

Я тогда служил в Медведниковской больнице в качестве кухонного мужика и был знаком со многими товарищами бывших заводов Бромлей и Полковникова, находившихся в соседстве с нами. Один из этих товарищей был Барков, матрос, отбывший 1½ года крепости за восстание во флоте. Когда

забастовали рабочие завода Бромлей, а обозные мастерские Полковникова еще продолжали работать, мне казалось, что у этого товарища не было времени ни для сна, ни для отдыха. Его можно было видеть то среди рабочих забастовавшего Бромлеевского завода, то у нас в больнице, с ходатайством о помощи семьям рабочих, которые в это время уже голодали. Через посредничество врачей—Бекетова, А. В. и Жигалкина, П. Ф., Кудрявцева, Дмитр. Герас., нам с ним удалось добиться разрешения директора б-цы, он же и главный доктор (и поныне существует там) Попова, С. Я. некоторым бедным семействам брать с кухни остатки пиши и хлеба. Первые два—три мы могли удовлетворить, а потом приток стал с каждым днем все больше и больше и у нас не стало хватать продуктов, многим приходилось уходить не получая ничего. К этому времени забастовки всюду усилились, забастовали пекарни. Хлеба становилось трудно достать даже для больных и вдов. Барков и тут нашел выход из положения. Он направил меня к директору и смотрителю больницы с тем, чтобы те попросили администрацию завода об отпуске хлеба для больных, так как на заводе была своя пекарня. Я, как делегат от рабочих больницы, сделал заявление смотрителю и директору, что нужно во что бы то ни стало добиться согласия администрации завода о выпечке хлеба для больных. Скоро мы достигли успешных результатов. Хлеб нам отпустить согласились, но не в том количестве, которое было нам нужно, а именно—только для больных. Хотя мы и продолжали снабжать продуктами из больницы нуждавшихся рабочих, но небольшое количество, так что многим приходилось уходить с пустыми руками, что вызывало у многих женщин ропот. У больницы стала образовываться очередь. Я заметил тов. Баркову, что так продолжать дальше нельзя: нужно было принимать какие-нибудь меры, чтобы достать хлеба. Мы—человек 30 товарищей, устроили совещание в квартире т. Баркова на Донской улице, в доме Калугина и решили отправить 5 товарищей в с. Семеновское, 5 в деревню Черемушки и 5 товарищей в Котлы для выпечки хлеба. Мне было поручено на больничной лошади привозить этот хлеб, для чего я должен был добиться разрешения своей администрации и заручиться удостоверением для провоза хлеба, как бы для больницы. Я рассчитывал на поддержку врачей и смотрителя больницы и в этой надежде не

шибся: я получил удостоверение, отправился в с. Семеновское, где хлеб был уже готов. Первая поездка была благополучна и я думал, что удастся обернуться раза три и сделать таким образом, запас хлеба. Но к великому своему огорчению, я узнал, что лошадь нужна для возки воды из Донского монастыря, где был свой колодезь, т. к. водопровод уже не работал. Я стал просить смотрителя, чтобы тот не брал у меня лошади, а изменил в обязанность всем свободным служителям больницы взять более удобную посуду для ношения воды и, так как здесь недалеко, то принести воды на себе. Смотритель заявил мне, что он не имеет права заставлять свободных от службы сделать это, если те не дадут на это своего согласия. Я собрал всех служащих и убедил согласиться на мое предложение. Все приняли его, и я отправился один за хлебом в д. Котлы. Приехал туда, наложил хлеб и поехал обратно. Но уже была ночь, поэтому, когда я добрался до Даниловской улицы, меня остановили солдаты и направили в Александровские казармы. Здесь я пытался доказать, что я служитель больницы в поисках за хлебом проездил весь день и ночь, показывал свое удостоверение, но только утром я мог выбраться оттуда. Проведя несколько ночей до этого без сна, я ужасно был утомлен, но все-же отдыхать было некогда: на Красной Пресне начался бой рабочих с карательным отрядом семеновцев.

Рано утром, в день начала боев на Красной Пресне, в больницу пришел т. Барков и еще несколько тов. Они сообщили, что в нашем районе сильно обстреливается фабрика Ситина на Пятницкой и что в Нескучном саду сосредоточен отряд казаков с артиллерией. Видимо ожидали вооруженного нападения рабочих Бромлеевского завода. Я направился к доктору Бекетову. Он также не спал и ходил в волнении по квартире. Я объяснил ему цель моего прихода необходимостью организации у нас красного креста, хотя бы на несколько ирватей, чтобы можно было оказывать помощь раненым. Доктор Бекетов был не против моего предложения и попросил меня быть на совещании врачей, но от этого я отказался, надеясь, что он устроит и без меня. Я же счит лучшим подготовить для этой работы нескольких товарищей. Вернулся к ожидающим меня тов. и предложил им принять в этом деле свое участие. На мой призыв откликнулось восемь человек. Назавив дело, мы направилсь по Калужской улице. Но скоро

нам пришлось свернуть в переулочек, так как улица вся была оцеплена войсками, а от Калужских ворот Донская и Шаболовка были забаррикадированы проволокой и столбами от фонарей и всевозможными решетками от палисадников. Когда мы вышли на Донскую улицу, то здесь кипела работа: строили баррикады. Мы приняли участие в работе, после чего, вместе с другими рабочими, перешли на Шаболовку, где уже не делали баррикад, а шли сплошной стеной и пели марсельезу. На Коровьей площадке, куда мы вошли уже было целое море живых голов. Шел митинг. Вскоре со стороны Александровских казарм появилась конница, и казаки нас оцепнили. Некоторое время чувствовалась растерянность, но это было недолго. Начали раздаваться пелестные, в сторону войск, выражения. Вдруг, недалеко от того места где я стоял, полетел булыжник и попал в казака, последний, почувствовав сильную боль, припирнул лошадь и ринулся в толпу, за ним еще несколько. Засвистели нагайки, где-то раздался выстрел. Волна народа хлынула такой сильной лавиной, что сдержать было трудно. Мы были приперты к самой высокой ограде Михайловской дачи, где был содовый завод. По другую сторону была высокая стена ограды Донского монастыря. Около меня свистели нагайки. Я видел кровь. Я опомнился около Донской слободки, куда меня вели два товарища. Они сообщили мне, что подняли меня у стены. С трудом я добрался по неосвещенным улицам до своей больницы. Было тяжело. Но когда я подошел ближе к больнице, бодрость снова явилась ко мне: над больницей, на белом полотне, развевался большой красный крест. Проведенные несколько ночей без сна и пережитое за день сильно повлияло на мои нервы. Я еле дотащился до своей общей спальни и, не разбираясь, заснул крепким сном. Когда я проснулся на утро, мне сообщили, что из Нескучного сада был приказ нашей администрации немедленно снять красный крест, в противном случае угрожали бить из орудий по больнице, как по забастовочному комитету, сопротивляющемуся власти.

После всего мною описанного, день за днем становилось все тяжелее. Послушного царского войска прибывало все больше и больше. Вооруженные восстания рабочих везде стали подавляться. Зверские расправы карательных отрядов над рабочими сделали свое дело... Мы стали собираться все чаще и

чаще в комнате т. Баркова, в квартире, принадлежавшей некогда Ермакову, бывшему слесарю Бромлеевского завода, в то время уже не работавшего, в виду болезненного состояния. Ермаков разрешил нам занимать для собраний его свободные помещения, при этом сам участвовал в них, был вполне солидарен с нашим мнением, давал нам всегда хорошие советы, делал самые смелые предложения. Мы всегда охотно его слушали и даже привыкли видеть в нем как-бы руководителя нашей организации, в которой к тому времени было уже человек 50. Мы питали к нему уважение, как к товарищу и как к человеку, который давал нам возможность собираться, рискуя каждую минуту попасть в лапы охранки. Могли кто думать и подозревать в нем провокатора, а в действительности он и был таковым. Через него пострадали все 50 человек. Наверное где-нибудь в архиве хранится его дело. В нашу организацию вошел один студент, фамилии его я не помню, он жил в своем доме на Донской улице, недалеко от дома Калугина, где была квартира Петра Осиповича Ермакова. Этот студент принес нашей организации много пользы своим знанием и политическими убеждениями, а равно и материально—политическим безработным. Он приобрел печатную машинку и шрифт. Мы стали готовиться печатать листовки для крестьян. Печатная машина была в полном сборе и хранилась на чердаке квартиры Ермакова. В условленное время мы должны были собраться сюда для работы. Но собрались по разным причинам не все. Собравшиеся товарищи не приступали к работе, ожидая прихода остальных. Охранка была предупреждена Ермаковым, (как это выяснилось впоследствии) и нагрянула на его квартиру. Произвели обыск, нашли машину и арестовали всех, в том числе и Ермакова. Последнему не помогла выдача им охранке своих бывших товарищей. Он просидел шесть месяцев в Бутырях, где и умер. Об аресте товарищей я ничего не знал и поэтому, дня через два, освободившись от работы, пошел к Баркову узнать о результатах работы. Пришел в квартиру Ермакова и, ничего не подозревая, постучался в дверь. Мне отперла жена Ермакова. Тут я заметил испуг на ее лице, но не успел я закончить вопроса, как из комнаты отворилась дверь и вышел охранник. Я был тут же арестован и отправлен в Якиманское охранное отделение. Прошел день, прошла неделя, я не переставал требовать, чтобы меня освободили, до-

казывая, что я по простой случайности зашел узнать дома или нет тов. Барков, которого я давно не видел.

Так как против меня никаких улик не могли найти, а показания, данные обо мне смотрителем больницы были в мою пользу, то меня скоро освободили. Некоторые из других товарищей были назначены к высылке из Москвы на разные сроки и в разные места. Тов. Барков был выслан только на 3 месяца на родину, в г. Тулу.

УЧАСТНИК.

Прежде, чем писать о воспоминаниях 1905 года, я опишу очень важное воспоминание моей жизни и знакомство мое с политикой. В 1904 году я работал в Москве на Шаболовке на мех. заводе Шварцкопер — токарем. Рядом со мной работал токарь Андрей Афанасьев, которого я уважаю до сего времени и буду уважать до самой смерти за то, что он направил меня на путь истины. До знакомства с Андреем Афанасьевым я имел друзей алкоголиков и сам был таким же алкоголиком. Я не знал никакой политики, не знал и не понимал смысла жизни человека и никогда над этим не задумывался, а в свободное время всегда находился в трактире или в пивной. Андрей Афанасьев в нашу компанию алкоголиков не входил, он был человек трезвый, начитанный, развитой. Он всегда меня отговаривал от компании алкоголиков, объясняя мне вред алкоголизма и худые его последствия. Рассказывал мне хорошие рассказы, объяснял значение политики и приучал меня к чтению хороших книжек. Я переменил свой образ жизни и перестал пить водку.

Я точно переродился с тех пор стал смотреть на жизнь другими глазами. Однажды А. Афанасьев пригласил меня на тайное собрание фракции большевиков. Я был очень рад этому. Я почувствовал, что меня стали считать за надежного человека, и у меня было большое желание побывать на таких собраниях, и узнать, что говорится и делается на них. Наконец мое желание исполнилось. На собрание мы пошли вечером в Донскую слободу, близ Донского монастыря. Моего дома не помню. На собрание пришли человек 8, с завода Бромлей 6 человек и нас двое. Оратор говорил очень толково и понятно. Мне очень

понравилось и я стал ходить на такие собрания. Собрания происходили в разных квартирах через недели две. Летом собрания происходили в рощах, на кладбищах, на Москве-реке под Нескучным садом и в других открытых местах.

В начале 1905 года я заслужил доверие у фракции и собрания стали происходить у меня на квартире, (Шаболовка, Варваринский переулок дом Епифановой). Организатор был у нас товарищ Тимофей. Иногда бывали собрания совместно с меньшевиками, вот здесь происходили горячие споры. Когда издали манифест о первой государственной думе, то Московские буржуазные партии решили послать царю «верноподданнический» приветственный адрес и был назначен день собрания в Московской городской думе для его составления.

В это время фракция большевиков повела агитацию по заводским комитетам, чтобы в назначенный день пришло по 2 человека с завода в городскую думу, для срыва собрания и чтобы заявить свое пролетарское мнение, что мы не согласны. (Я не помню, в каком месяце это было, но помню, что было летом). С нашего завода, т.-е. с завода «Трех Святителей» (так называли наш завод), пошло двое — я и Федор Павлов.

Когда открыли собрание и председатель объяснил о высочайшей милости государя и о написании верноподданнического адреса, то выступил наш представитель и заявил, что пролетарии никакой милости от царя не желают, верноподданнических чувств не изъявляют, думы черносотенной не признают и свои права завоевуют вооруженной силой. Все присутствовавшие на собрании буржуи исполощились и засуетились, а мы запели марсельезу и вышли из городской думы. Наше выступление вышло удачно, никого не арестовали и мы остались очень довольны.

17-го октября, в день выпуска манифеста был назначен митинг на Коровьей (Дровяной) площади. Народу на митинге было очень много. Ораторы выступали в разных местах площади, настроение царило оживленное. Вдруг показались казаки с четырех сторон — от фабрики Брокера, Кривого переулка и из Даниловки. Народ бросился в рассыпную в разные стороны, но бежать было некуда, казаки пустили плетки в ход. Ужас, что было — все бегут, падают, кричат.

После этого, собрания стали устраивать в чайных, в нежилых домах, с разрешением. Здесь ораторы выступали с горячими речами и с призывами к борьбе за свои права.

После пошла усиленная агитация среди рабочих. Чаще стали устраивать общие собрания рабочих. В памяти у меня остались хорошие ораторы — тов. «Седой» и Бауман — (Паша).

На заводах начали организовывать боевые дружины. Кто где сумел, добывал себе оружие. На заводе стали ковать кинжалы, пики и т. п. В этих приготовлениях я не заметил, как наступил декабрь. 7-го или 8-го декабря, мы остановили завод и вышли с Марсельезой на улицу, остановив фабрику Симано (против нашего завода) и завод Ефремова (на Шаболовке. На другой день все собрались на завод и предъявили требования хозяину. Он на наши требования не согласился и стал нас уговаривать, говоря что мы требуем невозможного. Выступил токарь А. Афанасьев; с накипевшей ненавистью к буржуям, высказал он все их подлости перед рабочими.

10 декабря раздались по Москве первые выстрелы. Мы, находясь в Замоскворечье на своих позициях, устроили тоже на Шаболовке баррикады.

После подавления восстания наступила реакция, пошли аресты, обыски. У меня на квартире тоже был обыск. Ночью пришел на квартиру офицер, околоточный и человек в солдат, искали в сундуках и камодах, все перерыли, но оружия не нашли, и я остался на свободе. После этого, собрания у меня на квартире прекратились.

В 1906 году продолжалась реакция. Многих товарищей арестовали и многих расчитали с заводов. Мне тоже пришлось уехать из Москвы, во избежание ареста.

№ []

Москва, 29 Октября для 1905 г.

ПРОТОКОЛЬ

Прзвления Общества механическихъ заводовъ братьевъ БРОМЛЕЙ.

№ № статей	СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ	Исполнено
<p>Заявление рабочих следующего содержания:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Девятичасовой рабочий день, в субботу окончание работы в 2 часа и день без перерыва на обед, считая за целый день. (Плата поденная, а не почасная). 2. Увеличение поденной и сдельной платы, как для мастеровых, так и для рабочих на 25%. 3. Плата ученикам первый год не менее сорока копеек в день. 	<p>Рассмотрев эти требования рабочих, Правление первым пунктом отвергает целиком; по второму пункту признает нужным и справедливым, в виду общего вздорожания продовольственных припасов, увеличить поденную плату чернорабочим, не имеющим возможности увеличить свой заработок сдельной платой.</p> <p>По третьему пункту Правление находит возможным согласиться на норму в 40 коп. поденной платы ученикам в первый год их работы.</p> <p>Увеличение платы чернорабочим и ученикам производить, начиная с 1-го ноября с. г., о чем и заявить рабочим.</p>		

Правление О-ва Механическихъ Заводов

Бр. Бромлей

Председатель (подпись)

Ч л е н ы: (подписи)

ПРОТОКОЛЬ

Правления Общества механических заводов
братьев БРОМЛЕЙ.

№ № статей	СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ	Исполнено	
	<p>О действит. рабочих после объявления им решения Правления от 29 окт. 1905 г.</p> <p>В субботу 5 ноября с. г. по окончании работ перед обедом рабочие заявили, что они согласно своего заявления от 28 окт. с. г. не оставят завод до 2 часов дня и требовали, чтобы заводские машины до этого времени были в действии. Согласно заведенным заводским порядкам машины все таки были остановлены. Тогда большинство рабочих остались на заводе, а в два часа потребовали очередного платежа и на работы не стали, ссылаясь на свое решение по субботам оканчивать работу в 2 часа дня. При этом заявили, что и в прочие рабочие дни они будут прекращать работы за 1 час ранее до обычного расписания, сведя, таким образом, рабочий день с 10 часов на 9 час.</p>	<p>Обсудив положение дел и не видя конца требованиям рабочих и их произволу, Правление постановило закрыть заводы на неопределенное время, объявив рабочим о своем решении в такой форме:</p> <p>Правление О-ва механических заводов бр. Бромлей сим извещает заводских рабочих, что в виду неоднократного нарушения ими условий и заводских порядков, заводы О-ва будут закрыты с 21 ноября с. г. Обычная выдача заработной платы будет произведена 19 ноября в 6 час. вечера, а полный расчет 22 ноября с 10 час. утра.</p> <p>7 ноября 1905 г.</p>		
<p style="text-align: center;">Правление О-ва Механических Заводов Бр. Бромлей</p> <p style="text-align: center;">Председатель (подпись)</p> <p style="text-align: center;">Ч л е н ы: (подписи)</p>				

ПРОТОКОЛЬ

Правления Общества механических заводов
братьев БРОМЛЕЙ.

№ № статей	СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ	Исполнено	
	<p>О забастовке рабочих.</p> <p>После объявления, вывешенного на основании постановления Правления от 6-го ноября с./г., рабочие 8 ноября стали на работу, но с 12 часов дня снова прекратили их и объявили, что они предъявляют свои требования. Часть литейщиков и обрубщиков продолжили работы и после обеда. На другой день рабочие совсем не явились на работу, но потребовали, чтобы Заводоуправление допустило их на завод для устройства митинга. В этом им было отказано, так как накануне после обеда они устроили митинг в заводских помещениях, при чем привели с собою посторонних лиц, которые очевидно ими руководили. Поэтому 9 ноября Заводоуправление разрешило рабочим собраться на заводе для обсуждения своих дел, но, чтобы посторонних лиц не было, а для этого рабочим предлагалось при входе на завод получить свой номер. Рабочие на это не согласились и отказались стать на работы. 9, 10 и 11 ноября с./г. рабочих на работах не было. Об этом были составлены полицией ежедневно протоколы.</p>	<p>Ввиду того, что рабочие не явились на работы в полном составе в течение более 3-х дней подряд, то этим, на основании Устава о Промышленности 1893 г. ст. 105 они нарушили договорные отношения с Обществом, а потому объявить рабочим следующее:</p> <p>«На основании Устава Промышленности 1893 г. ст. 105 п. I Правление Общества Механических заводов братьев БРОМЛЕЙ считает договорные условия Общества с рабочими нарушенными вследствие неявки их на работы в течение более 3-х дней, почему и приглашает рабочих получить полный расчет в субботу 12 ноября с 2 часов дня. Расчет будет произведен в табельной. Причитающиеся по расчету деньги и документы рабочих, не явившихся за получением расчета 12 с./м. будут 14 с./м. препровождены местному приставу полицейского участка».</p> <p>ПРИМЕЧАНИЕ: Обозначенное объявление подтверждено фабричным инспектором 11 ноября с./г.</p> <p>Официально забастовка закончилась 19 декабря 1905 г., но работы правильно начались только 9 января 1906 г.</p>		
<p style="text-align: center;">Правление О-ва Механических Заводов Бр. Бромлей</p> <p style="text-align: center;">Председатель (подпись)</p> <p style="text-align: center;">Ч л е н ы: (подписи)</p>				

ТИПОГРАФИЯ Т-ва СЫТИНА

в 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Савостьянов. Воспоминание.
2. Знаменский. Воспоминание.
3. Прокламация РСДРП к рабочим и работницам ф-к Т-ва Сытина.
4. Ротация на которой отпечатан был № 1 Известий Московского Совета Рабочих Депутатов.
5. Здание типографии после пожара.
6. Подземный ход из нового корпуса в старый.
7. Шпик. Воспоминание.
8. Шилов. Воспоминание.
9. Михайлов Д. Воспоминание.
10. Прокламация - письмо к солдатам Александровских казарм.
11. Воронин А. Воспоминание.
12. Малышев и Колыбов. Воспоминание.
13. Попов. Воспоминание.

САВОСТЬЯНОВ.

Вы помните, какую большую роль эта типография сыграла в истории революции: все забастовки начинались с типографии Сытина. Это было основное гнездо революции, и руководителями этого гнезда были товарищи: Кондратов, Чусов, Десятников, Александровский, Богданов, Кораблев и др. Я помню, что в 1905 году было 5—6 случаев забастовок в типографии Сытина; особенно беспокойно было в летний период, когда дядя Вася (В. Шер) приходил к нам и выступал, стоя на тумбочке.

Затем о боевой дружине. От своих старых т.т. я слышал, что в типографии Сытина, в общежитии в ст. корпусе, до последнего момента оставалась дружина человек в 25. Мне рассказывали, как эта дружина отстреливалась с чердака и как скрылась в момент прихода войск, проходя по туннелю в старый корпус. Приходит военная часть в типографию, там никого нет, а когда уходит — опять начинается оттуда стрельба. Кажется, три раза делали нападение на типографию и никак не могли обнаружить дружинников. В конце-концов приехали пожарные и стали зажигать фабрику, и только в третий раз дружинники ничего не могли сделать, и типография Сытина загорелась.

Мне было тогда 20 лет. В начале декабря, мы, уполномоченные предприятий, собрались на Мясницкой улице, где издавался «Русский листок», чтобы обсудить, какой день назначить для всеобщей забастовки. Было решено начать забастовку в 12 часов дня 7-го декабря. Утром, придя на фабрику, каждый из нас объявил рабочим своего отделения, что сегодня в 12 часов, мы должны кончить работу и пойти на собрание на ф-ку

Циндель. Так и сделали. На собрании все выступавшие товарищи призывали к организации вооруженного восстания. После собрания мы, сытинцы, вернулись к фабрике и начали строить баррикады на углу Малой Ордынки и Пятницкой ул. Баррикады строили из обрезков бумаги и пустых бочек из под красок. Сюда же носили ворота соседних домов и телефонные столбы. Не успели мы закончить постройку, как с Серпуховской площади показался отряд городских во главе с помощником пристава. У некоторых из нас было оружие и мы встретили городских револьверным огнем. Городовые ушли и мы закончили баррикады.

С. ЗНАМЕНСКИЙ.

При типографии Сытина была устроена столовая в старом корпусе на втором этаже, где сейчас помещается стереотипное отделение. Однажды, после обеда, было примерно летом 1905 г., подходит ко мне товарищ и спрашивает давно-ли работаю я здесь и много ли у меня знакомых. Я ответил, что работаю я с 1895 года, а знакомых очень много. Немного спустя он вторично со мною заговорил и справился о стачке 1903 года. Я ему подробно рассказал об этой стачке, за которую многие товарищи ходили этапом, в том числе и я. На второй день встречаюсь с этим товарищем в столовой, он меня приглашает прийти к нему на квартиру. Я стал получать от него литературу и распространять в типографии. Этот товарищ оказался «большевиком» из г. Харькова, присланным специально в типографию в качестве наладчика. Это было в июле.

19 сентября 1905 года мы забастовали и вышли на улицу снимать другие типографии. Нас, конечно, царские опричники, разгоняли, но мы собирались кучками и продолжали свое дело. В первый день «сытинцы» остановили «Москов. Листок», тип. Левенсон, Машинцова и друг. Сытинцев в то время, как забастовщиков ненавидели, в особенности лавочники, куда не пойдешь, кричат забастовщики и т. д. Домовладельцы не пускали нас в квартиры, боясь, что их арестуют. Но мы продолжали свое дело. К печатникам присоединились другие рабочие. В октябре месяце торжествовали манифест 17 октября, конечно, не рабочие, а дирекция. Директор Фролов был из рабо-

чих, состоял в партии кадетов, тоже проливал свои слезы; и я, мол, всегда с вами был и буду. По распоряжению Сытина было уплачено за все время забастовки. По случаю постройки нового корпуса на Пятницкой, Сытин пригласил попа с иконами, отслужить молебен. Во время молебна в типографии присутствовали все рабочие, которые заставили попа и дьякона отслужить панихиду по усопшим за свободу. Во время панихиды подняли красное знамя и стали петь вечную память погибшим за свободу. Поп не докончил панихиды и бросился бежать, а за ним и дьякон. По выходе из типографии все собрались на дворе. После молебна директор объяснил, что товарищество жертвует нам по 60 коп. Мы обсудив этот вопрос решили эти деньги принять и отнести их в стачечный фонд.

В то время в типографии организовалась боевая дружина под командою наборщика Десятникова Кости, который в настоящее время работает в Ленинграде. Под его руководством охраняли типографию от черной сотни, от которой получали угрожающие письма по адресу рабочих и типографии. Одно письмо приблизительно такого содержания: «что если не удастся истребить рабочих, то из типографии устроим илюминацию на все Замоскворечье».

Но движение все разрасталось. Р.С.Д.Р.П. (б.) бросила лозунг к рабочим: вооружиться кто чем может, чтобы дать отпор царизму. В первых числах декабря была приостановлена работа в типографии. Мы стали готовиться к вооруженному восстанию. Слесарное отделение мы приспособили для выделки холодного оружия и раздачи рабочим. Боевая дружина работала под руководством небольшой горсточки (большев.). Дружина была разбита на десятки так, что каждый дружинник знал свой десяток. Не знаю, каким путем у нас была налажена связь с солдатами из Таврического полка. Приходили солдаты к нам в типографию в штатском (а иначе было невозможно, так как везде шныряли шпики). Точно не помню, какого числа Москов. сов. раб. депутатов объявил в Москве всеобщую стачку. Помню, 7 декабря мы уже не работали. Собрались в столовой и на дворе обсудить положение. Для безопасности от шпииков нами были заняты все ходы, а также телефоны. Когда проходило собрание нами был выпущен 1-й номер известий москов.

сов. раб. депутатов с призывом к рабочим продолжать борьбу с оружием в руках. Во время печатания газеты был пойман шпион с оружием в кармане. Наиболее боевые рабочие хотели его убить, но их отговорили. Решили отпустить его, предварительно вымазав его типографской краской и вытолкнув его в Манетчиковский переулок, что и было сделано. В один из этих дней (7—8 декабря) из Александровских казарм для присоединения к рабочим шли солдаты с приподнятым и возбужденным состоянием, но не доходя до Серпуховской площади, солдат остановил команд. москов. воен. округом генерал Малахов с казаками и стал уговаривать возвратиться обратно в казармы. Во время переговоров, казаки успели окружить солдат. Наиболее отсталые, под влиянием страха, повернули обратно, а за ними потянулись и остальные. Так и не удалось солдатам и рабочим объединиться вместе, для борьбы против общего врага, но эта неудача не сломила упорства рабочих. Боевая дружина стала строить баррикады, для чего было опилено часть телеграфных столбов, натаскали кучи обрезков со двора типографии и все это опутали проволокой.

Под прикрытием этих баррикад сытинцы боролись с полицейскими и казаками.

Для взятия баррикад к типографии был прислан отряд городских, которых мы отбили. На помощь к ним был выслан эскадрон хорошо вооруженных кавалеристов, против которых наши дружинники не могли устоять. На ряду с ликвидацией наших баррикад, кавалеристы для очистки улиц подняли стрельбу, в результате которой на моих глазах погибло несколько десятков случайных прохожих.

Вечером того же 8 декабря приступили к истреблению гнезда, как это нам писали в письмах. Солдаты взломали парадный вход с Пятницкой, ворвались в типографию, проникли в главную контору, сломали неогороженный шкаф, собрали в наборном реале облили их керосином и зажгли; сами же отправились в трактир на Серпуховскую площадь, заняли его и всю ночь пьянствовали. Рабочие же в это время нашли пожарные рукава и потушили пожар. Когда солдаты узнали, что в типографии пожар потушен, они в пьяном виде пришли второй раз, обстреляли типографию и зажгли уже не в наборном отделении, а в переpletном. Были собраны верстаки, облиты керосином и подожжены. Сами солдаты не уходили больше все, а

оставляли часть около типографии, чтобы не допускать тушения пожара. Не были допущены к тушению пожара также и пожарные команды. Правительство думало, что с уничтожением здания, оно уничтожит рабочее движение. Но оно глубоко ошиблось. Рабочий класс, через революцию 1905 года, учтя все ее ошибки и причины неудачи, продолжал все более организовываться и под руководством РКП пришел к 1917 году.

Из дела Московского охранного отделения
№ 775. 1905 г.

Стр. 66.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

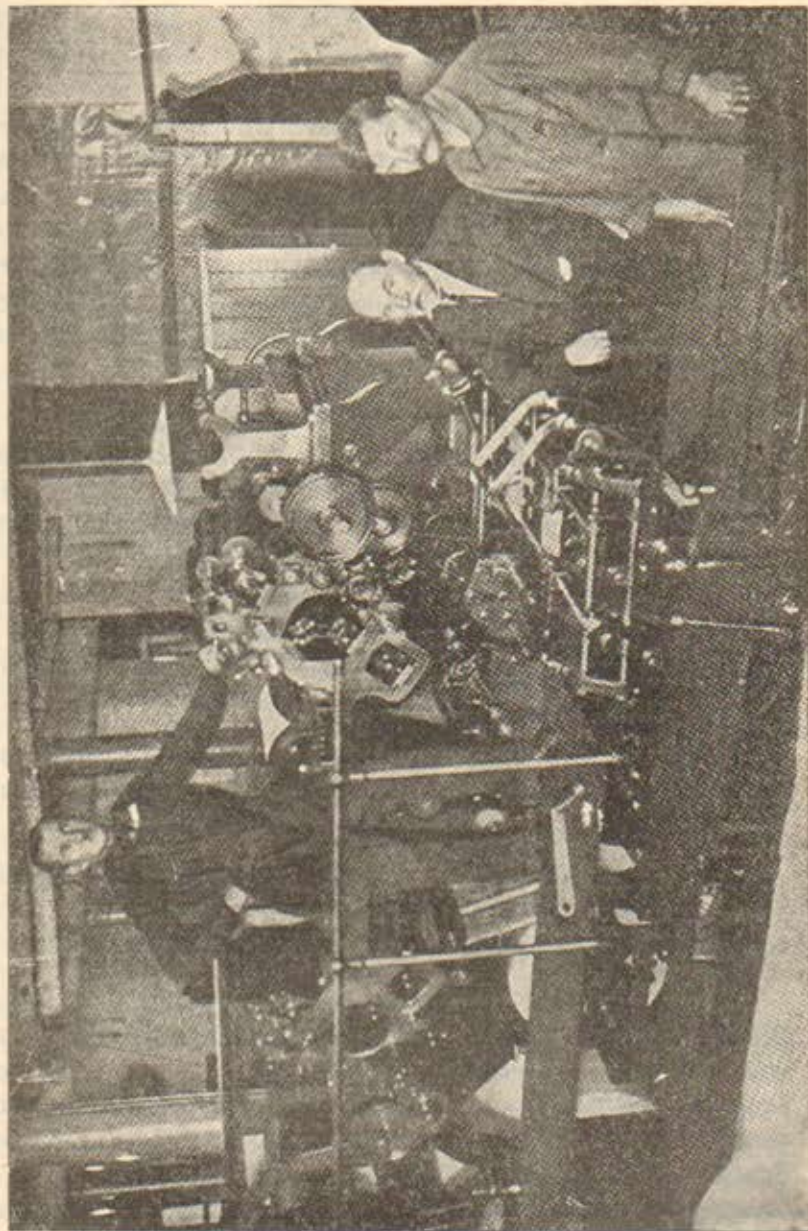
К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ТИПОГРАФИИ ТОВАРИЩЕСТВА СЫТИНА.

Товарищи, администрация вывела из днях объявление. Что же мы видим из него. Как администрация относится к нашим требованиям. Повысила ли она заработную плату. Нет. Дала ли отпуск беременным женщинам. Тоже нет. Таких женщин будут даже увольнять. А что обещает нам администрация на случай болезни. Нам обещают пособия... Но для этого необходимо свидетельство врача. Разве не известно, как относятся врачи к нашему брату. Разве не известно, что они всегда тянут руку своего хозяина. А если и найдется честный врач, то администрация старается спихнуть его и на его место поставить другого, который бы на просьбу выдать свидетельство о болезни, отвечал: «Ты не болен». И опять придется даже больным надирать свои силы на работе. Если же вздумает кто полегчить, то будет это делать на свой счет, так как у него нет свидетельства врача. А затем его прогонят, потому что администрации больные люди не нужны. Какие еще льготы обещает нам администрация. Она обещает нам сокращение рабочего дня... Но присмотримся, товарищи, поближе к этому делу, обещанию. Сейчас сокращают рабочий день или нет. Это откладывается до 1 октября. Администрация хочет посмотреть, как отнесутся к ее обещаниям и, если рабочие будут вести себя тихо, администрация отложит еще на полмесяца, потом еще... а там и совсем забудет о своем обещании. Да, если такое сокращение и будет, то много ли оно даст нам: Мы теперь круглую неделю будем работать по 9 часов, а в великий пост по 10. А там, того гляди, у нас отнимут несколько праздников, как это делали и раньше и никакого сокращения рабочего дня, на самом деле, не произойдет. Итак, товарищи, администрация только насмеялась над нашей просьбой, и в этой насмешке виноваты мы сами. Мы думали петицией растерзать каменное сердце хозяина... Мы думали слезами подействовать на того, кто пьет нашу

кровь и тает наши жилы. Мы унижались перед теми, кто и так топчет нас в грязь на каждом шагу. Разве так добиваются своих требований. Нет, товарищи, ни петиции, ни слезы унижения действуют на хозяина. Только борьбой, упорной борьбой добьемся мы своего. Посмотрите на своих товарищей, других рабочих. Смотрите у них и учитесь же у них. Посмотрите как по всему лицу земли русской поднялся рабочий народ на защиту своих интересов. То здесь, то там вспыхивают стачки, и враг рабочего класса зашевелился. Да, товарищи, борьбой, и только борьбой мы заставим капиталиста уважать наши требования. Не к сердцу его нужно взывать, а бить по его карману. Капиталист не сердцем чувствует, а карманом, и нужно сильнее бить его по этому месту, бить до тех пор, пока капиталист не закричит, не пойдет на уступки. Но, товарищи, каждый из нас должен знать, что мы бессильны перед капиталистами, если будем действовать порознь. Мы только лишь тогда сильны, когда мы вместе. Итак, товарищи, подадим друг другу руки и все за одного и один за всех. Смелей, товарищи, на врага. Но, товарищи, не надо забывать ни на минуту, что у нас есть еще враг. Этот враг является постоянным союзником ваших хозяев, капиталистов, и враг этот — наше самодержавное правительство. Вспомните свою прежнюю борьбу с капиталистами, вспомните борьбу своих товарищей со своими эксплуататорами. Разве правительство не являлось постоянным защитником капиталистов. Разве мало пролилось крови рабочих от рук царских палачей-казаков и солдат. Знайте, товарищи, что наша борьба с капиталистами до тех пор не будет успешна, пока будет существовать самодержавие. Мы должны направить наши усилия против этого врага: мы должны свергнуть самодержавие, которое лишает нас свободы собраний, слова, печати. Подобно тому, как мы не можем бороться с нашими хозяевами капиталистами, пока мы разрознены, так для борьбы с самодержавием нам нужно организовать. Вставайте, товарищи, под красное знамя социал-демократии, которая только одна защищает Ваши интересы. Организуйтесь, товарищи, — тогда весь рабочий класс сплотится в дружную массу, семью, ударит против своего врага самодержавия и разнесет в прах его окровавленный трон. Тогда не стесненные никакими рогатками самодержавного произвола, смело двинемся мы в светлое царство социализма. Будем бороться, товарищи. Будем завоевывать счастье для нас и детей наших.

Да здравствует стачка!
Да здравствует солидарность!
Долой самодержавие!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социализм!

Городской район Московского Комитета
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Рогатки и рабочие, печатавшие первый номер «Известия Моск. Совета Рабочих Депутатов.»

УЧАСТНИК

В большом директорском кабинете типографии Сызгина — тревога. Чувствуется напряженное ожидание чего-то неизбежного. «Солидная» обстановка кабинета, украшенного громадными картинами, с которых смотрят величественно «милостивые» лица царя-освободителя и Екатерины II, — сегодня совсем не соответствует настроению и переживаниям присутствующих. Директор типографии Василий Петрович Фролов нервно ходит по кабинету, заложив правую руку за спину и левую пощипывая остренькую бородку.

Директор Андрей Васильевич Васильев стоит за средним письменным столом, держит в руках телефонную трубку. На его утомленном лице — полнейшая рассеянность, седая голова низко опущена, глаза широко раскрыты, борода смотрит в сторону. Сильно близорукий, демократически одетый, сын владельца Николай Иванович в беспомощной позе сидит в кресле и через толстые очки беспокойно перебегает взглядом с одного предмета на другой.

С минуту на минуту ждут прихода «самого». Уже 10 часов. Разговор не клеится. Важность и неизбежность надвигающихся событий, и внутренняя тревога связала языки.

Вошел сам — Иван Дмитриевич. Обычно спокойный, владелец типографии, едва поздоровавшись с директорами и сыном, заговорил с дрожью в голосе и явным раздражением:

— Что здесь у вас происходит? Вхожу в парадное, вижу... Швейцар как-то нехотя снимает с меня пальто. Около него стоят какие-то... какие-то подозрительные люди, как будто наши наборщики. Руки держат в карманах; ко мне никакой почтительности; взгляд — подозрительный. Один из них в моем присутствии говорит другому: сюда выпускать можно всех, а отсюда — не выпускать никого. Рядом в типографии никакого шума не слышно, машины, значит, стоят... По лестнице туда и сюда бегают рабочие, сломя голову. Чорт знает что! В чем дело?

Когда И. Д. из ответов сына и директоров стало известным, что на сегодня (7/XII) назначено объявление всеобщей политической стачки, что в 12 часов дня в Москве станут все фабрики и заводы, в том числе и его типография, — он на минуту остолбенел не столько от неожиданности, сколько от сознания неподготовленности «мер» *против*.

— Какого же вы чорта сидите? — кричал он через минуту, — быстро при этом перебегая из одного угла кабинета в другой. — Почему не принимаете никаких мер? Впрочем... — он язвительно посмотрел на Фролова, — впрочем ведь ты, Василий Петрович, — социалист сам. Тебе это нравится... Ты заодно с ними.

Обвиняемый Фролов смиренно пробурчал: «Мы бессильны». — Какое мне дело... — я тебе говорю, Андрей Васильевич... Какое мне дело до того, что звонили от Кушнера, что там не знают, что делать, что там все растерялись? Чорт их побери! Мы не должны теряться! Нужно действовать! Чего хотят эти черномазные черти? Ведь рабочий день уменьшен, жалование на 5% увеличено... Правительство дало конституцию, разные свободы... Скоро откроется Государственная Дума! Чего хотят? Ведь своими протестами, забастовками они ведут страну к гибели? Так неужели мы бессильны что-либо противопоставить воле рабочих?

Последний вопрос И. Д. произнес с таким выражением, которое говорило: да, мы бессильны. Владелец опустился в кресло.

— Вот вы, И. Д. — заговорила спокойно, растягивая слова, Фролов, — указываете на то, что дано рабочим. Да ведь, — то, что дано, их не удовлетворяет. Это, по их словам, — жалкие подачки. Они хотят многого. Их Совет рабочих депутатов решил бороться не только с самодержавием или с какой-нибудь там... конституционно-монархической властью. Они решили (тут Фролов понизил голос почти до шепота), — они решили бороться до конца, до тех пор, пока власть не будет в их руках. Власть рабочая, советская... Откуда я все это знаю? Не потому, И. Д., что я будто бы вместе с ними... Обидно мне это слышать, а потому, что сейчас набирается, а может быть уже печатается в нашей типографии первый номер «Известий Совета рабочих депутатов»...

При этих словах И. Д. снова вскочил — Как? «Известия»? Печатаются здесь? Кто разрешил набирать и печатать эту прокламацию? Кто дает бумагу?»

Услышав, что в типографии всюду расставлена рабочая вооруженная охрана, что всякое вмешательство в дела рабочих может повлечь за собой пулю в лоб — разъяренный владелец, как зверь, заметался по кабинету, схватившись руками за голову.

«Ага, теперь понимаю... Сюда входить можно, а отсюда никого не пропускать». Вооружены! Ничего не поделаешь! Откуда у них оружие? Ах, негодни! Раньше хоть прифт воровали. Теперь набирают свою газету, печатают эту подлую прокламацию, распоряжаются в моей типографии, как в подпольном гнезде, хотят совсем отобрать ее... О проклятые, черномазые черти!»

«О господи! Спаси и сохрани» — бормочет Васильев.

«Только бы удрать отсюда живыми» — гвоздем сидит в голове «сына».

В кабинет директоров вошло новое лицо, — высокий мужчина с гривой седых волос почти до плеч, коротко остриженной бородкой и мягким взглядом из-под нависших бровей. Это — священник Г. С. Петров. Он, очевидно, был «в курсе дела». И. Д. сразу же обратился к нему:

«Ну, ваше превосходие, научите, посоветуйте, что делать.» Петров беспомощно развел руками.

«Что еще я могу посоветовать? Лопнуло терпение народное.»

«Не оставит его возмущения никакая сила!»

«Вот так утерпил!»

«Да, в этом церковного проповедника продолжал Петров. По всем признакам, начинается революция, а революция не знает никаких преград. Что такое — захват вашей типографии? Дело может быть гораздо хуже. За последнее время не только городские рабочие-пролетарии, но и крестьяне подняли головы, отбирают себе землю, жгут помещичьи усадьбы, увозят скот, берут инвентарь. Словом — там, в деревнях, революция уже началась и, если призыв к вооруженному восстанию рабочих там примут, — я представить себе не могу, что может получиться. В истории Римских империй и позднее, в великую...»

«Да бросьте вы говорить об Римской там и других историях... Вы скажите мне, что предпринять, что говорить, если меня позовут на какое-нибудь совещание; ведь моя типография — революционное гнездо... Вот что я хочу слышать от вас! Что делать нам сейчас?»

Ответа нет. Все сидит молча. Само собою складывается решение.

«Занять выжидательную позицию. В 12 часов «черномазые черти» выпустят свою прокламацию, разойдутся. Тогда видно будет, что делать. Из соседней комнаты слышится сдержанный гул, шелканье счетов, звон телефона. Внезапно раздается резкий крик... «Ст-о-ой! Ни с места! Руки вверх!» Директора, владельцы взглянули и в испуге бросились к дверям. Около телефонной будки, в конторе, стоял с поднятыми вверх руками прилично, чо-гуржуазному, одетый блондин лет 30 с бледным, как полотно, лицом, с трясущейся от страха челюстью. Колени его дрожат, он трусливо-умоляюще смотрит на окружающих. Наборщик Богданов, рослый детина с решительным видом, сдвинув сурово брови, держит его за воротник изящного пальто, другой рукой он приставил револьвер к его празному виску. «Агент... охранки... влохался» — мигом сообразили собравшиеся.

«Сволочь... Шник!» — Гремит Богданов. Кому даешь сведения? Таща за собою шника, Богданов кричит в рядом расположенную наборную; «Товарищи! Сюда!» Шник умоляюще лепечет: — «Гражданин... Пощадите! Я... я... объясню.»

«Что вы хотите с ним делать?» — попробовал вмешаться И. Д. Сытин, но резкий ответ Богданова — «Не ваше дело» — заставил владельца только махнуть рукой.

Возбужденная, полная любопытства и негодования толпа потребовала организовать общее экстренное собрание для решения вопроса, что делать с пойманным шником. Шумным, беспорядочным потоком все устремляются вниз, в ротационное отделение. Впереди — вооруженные дружинники, Богданов со своей жертвой.

На полу ротационного отделения — следы только-что оконченной работы: бидоны с керосином и скипидаром, недавно вынутые из машин и вымытые валики, тряпки, обрезки бумаги и... кипы сейчас отпечатанных «Известий». Рабочие стоят группами, читают №№ «Известий», оживленно разговаривают.

Ввалившаяся сюда с шумом, криком возбужденная толпа размещается в широком проходе, в промежутках между машинами. Собрание открылось речью Богданова: «Сегодня великий и ответственный день в истории рабочего движения... Готовится вооруженное восстание. Черная сотня зашевелилась... Что делать с этой сволочью? Он сообщил охранке, что у нас печатают «Известия».. обещал проникнуть в типографию... Мог навести сюда казаков с нагайками...»

— «Обыскать его!»

— Обшарить шника: эти продажные шкуры всегда с оружием!—Ого! Вот сволочь-то! Два револьвера!?

— Мало тебе одного браунинга, ты еще поган на помощь имел?

— Документы твои подавай... Продажная тварь!

Озлобление толпы росло. В душе каждого рабочего ширится злоба на этого «шника», все еще стоящего с поднятыми руками среди толпы и с противной, скулящей жалобностью бросающего в нее с помертвевших губ:

«Товарищи-граждане... Не забуду во век... Поцадите... дети... у меня...»

— Негодяй! Предатель!

— Ого! Третий год работаешь? Опытный!»

Небольшая группа — владелец, его сын, директор и поп — стоит в стороне от рабочей толпы, у окна, и с жутким любопытством наблюдает. Чем все это кончится? До какого решения дойдут черномазые.

— Сфотографировать негодяя.—фотография своя, наверху. Два—три рабочих уводят обезоруженного шника. Собрание в ожидании его возвращения выслушивает ораторов. Пожилой рабочий с энергичным лицом, в синем рабочем костюме, пропитанном красками поднялся на ротационную машину. Однообразно жестикулируя—вверх в вниз—сжатой в кулак правой рукой, точно вколачивая ею гвозди—призывал он рабочую семью к революционной бдительности...

Для нас начинаются опасности... Если бы не наша охрана, казацкие нагайки гуляли бы сейчас по нашим спинам... «Известия» отпечатаны. Мы уйдем сейчас отсюда, все захватив с собою... Сегодня мы выступаем против самодержавного строя. До сего времени боролись мы за пятячки, за свое жалкое существование.—будем бороться теперь за власть, за та-

кую власть, какая нам нужна. Опасность в том, что самодержавная власть сейчас как будто растерялась, не принимает резких мер... Мы должны действовать как один, тогда не страшны нам никакие казаки и жандармы... В борьбе против векового врага сытинцы не будут последними. На борьбу! На баррикады!».

Новое глубокое волнение охватило толпу. Впереди—борьба. Начало ей положено. Это — посерьезнее и важнее суда над безоружным шником. Внимание и мысли рабочих уже отвлечены от него в другую революционно-важную сторону.

Тем не менее не сразу при новом появлении шника успокоилась в своей злобе и гнев толпа.

— Обросить его с 4-го этажа!

— Пропустить эту сволочь через ротационную машину!

— Есть у нас вооруженная охрана, есть чердаки... Расстрелять!

— Разорвать на клочки!

— Собаке собачья смерть!

Сыпались в шуме и гаме толпы отдельные возгласы. Чувствовалось, что в этих диких наружно-жестоких словах нет внутренней силы, что понявшая свое значение в серьезной борьбе с самодержавным строем рабочая масса не осквернит себя, своего революционного порыва убийством этого ничтожного, презренного, безоружного шника.

Не понимала этого, не чувствовала нравственной мощи рабочего класса только небольшая группа, стоявшая у окна отдельно от рабочих.

— Как низко пали нравы—слышалось там.

— Это дико, некультурно!

— О, Боже! до чего я дошел... в стенах моей типографии... убийство. Я уйду, чтобы не видеть...

— Нет, товарищи! Мы, печатники—говорил тот же пожилой рабочий,—мы давно считаемся сознательной частью рабочих. Неужели мы позволим себе испачкать стены нашей типографии кровью негодяя? Пусть он сделал свое гнусное дело! Судом Линча мы не должны его судить. Беззащитный враг нам не страшен. Он, подлый трус, умоляет поцадить его.

наказать как хотим мы. Я предлагаю: выкрасить его во все цвета красок, какими мы работаем, и отпустить с надписью «Шник, выкрашен за предательство». Пусть все видящие его скажут: вот человек, который получил награду за свою подлую работу. Его карточку отпечатаем во многих экземплярах и раздадим присутствующим.

- Правильно—раздалось из толпы. Чорт с ним.
- Пусть живет и помнит,—голосит Богданов.
- Всю жизнь будет помнить сытинец!

Пожилой рабочий, шник и еще несколько рабочих идут в дальний угол. Здесь шнику красят лицо, одежду, шляпу и т. п. во все цвета красок. На спине делают большую разноцветную надпись «Шник, выкрашен за предательство».

- Готово!
- Разукрасили! В самом лучшем виде...
- Вот это здорово! Как понугай!
- Гуляй, голубчик!

Среди смеха, шуток, свиста разукрашенный шник, опустив голову, пробирается к выходу.

— «А теперь, товарищи,—кончает Богданов—забирайте газеты и—на улицу, но не забывайте, к чему призывает вас— весь рабочий класс и его вожди. Все, как один... на баррикады! Да здравствует вооруженное восстание!»

В радостно-возбужденном состоянии толпа выходит из ротационного отделения. Раздается бодрое, смелое:

Отречемся от старого мира
Отрехнем его прах с наших ног.
Нам не нужно золотого кумира,
Неизвестен нам царский чертог.

МАЛЫШЕВ и КОЛОВОВ.

Наши воспоминания мы начинаем с декабря месяца, события которого наиболее засели в памяти.

На одном из собраний рабочих было постановлено по предложению товарищей Лебедева и Котова вооружиться. Вооружение было различное. Часть рабочих были вооружены пиками, на втором конце которых был сделан крючок и молоток, часть кинжалами, револьверами и пр. Нам же, как мастеровым было предложено строить баррикады. Остальные т. т. вооружась отправились на Красную площадь, захватив с собою носилки и перевязочные материалы.

Первой нашей жертвой оставшихся строить баррикады, был телеграфный столб на Пятницкой улице, против дома Лопатина. Кроме того, было натаскано железо со двора фабрики в большом количестве и при помощи женщин и девушек к вечеру, несмотря на короткий зимний день баррикады были устроены.

Квартира наша была во дворе фабрики. В 7 часов вечера мы заметили в новом корпусе нижнего этажа огонь. Мы об этом сообщили брату Сытина Сергею Дмитричу и по его просьбе вместе с ним пошли

Туннель в типографии, где скрывались дружинники от нападения полиции.

тушения дали несколько залпов в окна, но все же нам удалось пожар потушить и ползком добраться до квартиры.

Но ночью опять показался огонь. На этот раз горели почти все этажи. К утру половина фабрики сгорела, и верхние этажи провалились на нижний.

Через два дня, когда мы стали завешивать окна на фабрике, но в нас опять открыли стрельбу и нам пришлось обратно ползком добраться до квартир.

Вечером, во время ужина, один из сторожей прибежал к нам на квартиру с криком: «ребята, спасайтесь!» Оказалось, что пьяные семеновцы ворвались в табельную и начали пороть нагайками сторожей. Больше всего досталось старичку Нестерову, который на вопрос семеновцев, где засада, ответил, что никакой засады нет. За это семеновцами с криком «говори, старый чорт» как следует был отпорот.

Услышав все это, мы разбежались кто куда.

Один через крышу к Зонову, другие бросились в кучу мерзлого песка, пустая середина которого служила хорошим убежищем, третьи через забор к Осипову, которых он встретил с угрозой выдать семеновцам.

На другой день управляющему Силину было приказано подать список лиц, проживающих на квартирах во дворе фабрики, и семеновцы начали ходить проверять.

Рабочий двора пришел к нам на квартиру, засиделся и потом остался у нас ночевать.

Вечером опять проверка. Зная, что он не прописан, этот рабочий испугавшись, залез под кровать. Но солдаты его увидели и справившись, что в списке его нет, здесь на наших глазах его зверски избили и перешли руку. Вот, что сохранилось у нас в памяти и о чем мы до сих пор частенько вспоминаем.

А. ПОПОВ.

1905-й год умирал своим последним месяцем. Умирал в крови пролетарской... Продырявленный, израненный... С января и до конца таким уродился...

Что поделаешь—такая уж доля.

Одна из крупнейших типографий на Пятницкой улице своей пятиэтажной верхушкой куталась в хлопья колючего снега. Серебристым инеем местами зашершавившим стены, прилипшей местами белой ватой. Жалобно скрипели под натиском сильного ветра, нагроможденные из спиленных фона-

рей, столбов, бочек, мебели, тюков бумаги и разного хлама баррикады... И все это было крепко закручено друг к другу проволокой, чтоб не растащили сразу.

Позиция сытинской боевой дружины.

Улица перед ночным покоем засыпала в реденьких мерцалках.

Темный мрак окутал типографию.

Торопливо крались запоздавшие пешеходы.—темными тенями корчились, пробираясь в свои квартиры.

А по улице драгуны раз'езжают в полном боевом вооружении.

Засаду напротив типографии облюбовали—гнездо революции караулят.

Порой стрельбу открывают, по стене пулями шлепают.

Дружинников выжили, типографию спалить собираются.

Районы на военном положении объявлены...

А за стенами шла глубоко ответственная работа.

С нагруженным под рубахой первым номером «Известий» небольшая кучка рабочих, как беремные женщины, ухитрились выносить газету.

Друг друга советами и предосторожностью снабжали:

— Смотри, Петр, осторожней... Не попадись!

Или еще тише:

— Ты понимаешь, Сергеев, какую ответственную работу мы выполняем?... В этом номере призыв всех трудящихся к вооруженному восстанию... К всеобщей политической забастовке...

— Смотри, не наскочи на шпика...

И пополневших людей глотала переулочная тьма...

**

В ночь с 11-го на 12-е, из типографии взвился большой красный столб огня... Лизнул длинным языком каменные стены и, смешавшись с черными клубами дыма, поднялся ввысь...

В освещенной красным заревом улице забегали люди. За сновала конница. Усилилась перестрелка...

Потом все утихло...

Народ повалил к пожарнице. Не допускали близко.

Толпа сгрудилась у Серпуховских.

пересуды, недовольство вслух высказывать стали:
 — Смотри, смотри!.. Пожар, да и большущий же...
 — Должно быть фабрика горит?
 — Бежим! Глядко-сь, светло-то, как днем...
 — Ай, бабошки! Сытинская типография горит...
 — Осади на пыхтуар... Куда лезешь?.. Марш по домам!..
 говорил черноусый городской.

Бушевалс зарево, охватив главный корпус здания. Ракетой рассыпался сверху огонь...

Было светло, как днем.

Тут же пожарные в касках расхаживали.

— Вы что же это, черти, глядите?.. подступил печатник к пожарным.

— А от когда сгорит, тогда затушим...—спокойно ответил пожарный,—на соседние строения не дадим переброситься... не сумлевайся...

— Да что же вы что для смеха приехали?..

— Тушить не велено... Это гнездо до тла сжечь приказали...

— Потому зараза отседова сыцелистов идет...

— Сыцелистов?..—передразнил рабочий,—много вы их там найдете... Душегубы!..—И рабочий выругался крепким словом.

Народ пальцы вытягивал к пожарным:

— Ишь ты, приехали полюбоваться... Уж больно антиресно-то?.. Ха...

Жандармы, закрутив усы, покрякивали, раз'езжая на лошадях.

— Ррра зойдись!.. Что без понятий что-ль... Честью прощу...

— Ишь, хайло-то наростил!—закричала женщина в зеленом платке, руками раз'хивая,—тушить надо... Видишь, горит кормилица тыщей семейств... Што остановился, ирод ты проклятый?! Тьфу!..

И плевок затепил лицо подвернувшемуся торговцу мясом Седову, хотя и предназначался жандарму.

— Э, чортова баба!..—утираясь вскричал торговец.

— Подальше, подальше, тетка... Осади!..

И жандарм, подняв высоко кулак, погрозил им в воздухе:

— Поговоришь ты у меня... Больна стрекула...

И прижав в бока лошади шпоры, поехал на другой коней наблюдать за порядком.

Три верхних этажа не только сгорели, но и провалились вниз, похоронив в груде пепла три больших цеха:—наборный, переплетный, печатный...

Рабочим дали расчет... Их было около двух тысяч...

Типография Сытина после пожара.

Показания свидетелей на суде по делу о пожаре в Сытинской типографии.

Марья Васильевна Соколова. Я живу напротив д. Т-ва И. Д. Сытина, в д. Раздобарова, и видела, что в ночь с 11 на 12 декабря 1905 г. в 8 или 9 часов вечера загорелось в окне 1-го этажа дома Т-ва, находящемся рядом с парадным ходом; видно было из окна этого пламя. В воскресенье 11-го декабря, часа в 2-дня, молодые рабочие какие-то, стали рубить телеграфные столбы на Пятницкой улице с обеих сторон фабрики Сытина и сваливать их, опутывая проволоками и устраивая бар-

рикады. Со стороны баррикад, ближе к городу, на Пятницкой раздавались выстрелы, кажется 2 выстрела, но кто их производил, не знаю. Пом. прист. и город. Пятницкой части в это время приближались к баррикадам разбирать баррикады, и после выстрелов побежали на Серпуховскую площадь, после чего оттуда же приехали драгуны разбирать баррикады. Баррикады строило много народу, таскали кадки, разбирали забор, около же дома Сытина строили баррикады человек 6—7, запутывая проволоками расстояние между фонарями с одной стороны мостовой на другую, чтобы не было проезда по мостовой. С 3 часов дня и далее всю ночь я находилась в своих внутренних комнатах и не видела, что делалось снаружи.

Михаил Сергеевич Придин. — Я живу в мастерской в доме Раздобарова, находящемся против дома Т-ва И. Д. Сытина. Окна мастерской выходят на улицу. В 2 часа дня 11 декабря я шел по Пятницкой улице от Серпуховских ворот и видел, как какие-то молодые рабочие, примерно человек 20, рубили телефонные столбы и запутывали их проволокой поперек улиц, подле же дома Раздобарова, против Моветчикова пер., поперек Пятницкой улицы, увидел уже построенную баррикаду; в 3 же часу, находясь подле дома Раздобарова, я увидел, как с Серпуховской площ. пришло человек 30 городских, которые, приказав стоящим на улице уйти по дворам, стали шашками рубить телефонные проволоки; во время этого из квартиры я слышал, как один из городских выстрелил из револьвера, послышался выстрел также и со стороны из-за баррикад; спустя некоторое время городские ушли в сторону Серпуховской площади. Разобрали ли городские баррикады до своего ухода, я не знаю. Затем от Серпуховских ворот появились уже 50 или 60 драгун с офицером, а с ними городские, которые и стали стрелять от ворот в сторону баррикад; драгуны и городские потом опять удалились и вновь появились часов около 8 вечера, когда они, явившись, стали стрелять в фабрику Сытина, а городские стали рубить окна этого дома. Затем, выглянув из калитки, я увидел уже пламя в окне дома Сытина, окне находящемся рядом с парадным входом. Отчего появилось в окне пламя я не знаю. Пламя это стало утихать. В это время, часов в 10 вечера, опять явились драгуны и городские, которые стали стрелять в дом Т-ва, а затем телефонными столбами стали выламывать рамы в доме

Сытина; в последнем в это время я никого не видел, хотя и смотрел на дом из своей мастерской. Драгуны рубили шашками занавески в окнах дома Сытина и уносили их, а равно какую-то материю, к Серпуховским воротам. Во время пожара стояли у Серпуховских ворот. Драгуны, делая свое дело у дома Сытина, шибко бранились; кроме того я слышал слова: «Мало ты мне отрезал», — все слышал, потому что брань была громкая, а я стоял у пожарных, как я видел, факелы, ходили по фабрике Сытина и поджигали ее. Пожарные в 5 часу, когда пожар стал уменьшаться, приехали к дому Сытина и не тушили пожара; пожарные взяли большую лестницу, поставили ее и стали заливать стену соседнего дома Мохова. Утром, часу в 8-м, пожарные уехали, не потушивши пожара. В это время пожар на фабрике еще не окончился. После 3 часов дня, когда разбирали баррикады никого из рабочих около дома Сытина я не видел, вечером в этот день до пожара в фабричном корпусе Сытина я никого не видел, огня там не было, и выстрелов из этого корпуса я не слышал, драгуны же стреляли в фабричный корпус залпами. Во время пожара по Пятницкой улице ходили пожарные и городские; я выходил в это время за ворота дома Раздобарова и слышал, как городские говорили, что фабрику Сытина не приказано тушить; жильцы нашего дома просили околоточного выпустить их, чтобы уйти, но околоточный говорил: «Вы не бойтесь, мы вас спасем». Других домов на Пятницкой улице драгуны не поджигали и не обстреливали. После 3 часов дня и почти до 8-го часа 11 декабря 1905 года на Пятницкой улице народу никого не было.

Михаил Илларионович Ларионов. Я жил 11 декабря 1905 г. в доме Раздобарова, на Пятницкой улице, в квартире, выходящей во двор дома. 11 декабря 1905 года я выходил на улицу, когда рубили телефонные столбы; один подрубал их, а человека 2, 3, 5 валили их, делали это какие-то молодые люди. Я служу на фабрике Т-ва Сытина; в числе рубивших столбы сытинских я не заметил. С 3 часов дня началась стрельба в выстроенные на улице баррикады стреляли драгуны и казаки, которые в 4 часа дня приступили к парадному фабрике Сытина, выстрелили в часы, затем отворили штыками парадное и вошли в него. Казаки и драгуны велели закрывать во всех домах, прилегающих к фабрике Сытина, окна, занавесками. В комнате управляющего фабрикой, рядом с парад-

ны, начался в 6 часу пожар; в это время тогда в той комнате никого не было, ни фабричного, ни самого управляющего. Я видел, как драгуны подожгли комнату управляющего, зажгли в ней бумагу, пожар продолжался не более полутра часов, а затем погас. Драгуны, взявши железные катушки, стали снаружи бить ими окна фабрики нижнего этажа, они затем зажгли шкаф, находящийся в ротационном отделении у стены, примыкающей к д. Мохова. Все это я видел через ворота д. Раздобарова, в которых были щели, ворота же самые в это время были закрыты. Пожар продолжался часа полтора. Затем ту же комнату управляющего вновь подожгли драгуны уже в 12 часу ночи и когда стали от пожара нагреваться стекла в окнах дома Раздобарова, а на дохе кипеть краска, то Раздобаров послал дворника за пожарными, которые прибыли к Серпуховским воротам, к тому месту, где горел костер, у которого стояли драгуны и солдаты, здесь же стояли пристав участковый и его помощник. Я стоял у дома Раздобарова и слышал, как драгуны говорили пожарным, что тушить фабрику Сытина они не позволят, а если пожарные будут тушить, то они, казаки, будут стрелять в них. Дом Раздобарова отстоит от места, где происходил указанный разговор между казаками и пожарными, на расстоянии в три дома время по часам определяю я приблизительно. Драгуны разговаривали с пожарными, не веля им тушить фабрики Сытина, обыкновенно, ни громко, ни тихо; разговор казаков происходил против дома фабрики Сытина с вестовыми пожарных, против дома же Раздобарова; тут драгуны сказали вестовому пожарных, что они не позволят пожарным тушить пожар на указанной фабрике. В это время я был на улице, за воротами дома Раздобарова, примерно шагах в 100 от вестового и драгун. Я лично видел, как драгуны разломали парадную дверь фабрики и вошли на второй этаж дома, сняли все занавески с окон, взяли сукно, коленкор, кусками примерно 60 аршин, находившиеся в литографии и переплетной, и уносили все это к костру на Серпуховской площади. Часа в 4 утра Раздобаров, я и другие лица, видя, что пожар угрожает и нам, так как мог загореться и дом Мохова, послали за пожарными в Пятницкую и Серпуховскую часть; последние, по требованию Раздобарова и его дворника, явились и нам брандмейстера сказали: «Зачем вы нас беспокоите, нам фабрику Сытина ту-

шить не велено». Но просили облить водой дом Ежова и наш, и тогда пожарные стали обливаться дома Раздобарова и стену фабрики Сытина, прилегающую к дому Мохова. Затем в 6 часу утра, когда я вышел на улицу то видел, что пожарные тушат уже и пожар на фабрике Сытина. До пожара в сгоревшем фабричном корпусе Сытина никого не было. Утверждаю это потому, что ключи от корпуса были у Сергея Сытина и помимо него никто на фабрику войти не мог; работы на фабрике Сытина не производились с 7 декабря вследствие забастовки; в пятницу я был в доме Сытина в последний раз на митинге общем, который происходил не в сгоревшем корпусе. 11 декабря 1905 г. с фабрики Сытина выстрелов я не слышал. Казаки и драгуны 11 декабря 1905 года по-моему, были вдрызг пьяны, у Серпуховских ворот утром 12 декабря я видел ящики от вина. В 12 часов ночи с 11 на 12 декабря к фабричному корпусу Т-ва Сытина приезжал помощник градоначальника фон-Медем и приказывал приставу и его помощникам пожара на фабрике Сытина не тушить, а сжечь ее до основания; приказания этого фон-Медема я не слышал, находясь у ворот дома Раздобарова. 9 декабря на митинге на фабрике Сытина было до 4.000 тысяч человек, из коих было 2.000 посторонних лиц, частный пристав, помощник его и вообще полиция в это время была в доме Лопатина, и тогда к ним приезжал фон-Медем, в это время я его видел; о том, что это был фон-Медем, говорили мне наши. В день пожара я был за воротами дома Раздобарова и влезал даже на крышу этого дома.

Николай Максимович Закревский. Я служу сторожем у Т-ва И. Д. Сытина на фабрике; 11 и 12 декабря 1905 года на фабрике я находился. 11 декабря находились же на фабрике, кроме меня, 15—20 мальчиков, дворник и кухонный мужик. В 8 часов вечера я хотел идти за табаком в лавку Кондратьева, но не пошел, потому что на улице, как мне сказали, был разезд; возвращаясь от ворот я увидел, что в корпусе кто-то ходит с зажженной лампочкой; подошедши, я увидел двух солдат в корпусе, которые, собравши лавки и бумагу в комнате корпуса, где помещался заведующий фабрикой, соседней с парадной, зажгли все это. Начался пожар, который заведующий фабрикой Сергей Сытин со мной и мальчиками потушили в течение мин. 15—20. Когда мы тушили пожар, в нас дали залпа два; кто стрелял в нас, мы не видели, так как окна у нас были

завешаны. Затем мы убежали, а спустя 10 минут на фабрику явились какие-то люди с факелами и стали поджигать все этажи корпуса; кто были люди, поджигавшие корпус, я не мог рассмотреть, находился от них далеко. Начался пожар; приезжали пожарные части, которые тушить пожар почему-то не стали. В сгоревшем корпусе в день пожара никого не было и отсюда никто не стрелял. В конторе фабрики стоял несгораемый шкаф, который я видел до пожара и после пожара; после пожара у шкафа оказалась сломанной ручка; следов ударов на шкафу после пожара не видел. Парадная дверь до начала первого пожара оказалась сломанной.

Петр Егорович Егоров (он же Ершов). В декабре мес. 1905 г. я служил на фабрике Т-ва И. Д. Сытина ментраннажем. В день пожара на фабрике Сытина я жил против фабрики в доме Раздобарова. 11 декабря 1905 г. я все время был дома, в своей квартире, выходящей на улицу, против корпусов фабрики. В 2 часа дня, примерно, вышедши за ворота, я увидел как на углу Моетчикова пер., человек около пятидесяти строили баррикаду поперек Пятницкой ул. Помощник пристава Попов с околоточными и городовыми, при чем сам Попов и другие некоторые с револьверами в руках, шли от Серпуховских ворот, при чем городовые разматывали проволоку, чтобы можно пройти через улицу; тогда я ушел в квартиру, а затем, вышедши, я увидел пристава и городовых уже уходящими к Серпуховским воротам; выстрелы в это время и ранее я слышал. Когда полиция ушла, то на улице совсем не было народу; никого не было также и на фабрике Сытина. Спустя час после этого появились драгуны, которые стали стрелять вдоль по Пятницкой улице, Моетчикову и Екатерининскому переулкам. Стрельба продолжалась до 7 часов вечера, при чем сделано было не менее 2.000 выстрелов. Потом я видел из своих окон, как солдаты в синих и красных околышах, поставив лошадей и взяв телеграфный столб, стали разбивать окна в нижнем, а потом и в верхнем этажах фабрики Сытина, стали срывать шторы с окон, брали сафьян клеенку и материю и уносили все это к Серпуховским воротам. В это время частных лиц, кроме солдат, подле фабрики Сытина никого не было. Разбив окна, в них влезали солдаты и пожарные, и факелами поджигали нижний этаж фабрики; поджигали ли верхний этаж — я не видел. Пожарные приезжали не раз, но фабрики Сытина не тушили; во время

пожара Раздобаров выходил на улицу и разговаривал с околоточным надзирателем Пионткевичем: последний, как мне сказал Раздобаров, говорил, чтобы мы не боялись, ибо дом наш пожарные будут оберегать. Брандмейстер и пожарные на мой вопрос, почему не тушат фабрики Сытина, ответили, что они пять раз приезжали тушить, но им этого не позволили, угрожая револьверами. Пожарные по полчаса или по часу стояли у фабрики, но пожара не тушили; пожарные и солдаты с факелами, как я видел, ходили по нижнему этажу фабрики, срывали бумагу с катка и ее поджигали. В три часа утра, когда мы все вышли на улицу, то вся фабрика Сытина была в огне; на улице не было ни одного человека, ни солдат, ни полиции, ни частных лиц; пожарные же приехали лишь в 6 часов утра, когда и стали заливать пожар в д. Мохова.

Иван Никифорович Шельганов. Я ученик-рабочий на ф-ке И. Д. Сытина; мне 18-й год; я в день пожара на фабрике был и помогал другим тушить пожар. В день пожара на фабрике, но не в сгоревшем корпусе, были мальчики, сторожа и Сергей Сытин, но в сгоревшем корпусе никого не было до пожара с 2 часов дня 11 декабря 1905 года и корпус был заперт, а до 2 часов дня я не был на фабрике и был ли кто в сгоревшем корпусе до указанного времени, не знаю. На фабрике, в сгоревшем корпусе после первого пожара ходили какие-то люди с освещением, но, чтобы они поджигали корпус, я не видел. Часть мальчиков оставалась почевать в столовой фабрики, а часть перескочила через соседний забор, часть забралась на сеновал. Когда первый пожар кончили мы тушить, в нас сделали с улицы залп и мы ушли в спальню, откуда тоже слышали стрельбу, но где она производилась, я не знаю.

Николай Семенович Семенов. Я мальчиком служу на фабрике Сытина; мне 17 лет от роду; когда в 8 часов вечера 11 декабря 1905 года начался пожар на фабрике Сытина, то я с другими тушили его, потушили мы его почти окончательно, но к концу тушения в нас с Пятницкой кто-то выстрелил, и мы ушли. Второй пожар тоже начался на фабрике; тут я увидел, как солдаты ходили по фабричному корпусу с факелами; видел я из другого корпуса из спальни, когда в сгоревшем корпусе драгун поднял занавеску у окна; в другом же окне драгун поднял занавеску, посмотрел в окно, а затем нагнулся вниз и начал поджигать, а когда он поднялся, то на месте, где

он стоял, появился огонь. Что поджигал драгун, я не видел. После этого я спрятался.

Константин Григорьевич Силантьев. Я жил в декабре 1905 года в доме Раздобарова, напротив фабрики Сытина, в квартире, выходящей окнами на улицу. Пожар на фабрике произошел в 8-м часу. Я видел, как в красных шапках драгуны ломали парадную дверь фабрики корпуса, а затем на фабрике произошел пожар. Видел я так же, как те же солдаты телеграфным столбом разбивали окна нижнего этажа фабрики Сытина, влезали с факелами, и лишь только они прошли по нижнему этажу корпуса, начался в нем пожар; но поджигали ли они корпус, я не видел. До этого улицы обстреливали; кроме солдат и полиции, на улице, как я мог видеть, никого не было; нам полиция строго запретила выходить на улицу, предупреждая, что нас могут убить. Пожарные были и уехали; стали же тушить пожар пожарные, приехавши в 6 час. утра. На наши вопросы, обращенные к полицейским, почему не тушите пожар? пожарные, полицейские ответили: «Так надо». А когда ходил дворник в участок по поводу пожара, то там ему сказали, что тушить пожар на фабрике Сытина не приказано. Горели ли фонари в этот вечер на улице — я не знаю. Из окон моей квартиры видна часть фабричного корпуса Сытина, а также часть Серпуховских ворот и правый угол фабричного корпуса, выходящий на Монетчиков переулок; Екатерининский же переулок не был виден. Баррикады стали строить во 2-м часу дня, затем по Пятницкой ул. прошла полиция, слышны были выстрелы, а затем появились драгуны в синих шапках, обстрелявшие баррикады и ушедшие. Потом явились драгуны в красных шапках, оставшиеся до трех часов утра, когда они скрылись. От трех же часов утра до шести утра на улице никого не было.

Михаил Федорович Соколов. Я живу в доме Раздобаровых против фабричного корпуса Сытина в квартире, окна коей выходили на улицу. С 11 часов 11 декабря 1905 года какие-то лица стали рубить на Пятницкой улице столбы, опутывать их проволокой и устраивать баррикады, затем сюда приходила полиция и солдаты, происходила перестрелка, а вечером солдаты стали в фабричном корпусе разбивать окна, влезать в них с факелами, и я видел, как солдаты, войдя в корпус, собрали бумагу и стали жечь ее; произошел пожар. В часа

четыре утра мы выходили на улицу, где решительно никого не оказалось; в это время фабрика горела сильно; потом появилась полиция, и когда я спросил, почему не тушат пожарные фабрику, то полицейский ответил, что фабрику Сытина тушить и не будут, что она должна сгореть, а остальных защитят, для чего имеется четыре пожарных команды. Лишь в шесть часов утра пожарные стали тушить пожар, начавшийся в доме Мохова, соседнем с горевшей фабрикой.

Василий Павлович Желтков. Я служу мальчиком на фабрике Сытина; мне отроду 16 лет. В день пожара на фабрике Сытина было мальчиков приблизительно 50. Я помогал тушить начавшийся пожар на парадном в фабричном корпусе; когда тушили, в нас стали стрелять, тогда мы убежали на спальню. Из спальни я видел, что какие-то люди ходили с зажженными факелами по фабрике; но осматривали ли они фабрику или поджигали, я не знаю, но после их прохода вскоре начался пожар на фабрике и в том месте, где они ходили. Шторы в фабричном корпусе, где ходили люди с факелами, не были опущены, поэтому я и видел тех людей.

Городовой Иван Михайлович Телков. Я находился до пожара фабрики Т-ва Сытина на последней постоянно. Когда начался пожар, то я находился в квартире своей во дворе владения Сытина в пяти саженьях от сгоревшего корпуса. Отчего произошел пожар на фабрике Сытина, я не знаю. С утра 11 декабря 1905 года в 8 часов утра на фабрику собрались человек 200 рабочих, с какою целью — не знаю. Оставались они на фабрике во дворе до часа или до двух часов дня; были тут и сытинские служащие и посторонние. После двух часов собравшиеся вышли, а затем минут через 15 вернулись и стали строить на улице баррикады; валяли столбы и опутывали их проволокой. Когда рабочие были на фабрике, то наборщик Тяпкин мне сказал, чтобы надзиратель полицейский Иванов не приходил на фабрику, иначе его арестуют, как-то было раньше. Построено было 4 баррикады: первая на Пятницкой улице, ниже фабрики, на Ордынке, сзади фабрики—2-я, в Монетчиковском переулке—3-я, подле парадного хода фабрики—4-я; устроены они были из бочек, проволоки и столбов телеграфных. Когда появились войска, то со двора фабрики Сытина были выстрелы, примерно пять, стреляли мальчики; были выстрелы и со двора дома Спиридонова. В ответ стали

стрелять солдаты по фабрике; но откуда и кто стал стрелять впервые — определить трудно. Выстрелы были произведены и со двора дома Харитонов, находящегося вблизи от фабрики; дом Спиридонова также находится близко от фабрики Сытина. У рабочих накануне пожара в субботу я видел револьверы лишь у двоих; Тараканов, рабочий, стрелял со двора фабрики, при чем его останавливал Котов, говоря, что нечего стрелять бесцельно. Рабочие сытинские, пришедшие утром в воскресенье на фабрику, мне говорили, что строят они баррикады для отвлечения солдат от тех мест, где они, рабочие, будут действовать. Войска, прибыв, разрезали проволоку на баррикадах в течение 15 минут; из-за баррикад никто не стрелял. Войска оставались на улице до 2 часов утра 12 декабря 1905 года. Разрушая баррикады, войска стреляли по Монетчикову переулку; стреляли ли по другим улицам, мне не видно было. Замок в воротах Сытина был сломан рабочими ломом, после чего рабочие со двора стали вытаскивать бочки и песок для баррикад. Я видел баррикады на Пятницкой и на Ордынке, а на остальных я не видел, часть Пятницкой улицы видна была из моего окна. Один кавалерист сделал выстрел и в третий этаж того дома, где квартировал я и где во втором этаже я с Силиным смотрели в окно. Выйдя во двор с Силиным, я видел, как горел корпус, и мы не могли разглядеть, есть ли кто в корпусе горевшем, ходил ли кто там, или же свертывались горевшие занавески; видны лишь были какие-то тени; нам видно было лишь три окна корпуса. Пожарные везжали во двор фабрики в 4 часа утра, а ранее я не видел, находясь на дворе, чтобы пожарные приезжали. Вначале пожар тушил Сытин Сергей с мальчиками. Малая Ордынка выходит к самому углу Пятницкой улицы. Мальчики стреляли из ворот фабрики в третьем или четвертом часу, когда приехали войска. До 9 часов вечера на фабрике находилось человек 30—35 рабочих, лет 18—19, которые находились в спальне, подле моей квартиры. На фабрике был также и Котов, который рабочими избран был каким-то старшим, он же руководил устройством баррикад подле фабрики. В сгоревшем корпусе за весь день 11 декабря 1905 года никого не было. Котов — сытинский переводчик и я его видел до 9 часов вечера 11 декабря на фабрике Сытина. Еще до пожара, или же когда начался пожар — не знаю, примерно около 9 часов вечера, рабочие, во главе с Котовым,

перелезли через забор в соседнее владение Осипова. Дом Спиридонова находится в Монетчиковом переулке, против фабрики Сытина. Кроме рабочих, на дворе фабрики были и плотники, человек 7—8, которые еще раньше Котова засветло ушли через забор, тоже во владение Осипова. До субботы рабочие приходили на фабрику Сытина по своим делам, на собрание, что ли, на совещание, хотя фабрика была закрыта для работ; собравшись, рабочие произносили речи. В субботу же рабочие вошли на фабрику, взломав калитку.

Полицейский надзиратель фабричной полиции Козьма Иванович Иванов.—На фабрике Сытина работы прекращены были с 7 декабря 1905 года вследствие забастовки. 9 декабря 1905 года рабочие были на фабрике Сытина не только свои, но, по словам городского Телкова, и посторонние; войска же помещены были в д. Лопатина; когда войска пришли, то рабочие стали расходиться. Десятого я вовсе не был на фабрике, на двор ее не входил, боясь, что меня арестуют там, как это было раньше. О командировке войск к фабрике Сытина я узнал от подполковника Ермозова в 3 часа дня 9 декабря 1905 года. Дом Лопатина сгорел, но отчего, не знаю. Войска 9-го декабря 1905 года ушли, как только рабочие разошлись. 11 декабря 1905 года в 10 часов утра я был на фабрике Сытина и видел там всего не более 15 человек своих рабочих; чужих не было. Во время забастовок 7, 8, 9 декабря приходили на фабрику Сытина, где они столовались, хотя и не жили там. По словам Сергея Дмитриевича Сытина, рабочие последний раз столовались, кажется, 9 декабря. Волнений на фабрике не было никаких, кроме лишь того, что меня и чиновника охранного отделения арестовали 7 декабря 1905 года и продержали в конторе в течение часов 2-х. О волнении на фабрике мне никто и не докладывал и лишь 9 декабря мне говорили, что собирались рабочие, в числе коих было несколько и чужих. Котова, рабочего Сытина, я знаю; 11 декабря 1905 года в 10 часов утра, когда я был на фабрике Сытина, там Котова я не видел. 8, 9, 10 и 11 декабря 1905 года тоже была забастовка и на фабриках Михайлова и Шрадера: последние две фабрики не сгорели.

Окологочный надзиратель Раймунд Антонович Писоткевич.—11 декабря 1905 года я находился с нарядом городских на Валовой ул. По телефону дано было знать 11 декабря 1905 г. в управление 2 участка Пятницкой части, что на Пятницкой

строятся баррикады; поэтому выслан был наряд, состоящий из помощника пристава Попова, меня и еще нескольких околоточных и более 30 городских; идя по Валовой улице, мы взяли в руки револьверы, потому что и спереди и сзади нас было много народу; когда мы очутились на Валовой улице, какой-то мальчик выскочил из ворот дома Сытина и, выстрелив в наряд, ранил городского, а затем убежал в ворота дома Сытина. От нашего наряда отделился помощник пристава, который с частью городских пошел разбирать баррикаду, находящуюся у парадного входа фабрики Сытина, а я же остался с остальными городскими на Серпуховской площади разгонять публику; затем появились на площади войска, которые, очевидно, вызваны были полицией. Я весь день за отлучками находился на площади; при солдатах были офицеры, распорядившиеся войсками. В моем отряде ранен был еще и второй городской, кем — не знаю, но из дома не сытинского, а из дома на Серпуховской площади. Расстояние между воротами дома Сытина, из которых выскочил мальчик, выстреливший в наряд, и сгоревшим корпусом фабрики — четыре дома, два по Валовой ул. и два по Пятницкой. Я слышал из владения Сытина один выстрел, коим был ранен городской. И я, и весь наряд видел, что мальчик, ранивший городского, выбежал из ворот дома Сытина.

Брандмайор подполковник Эдуард Эдуардович Лунд. — Я приехал около 8 часов вечера на пожар фабрики Т-ва И. Д. Сытина 11 декабря 1905 года, когда там были уже три пожарные части. Пожарные в это время пожара не тушили, потому что пожар был незначительный: горел лишь парадный ход и прилегающая к нему комната, да кроме того, начальник войскового отряда дал нам сигнал об остановке; приехавши на площадь и объяснившись с местным приставом Рутковским и начальником отряда, которые мне сказали, что пожарные не нужны и что пожара тушить нельзя, я дал сигнал частям об отъезде. Тут происходила постоянная стрельба и тушить пожар под пулями было невозможно. Части уехали домой. Когда ночью мне сказали, что пожар большой, я спросил по телефону у градоначальника, что делать, и он велел мне тушить этот пожар на фабрике Сытина только в том случае, если он будет угрожать соседним владениям. Тогда я велел тушить пожар, которым распорядился брандмейстер Потапов; на пожаре был и брандмейстер Грязнов. Никто из пожарных, будучи

в начале пожара, в первый приезд и мое отсутствие из строя не выходил и к фабрике не подходил. Когда я объяснился с начальником отряда и приставом, я видел несколько драгунских и казачьих офицеров. В первый приезд на пожар я оставался со своей командой у Серпуховских ворот от 20 до 45 минут. По телефону распоряжение тушить пожар я получил от имени градоначальника, или от самого градоначальника фон-Медем, или же от барона Будберга, или же от пристава Носкова, но от одного из этих трех лиц. Точные сведения о времени получения распоряжения о тушении пожара от градоначальника я дал кому то из представителей Страхового общества при его частном опросе. В свой приезд я слышал учащенную стрельбу и видел, что стреляли солдаты, но стреляли ли из фабрики Сытина, это видеть нельзя было; видно лишь было, что внутри здания тушат пожар: из фабрики вырывалась струя воды.

М.л. брандмейстер Пятницкой части Константин Иванович Грязнов. Впервые на пожар фабрики Сытина 11 декабря 1905 г. мы приехали с Пятницкой частью в 8 часов 40 минут вечера. Не доезжая Серпуховской площади нас остановил ночной сторож, сообщивший мне, что старший брандмейстер Потапов не велел нам идти к огню; я остановился, приготовив рукава и тевдер. Из моей команды ни один пожарный на фабрику Сытина не уходил. Уехали мы в 9 часов 50 минут; вторично приехали в 12 часов 5 минут ночи и уехали в три часа утра, а в третий раз приехали в 5 часов утра и стали тушить пожар на фабрике Сытина и уехали в 12 часов 50 минут дня.

Д. МИХАЙЛОВ.

Время шло. Где-то собирались земцы, либералы, толковали о реформах, а жизнь рабочих становилась все тяжелей. Осенью мы выработали требования о прибавке жалования и повышении расценок на сдельные работы. Требования наши не были удовлетворены и мы забастовали. Во время этой забастовки мы шли хоронить либерала Трубецкого, ректора университета. В университете не было занятий, полиция отсутствовала и мы свободно шли с пением революционных песен.

Так движение докатилось до всероссийской октябрьской

забастовки. — Ответом на нее был манифест 17 октября, фактически ничего не давший рабочим.

На другой день после объявления манифеста, придя в типографию, я видел радостные, уверенные в торжестве свободы лица, да и сам был уверен в окончательной победе.

Откуда-то появился лев, икона, святая вода, потом начались приветствия: от хозяев выступил директор Васильев, от ученых — Тулупов; все пели хвалу свободе, рабочим и культуре.

Выдано было 600 рублей на обед, которые были нами использованы на организацию союза. Полиции не было и большинству рабочих казалось, что настает время мира и благодеяния, свобода собраний, свободного обсуждения своих нужд. И только тогда, когда пока насильно пришлось заставить молиться о погибших за свободу, почувствовалась действительность.

Тут с ротационной машины раздался громкий голос оратора: «товарищи вас обманывают, никакой свободы нет, потому что свободу не дают, а ее берут с бою». Мы тогда плохо поняли его слова. Но когда стали закрывать свободные газеты, мы убедились в его правоте.

Наступил декабрь. Был арестован Петроградский совет рабочих депутатов и рабочие решили помериться силами с паризмом.

7 декабря нам сообщили о том, что в Александровских казармах солдаты вышли на плац и хотят соединиться с нами. Мы послали к ним делегацию и ждали их к себе, но генералу, опередившему наших удалось их уговорить идти против нас.

Это был большой удар для восстания, но бой начался и он должен был так или иначе окончиться.

12 декабря я узнал, что нашу типографию подожгли солдаты. Придя я увидел, что от здания остался только нижний этаж.

Войдя во двор фабрики, я встретился с директором Васильевым, к которому подошел вожак рабочих Лебедев и предложил ему собрать и обсудить создавшееся положение, но тот развел руками и ответил: «Нет, нет, довольно, мы уже одни соберемся».

И тогда я понял всю сущность буржуазной политики. В то время, когда буржуазия думала использовать рабочих для

своих выгод, она шла вместе с ними, а когда рабочие потерпели поражение — отшатнулась от них.

После поражения восстания наступили долгие годы глухой реакции, которая кончилась только в 1917 году.

А. ВОРОНИН.

Накануне праздника, 5-го декабря тов. Котов (переводчик) предложил нам записаться в боевую дружину. В тот же вечер мы остались в переводном отделении под видом сверхурочных работ (так мы объяснили полиции свое позднее пребывание в типографии). Нам привезли 10 револьверов и 2 маузера. Мы упражнялись в стрельбе в ожидании нападения черной сотни, по слухам предполагавшей прийти в эту ночь громить нашу типографию. Но она не пришла и мы разошлись по домам в 3 часа утра.

На другой день 6 декабря у нас был отпечатан № известий Московского Совета Рабочих депутатов, а затем состоялся летучий митинг, на котором было решено приступить к постройке баррикад. Вышли и в миг были построены баррикады. На Пятницкой улице спилили несколько телеграфных столбов. На Монетчиковском пер. были сняты ворота и выкачены бочки. Проходивший в это время отряд городских под командой околоточного Пинкевича не осмелился ничего предпринять.

Оружия у нас было очень мало, а потому мы ушли, оставив баррикады, а враги наши думали, что за нами целые полки дружинников. В то время была прислана из Твери кавалерийская часть, которая у нас здесь «оперировала».

Вечером они напились пьяными и под команду офицера бросились штурмовать наши баррикады. Затем не найдя за ними никого, предположили, что дружина засела в деревянном доме (ныне школа ФЭУ) подожгли его. Увидав, что и там никого нет, валомали парадную дверь и горящим бревном подожгли все здание.

После пожара мы были уволены и работали кое-где. За это время была собрана и разогнана 1-я дума, а в июле 1906 года и 2-я. На собрании печатников в Грузинском народоме была вы-

песена резолюция протеста. Как уполномоченный союза, я вместе с товарищами был арестован и был выслан из пределов Московской губернии.

В. ШИЛОВ.

В сентябре месяце типография г-ва И. Д. Сытина забастовала. Мы требовали 8-ми часовой рабочий день, прибавку жалования, словом, всего было в требованиях около 23 пунктов.

Третью неделю бастуем и безрезультатно.

Мы ежедневно собирались во дворе типографии, чтобы выслушать наших представителей о том, как идет ход переговоров с нашим предпринимателем.

Тогдашний директор Васильев, А. В., или упорно отмалчивался, или говорил, что им от правления не получено никаких директив. Мы имели, хотя и нелегальный, но свой союз, и действовали более или менее организованно, тогда как предприниматели только еще собирались иметь организацию, похожую на союз, для борьбы с рабочими. Вот чем и объясняется та неясная политика, которую вел директор Васильев. Сам Сытин не вмешивался, считая себя коммерческим директором, он думал: мое дело торговать, а с забастовщиками пусть говорит Васильев, благо, он сам когда-то был наборщиком.

Помню, мы отправились на Полянку к типо-литографии бр. Кирстен, теперь тип.-лит. им. Дунаева.

Так как в то время нас работало у Сытина около 2-х тысяч, то мы и растаяли от Серпуховских ворот по всей Полянке.

Вошли во двор с криком: «Товарищи, кончайте и присоединяйтесь к нам!». Нас услышали и ответили: «Сейчас выходим!».

Против типографии Кирстен помещался дом с садом, в этом саду была засада полиции, которую мы не заметили подходя к типографии, и не успели мы выйти со двора типографии, как оказались отрезанными полицией, вышедшей из засады, от наших товарищей. Полицейские встали поперек улицы. Мы хотим пробраться к Серпуховским воротам — нас отгоняют обратно, хотим пробраться к Болотной площади, — снова гонят обратно, и, таким образом, сгрудили нас и, с ги-

каньем и руганью, начали колотить, кто кулаками, кто ножной от пашки — «сеledкой», — как ее звали тогда. На беду, у меня соскочила галоша, хотел нагнуться, чтобы одеть, в это время один из городских так ловко ударил меня кулаком в глаз, что искры посыпались, и я не знаю, как выбрался из этой общей свалки и дошел до Болотной площади. Получив подлипейское крещение, с «фонарем» под левым глазом и без галоши, я пришел домой.

После этого случая, на другой день, мы пошли снимать с работы газетных рабочих.

Так продолжалось до Октябрьских дней, когда, под напором стихийного рабочего движения, где чувствовалось революционное настроение, царь вынужден был подписать манифест о свободе, т.-е. дать хотя и пустую, но конституцию. На выходных дверях нашей типографии появилось объявление, в котором говорилось: «завтра, 18 октября в типографии будет отслужен благодарственный молебен по случаю дарования свобод русскому народу, приглашаются все рабочие на означенное торжество». Мы пришли.

Посредине типографии нового корпуса был сделан помост, на нем помещались иконы, возле их поп и дьякон, в центре директор Васильев и семья Сытиных без самого Сытина, который где-то застрял.

Во время молебна, помню, кто то из присутствующих крикнул: нужно отслужить панихиду. Откуда-то появились свечи, и когда дьякон стал читать: «на поле брани живот свой положиша» — то снова чей-то голос зычно крикнул: «Не ври! Не на поле брани, а за свободу» — и дьякон подчинился и прочитал, как требовали.

Молебен окончен, наших представителей позвали в контору. Они получили там деньги для того, чтобы раздать нам на чай. Мы сейчас же во дворе собрали митинг и постановили: деньги полученные на чай передать в союз, на помощь бастующим и на продолжение борьбы.

Выше я уже сказал, что мы хотя и нелегально, но были организованные в союз, тогда как хозяева наши все еще организовывались, и не успели начать работать. Помню в то время говорили, что из организации предпринимателей Сытин вышел и подписанный нам расчет отменил. Результаты предыдущих стачек все же были: мы добились 9-часового рабочего

дня, прибавки жалованья и др. мелких привилегий. Так продолжали мы работать конец октября, ноябрь и начало декабря. С опубликованием манифеста о пресловутых свободах, мы все же чувствовали себя легче. Собрания были почти ежедневно, и даже начали изучать политическую экономию (лекции читал тов. Круглов, с.-д. меньшевик, в Кривом пер. на Шаболовке, в помещении бывших бань).

В грандиознейших демонстрациях по случаю похорон Трубецкого и Баумана мы также участвовали всей типографией и народившаяся в то время черная сотня нас, сытинцев, побаивалась...

Наступили декабрьские дни: 7-го декабря мы пришли на фабрику, но не работали. С сегодняшнего дня назначена всеобщая политическая забастовка.

Имевшаяся в то время у нас боевая дружина охраняет все ходы и выходы в типографию. Войти разрешается, выйти боевая дружина не разрешает, потому что печатается первый номер «Известий совета рабочих и крестьянских депутатов». Настроение всех рабочих боевое и приподнятое. В 1-м номере «Известий» был опубликован призыв к вооруженному восстанию. Начиная со следующих дней, на улицах появляются баррикады, сделанные из спиленных телеграфных столбов и др. деревянных вещей. По улицам ходить стало небезопасно, могли подстрелить раз'езжавшие казаки, или сидевшие за баррикадами дружинники, приняв одиночку за шлика. В ночь с 11-го на 12-е декабря меня разбудила квартирная хозяйка и, указывая по направлению к Пятницкой ул., сказала:

— Типография Сытина горит!

Встав на окно, я увидел зарево и, наскоро одевшись, бегом побежал к типографии. Действительно, горела половина нового корпуса. Стояли пожарные и не тушили и на вопрос почему не тушат, отвечали: «не приказано, нужно это революционное гнездо сжечь до тла». Придя на утро и пробравшись внутрь нового корпуса я увидел: все три верхние этажа не только сгорели, но и провалились вниз и в огне погибли: переплетное, наборное и литографское отделения. На улице реже слышна была перестрелка, вооруженное восстание подходило к концу. Дубасов, тогдашний генерал-губернатор, вышел победителем.

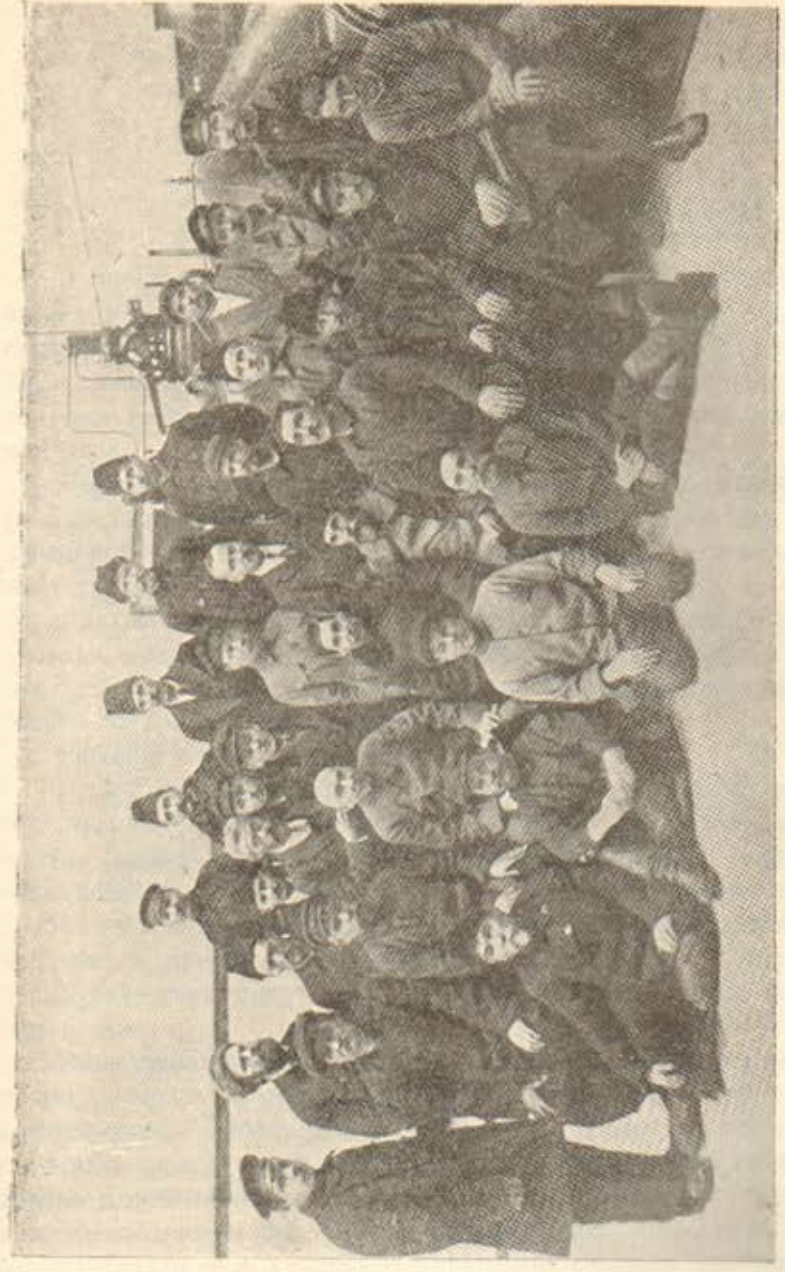
1905 Г.

НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ 1886 ГОДА.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Группа участников в 1905 г.
2. Ефремов. Воспоминания.
3. Медведев. Воспоминания.
4. Прокламации Р.С.Д.Р.П. к рабочим Ц. Э. Станции (1886).
5. Брешер. Воспоминания.
6. Резолюция общего собрания рабочих мастерских станции (1886).
7. Копия доклада в Прав. служащих 1886, в гор. Петербурге.

1902 г.
 НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАН-
 ЦИИ 1886 ГОДА.

Участники 1905 года на электрической станции 1886 года.

ЕФРЕМОВ.

Экономическое положение работников бывш. об-ва 1886 г. было к моменту 1-й революции 1905 года, в сравнении с другими фабриками и заводами московского промышленного района, весьма удовлетворительно. Так, в 1905 году уже существовал для рабочих сменных и ремонтных 8-ми часовой рабочий день.

Рабочих и служащих было свыше 300 человек. Рабочие разделялись на рабочих по отделу эксплуатации, рабочих по кабельной сети и трансформаторам и рабочих по установочному отделу.

Для всех без исключения работников, помимо оклада жалованья, были установлены особые награды в зависимости от выслуги лет, в размере месячного оклада каждого в год, с прибавкой за каждый прослуженный год 10%.

Рабочие снабжались необходимой спецодеждой.

С 1904 года бывш. об-вом 1886 года началась выплата особой премии рабочим за экономию топлива. Практиковалась выдача особых пособий при увольнении, при чем при выдаче этих пособий также принималась во внимание выслуга лет. В 1905 году, при мобилизации, бывш. об-во выплачивало пособия семьям призванных. Рабочие получали отпуска и имели целый ряд преимуществ по сравнению с рабочими других фабрик и заводов.

Вышеуказанные материальные обеспечения рабочих, конечно, не могли не играть совершенно определенной роли при возникновении забастовки в пятом году. Особое положение станции в ряде промышленных предприятий постоянно привлекало к себе взоры остальных рабочих Москвы, т. к. успех каждой забастовки был значительно облегчен, если бы в забастовке принимала участие электрическая станция снабжающая электрической энергией фабрики и заводы, и забастовоч-

ный комитет того времени принимал самые энергичные меры для того, чтобы станция в октябре 1905 года примкнула к забастовке.

С другой стороны, высшая администрация того времени г. Москвы, в лице градоначальства, принимала всяческие меры, чтобы не допустить до остановки станции. Градоначальство требовало, чтобы станция работала при помощи саперов, но это не удалось и на станции даже не было попыток допустить саперов как к котлам, так и к машинам.

Все вышеуказанные обстоятельства и могут объяснить то, что станция в целом приняла участие в забастовке 1905 года одной из последних.

Несколько дней до забастовки (а она произошла 14 октября) станция усиленно охранялась отрядами солдат. На другой день после забастовки станции происходило большое собрание (15 октября) наших рабочих, которые вынесли целый ряд постановлений, почти исключительно политического характера. Во всяком случае, об экономических требованиях, кроме требований уплаты жалованья за время забастовки, никаких других предъявлено не было.

18 октября станция была пущена в ход, но, предварительно, пуск ее также обсуждался на общем собрании. Здесь интересно отметить роль служащих в этом забастовочном движении. Служащие, точно также, правда, позднее на один день, присоединились целиком к забастовке что и рабочие.

Следует отметить участие работников станции (как рабочих, так и служащих) на похоронах т. Баумана, в которых принимала участие не только избранная, довольно большая, делегация из рабочих и служащих во главе с покойным товарищем А. К. Бремером, но и много других.

После манифеста 17 октября ход общей забастовочной волны пошел сильно на убыль, но брожение среди рабочих не прекращалось. Вскоре же рабочие массы поняли, что манифест 17 октября есть ничто иное, как почти ничего незначащее обещание, а всякие репрессии после октябрьской революции, посылавшиеся на головы вождей забастовочного движения, показали, что правительство и после 17 октября намерено продолжать свою прежнюю политику.

Вспоминая прошедшее время нужно сказать, что самосознание рабочих масс на станции чрезвычайно поднялось после первой октябрьской забастовки и это самосознание ярко отражалось в настроении рабочих, в их взглядах на окружающую действительность, и поэтому, когда, под влиянием вождей революции того времени в декабре месяце была решена вторая забастовка, то она уже на станции была проведена сразу, и рабочие, а равно и служащие кончили работать в тот же день (7 декабря).

Настроение во время декабрьской забастовки было тревожным, чувствовалось что-то грозное.

Забастовка продолжалась на станции до 16 декабря, в какой-то день станция была пущена в ход.

Ввиду начавшихся черносотенных выступлений, станция, признанная черносотенными кругами революционным гнездом, все время была под страхом нападения на нее. Никаких особых мер охраны станции полиция не принимала, как только ей стало ясно, что никакими силами саперов она станции пустить не в состоянии. Когда охрана станции, видимо, перестала интересоваться высшую полицейскую власть, многие из рабочих составили свою собственную дружину, которая и несла на себе всю тяготу по охране станции. Высшая же полицейская власть все время давила на администрацию станции в том смысле, чтобы никаких выданных зарплата рабочим не производилось и, кроме того, требовала, чтобы ей были даны адреса всех сменных рабочих, которые должны пустить станцию. Между тем, рабочие требовали, чтобы жалованье им было выдано и тут пришлось тайком выписывать авансовые ведомости на выдачу 1/2-месячного заработка каждому, говорю тайком, потому что полиция еще надеялась на пуск станции и числа 10—11 декабря явилась в контору, во главе с полицеймейстером генералом Будбергом, который, обходя помещения станции и видя, что здесь происходят занятия, рывкнул зычным голосом: «Что за человек и что здесь делает?». Писавший в это время не растерялся и сказал: «Адреса рабочих, которые вы требуете», а бывший здесь помощник заведующего станцией, инженер Зауер, заявил, что это наш заведующий расчетами и ему дано поручение исполнить ваше распоряжение об адресах. Никаких адресов полиция не получила, но ведомости были выписаны и рабочие получили аванс.

Сама станция во время вооруженного восстания не пострадала и поэтому по окончании забастовки она была пущена в ход без всяких затруднений.

Интересно еще сказать два слова о репрессиях. Нужно констатировать, что никаких репрессий за участие в забастовке вообще не было, но директора — немцы запомнили всех тех, кто участвовал в забастовочном движении, и эти лица навсегда были взяты ими в подозрение и им уже они не давали ни движения по службе, никаких либо особых льгот, а при случае всегда напоминали, что: «Вы стоите за революцию и вам доверять нельзя», и только с уходом их во время войны 1914 года, все такие подозрения сами собой исчезли. Правда, русские инженеры всегда были на стороне рабочих и умеряли репрессивный пыл директоров-немцев. В особенности происходили жаркие споры при возвращении арестованных рабочих на станцию. Со стороны русских инженеров были не только требования принять на службу, но и уплатить полностью все причитающиеся за время ареста жалованье. Со стороны немцев отказ и в том и в другом, но чаще всего побеждала русская сторона...

Работать стало нелегко, т. к. всем известная ликвидация вооруженного восстания знаменитыми семеновцами, во главе с Мином и Риманом, восстановившими во всей неприкосновенности самодержавный строй в Москве, не способствовала спокойному отношению к работе, вызывая в сердцах всех сознательных граждан возмущение и жажду реванша.

МЕДВЕДЕВ.

Мне приходится коснуться только отдельных эпизодов, которые происходили у нас на электрической станции 86-го года, как она тогда называлась, а теперь — «МОГЭС». Остановлюсь на более ярком моменте, когда там распоряжались драгуны. Дело в том, что главное внимание властей было обращено на то, чтобы не давать возможности разрастаться забастовкам на крупных фабриках и заводах. Правительство давало возможность разрастаться забастовкам на мелких заводах и фабриках — это ничего, но никоим образом правительство не могло допустить, чтобы такое предприятие, как Электрическая станция — остановилось. Это очень важно и я пом-

ню такой момент, когда нам удалось остановить станцию. Это было тогда, когда я приехал из Перми. Придя на станцию, я увидел там настоящий военный лагерь. Какого только оружия там не было. Рабочим Электрической станции было заявлено: «Вы забастовали, но саперы будут работать». Но все же, несмотря на это, стойкость со стороны рабочих была все таки проявлена и полиции не удалось сорвать забастовку. Высший персонал отчасти охотно шел на эту удочку, но средний и низший технический персонал отказались работать. Вот при таких условиях произошла октябрьская забастовка. Приходилось слышать, что Электрическая станция шла в хвосте этого движения, но нужно знать при каких условиях приходилось работать нам на станции.

Помню еще была забастовка. Я в то время от служащих в ячейку входил и помню как то лощеный драгунчик подставляет ко мне и говорит: «что, тоже забастовщик». Потом приехал помощник градоначальника и приказал пустить станцию. Рабочие успели перепрыгнуть через ворота и рассеяться. Полиция потребовала список и по квартирам происходили аресты тех, которые ушли.

Вот при каких условиях протекала внутренняя жизнь станции. Ячейка образовалась у нас в конце 1904 года, но ее работа выражалась исключительно в снабжении литературой. Некоторые товарищи собирались на квартирах и вели чисто конспиративные беседы, но дальше этого не шло.

1905 год застаёт более оживленную работу. Литературой уже достаточно начинают снабжаться и таким путем уже в октябре забастовка застаёт плотно организованную ячейку. После декабрьской забастовки борьба выбрасывается за ворота нашей станции и там происходит уже в общем порядке схватка с самодержавием на улицах, но внутри станции была такая обстановка, как я упоминал.

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

К РАБОЧИМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ.

Дело освобождения рабочих — дело самих рабочих.

Товарищи.

Плохо живется рабочему человеку, день целый работает не разгибая спины, за то получай гроши лишь для того, чтобы не умереть с голоду. А лишь остановишься, чтобы разогнуть заболевшую спину, то и гляди, палец, руку тебе оторвет, всего изуродует. А болеть не смея рабочий народ, — сейчас хозяин выкинет тебя на улицу, и ты будешь помирать с голоду. И так всю жизнь. Товарищи, вот удел рабочего человека, таков удел будет и наш, таков удел будет всех рабочих, если все рабочие зараз не вступят на борьбу в защиту своих прав.

На наших глазах уволили у нас на станции двух товарищей. Уволили за то, что не стерпелись одному из них постоянные прижимки, ругательства и глумления мастеров, и сказал он слова два наперекор своему мастеру. Мастер пошел и наобидничал инженеру, будто товарищ заснул на дежурстве у станка, и за это убирайся на улицу и помирай с голодухи. «Иди попроси прощения у мастера, тогда мы опять тебя примем», говорил уголенному товарищу наш «либеральный» инженер Верещагин.

Другой товарищ проболел больше того, чем это угодно было нашим инженерам — и за это тоже убирайся на улицу «нам не нужно больных», сказал заведующий пришедшему после больницы на работу.

Товарищи, долго ли мы будем терпеть свое невыносимое положение. Ведь с каждым из нас может случиться тоже самое, что случилось с нашими товарищами. Ведь каждый из нас может нестерпеть постоянных придирок и измывательств мастеров над собою и ответить на слово—словом. Ведь каждый из нас может выйти после работы потный на улицу, может простудиться и заболеть. И за это нас также выгонят на улицу, и за это и мы тоже будем умирать голодной смертью. Мы должны заступиться за наших уволенных товарищей. Мы должны потребовать приема их обратно на фабрику. Помните, что заступаясь друг за друга, мы заступаемся за самих себя. Вместе с требованием приема наших товарищей обратно на фабрику, мы потребуем следующих изменений в порядке на нашей станции:

- 1) Рабочего дня в 8 часов в сутки.
- 2) Увеличение заработной платы на 25%.
- 3) Отмены сверхурочных работ.
- 4) Отмены штрафов.
- 5) Сохранения жалованья во время болезни в течение 3 месяцев.
- 6) Ежегодный отпуск на 1 месяц с сохранением жалованья в полной сумме.
- 7) В праздничные и табельные дни ремонтных работ не производить.

8) Учреждение комиссии из выборных от рабочих и администрации фабрики для надзора за правильным выполнением правил. Без ведома комиссии ни могут не увольнять, ни принимать новых рабочих.

Но, товарищи, мы ничего не добьемся, если не будем стойко и энергично добиваться своих требований. Многие сейчас говорят о петиции, но разве Вы забыли, какой ответ получили петербургские рабочие за свою петицию к царю. Царь расстрелял пять тысяч человек. Разве Вы забыли, что ответил градоначальник Козлов на петицию наших московских товарищей с других фабрик: «если пикнете еще раз, то сгнить Вам в тюрьме. Не петиция нам нужна. Пусть в назначенный день все не выходят на работу и не работают до тех пор, пока не удовлетворят наши требования. Помните, товарищи, что нам никто не поможет, — помочь себе мы можем только сами и пусть в нашей борьбе будет одна братская клятва: один за всех и все за одного. Но, не все то, что нужно нам, товарищи, выставили мы в своих требованиях — другое еще нужно нам, рабочим всей России, всему рабочему классу.

Рабочим всей России нужно столкнуться между собой о своих нуждах, чтобы смелее и дружнее выступить на борьбу против наших врагов фабрикантов, заводчиков, капиталистов. Рабочим нужно: — собираться и говорить между собою, нужно печатать книги и газеты, где бы говорилась правда о их положении. Нужно устраивать союзы и стачки, чтобы сплотить рабочий класс для борьбы за лучшее будущее. Ничего этого нет у нас, товарищи, за каждое слово об этих необходимых свободах, наше царское правительство, поборник тьмы и невежества народного — сажает рабочего человека в тюрьму и ссылает в Сибирь.

Товарищи, мы должны добиться отмены таких порядков в стране, которые выгодны только богачам, мы должны добиваться изменения государственного строя. А он изменится только тогда, когда вместо царя и его шайки — править страной будет сам народ через своих выборных, для того же, чтобы устроить у нас такие порядки, мы сильной борьбой потребуем созыва народных представителей в Учредительное Собрание, которое и устроит в России свободные порядки.

Да здравствует же борьба рабочего класса!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия,
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. А. БРЕННЕР.

Первый раз в моей жизни и в жизни станции широко трактовался вопрос о забастовке 1 мая 1905 года. Агитация эта имела известный успех, т. к. довольно большое число рабочих и часть служащих на работы не явились, хотя сама станция и работала.

Все лето и начало осени 1905 года протекало в напряженной подготовке к дальнейшей борьбе. Все чаще и чаще слышались открыто революционные песни, чаще стали попадаться прокламации и поступать из-за границы революционные издания и сами мы стали печатать прокламации на машинках и распространять их.

В конце сентября 1905 года возникла забастовка типографских рабочих, имевшая весьма большое влияние на дальнейший ход событий. К печатникам позже стали присоединяться рабочие других фабрик и заводов, а затем и железнодорожники, и забастовка в конце концов вылилась во всеобщую политическую забастовку.

Работа такого предприятия, как Московская Центральная Электрическая станция, имела особенно большое значение в ходе развития революционных событий как в 1905 году, так и позднее в 1917 году. Снабжая электрической энергией моторы, установленные на фабриках и заводах, станция, в случае своей остановки, совершенно парализовала бы всю жизнь такого крупного политического и хозяйственного центра, как Москва, не говоря уже о чисто моральном эффекте, как темные улицы, квартиры без освещения и пр. Естественно, энергия революционного комитета, или, как в то время он назывался забастовочного комитета, направлена была к тому, чтобы остановить жизнь Московской Электрической станции.

Так как Московская станция принадлежала в то время частному обществу и в то время был уже известный антагонизм по целому ряду хозяйственных вопросов между Московской Городской Управой и Обществом 1886 года, то администрация последнего, для того, чтобы не быть обвиненной со стороны правительства в попустительстве, обратилась к рабочим и служащим с просьбой продолжать работу станции до тех пор, пока несут работу чисто городские предприятия, как водопровод, канализация, московский городской трамвай и пр. Несмотря на сильное возбуждение, царившее среди рабочих и служащих, мы сочли все таки возможным согласиться на эту просьбу администрации и дожидаться остановки работы городских предприятий, в чем, конечно, мы несколько не сомневались.

Городской трамвай приостановил работу 13-го октября, а с утра 14 октября прекратилась подача воды из Московского

водопровода. Это было сигналом для нас тотчас же остановить работу на Московской Электрической станции. Явившийся 14 октября сменный персонал погасил топки котлов и станция остановилась.

Мы, служащие, уже с утра с нетерпением ожидали остановки станции. Зажгли в помещении конторы электрические лампочки и все время наблюдали, когда же они погаснут. В 3 часа лампочки погасли и мы сейчас же собрались в помещении установочного отдела, где начался митинг. Ораторы обрисовали политическое положение, указывали на необходимость примкнуть к бастующим и выступившим на борьбу с самодержавием рабочим и бороться до решительной победы. Митинг прошел с большим одушевлением и подъемом. Чувствовалось, что бывшие еще вчера «верноподданные» становятся гражданами и готовы принести необходимые жертвы, чтобы добиться счастья.

Собрание вынесло тогда ряд постановлений, а именно, что требуют широких политических реформ, что за забастовку никто не должен пострадать и вознаграждение за это время должно быть целиком уплачено, что самое время забастовки находится в зависимости от решения Забастовочного Комитета и др.

Для редакции и передачи администрации этих требований была выбрана комиссия в составе: В. А. Бренпера, М. А. Соловьева и третьего товарища (фамилии его я не помню, так как он уже давно не служит у нас). Редакционная комиссия собралась вечером в помещении конторы. За отсутствием электрического освещения зажгли свечи в конторе и выработали, на основании директив общего собрания, постановления, которые и передали администрации. Затем мы каждый день с утра собирались в конторе и наблюдали, чтобы не было никаких попыток штрейхбрехерства, а также следили за получением сведений о состоянии забастовки и проведением даваемых забастовочным комитетом директив. В остальное время мы старались попасть на различные митинги, происходившие в высших учебных заведениях.

О манифесте 17 октября стало известно рано утром 18-го октября. Тотчас было организовано собрание, на котором и был поставлен вопрос, продолжать ли забастовку далее или приступить к работам. Несмотря на убедительные и горячие

речи отдельных товарищей не верить манифесту, что это обман и что самодержавием это сделано лишь для того, чтобы подготовиться к борьбе,—для большинства издание манифеста казалось настолько большим, что решено было приступить к работе.

На похоронах тов. Баумана, происходивших 20 октября участвовало по тогдашним подсчетам свыше 100.000 человек. Для участия в похоронах тов. Баумана была организована от Московской станции делегация, деятельное участие, в которой принимал покойный А. К. Бреммер. Он не только собрал деньги на венок, но и устроил на нем очень красиво красные лампы и батареи, который мы несли во время процессии от Технического училища до Ваганьковского кладбища (за что, между прочим, потом участники этой делегации были подвергнуты со стороны администрации станции репрессиям. Администрация станции, в то время состоявшая из одних немцев, полагала, что с объявлением манифеста рабочие и служащие должны работать еще с большим рвением, и за всякие пропуски в работе налагала штрафы).

Указания товарищей, что манифест 17-го октября ничего не даст—очень скоро оправдались: никаких свобод почти не осуществлялось, газеты и журналы конфисковались, аресты продолжались еще в большем числе, и лучшей иллюстрацией к «конституции» явились организованные полицией погромы. Все этого заставляло рабочих готовиться к новой и решительной борьбе и привело к декабрьскому восстанию.

7 декабря рано утром нам стало известно постановление организаций о решении начать немедленно всеобщую политическую забастовку, которая должна перейти в вооруженное восстание. Станция была в тот же день приостановлена, а организационное собрание рабочих и служащих, уже общее, вынесло постановление присоединиться ко всем требованиям революционных организаций и принять участие в активной борьбе.

Если во время октябрьской забастовки все в общем носило сравнительно мирный характер, то в декабрьскую забастовку, несмотря на очень короткий срок, прошедший с октября — 1½ мес. — чувствовалось, что люди политически значительно выросли, требования свои они готовы поддерживать жизнью, и что эти требования носят очень серьезный характер.

Это обстоятельство, т.-е. серьезность положения учитывалось с другой стороны, т.-е. правительством.

Нашей станции было московским градоначальником уделено «особое внимание». Не только на станции, но и во всем округе была расположена полиция, на самой станции стояла воинская часть, а для работы на станции, на случай ее остановки, были командированы саперы которые, по мнению московского градоначальника, являлись очень опытными электро-техниками, а на деле оказались людьми, первый раз видевшими турбины. А саперный офицер, который должен был занять должность заведующего станцией и принять всю работу по электроснабжению Москвы на себя, оказался присяжным поверенным, совершенно незнакомым с хозяйством электростанции. Поэтому станцию, несмотря на все усилия высшей московской администрации, пустить не удалось и станция с честью выполнила свой революционный долг и стала на работу лишь тогда, когда этого пожелали революционные организации.

Вблизи станции баррикад не было, и рабочие и служащие принимали участие как в постройке баррикад, так и в самой борьбе в других районах.

Сама станция от восстания не пострадала, но много трансформаторных колонн и канделябров для уличного освещения было употреблено на постройку баррикад.

Результаты восстания, несмотря на его неудачу, сказались в будущем; они внесли отрезвление в среду рабочих еще веривших в мирный исход борьбы, выковали настоящих революционных бойцов и тем самым преопределили и дальнейшую революционную борьбу и революцию 1917 г.

Резолюция рабочих электрической станции 1886 года.

9-го на собрании в мастерских Центральной Электрической станции (около 250 раб.), после обсуждения целого ряда политических вопросов, было решено послать депутатов к администрации со следующими требованиями: 1) за забастовку никого не увольнять; 2) за все время забастовки платить заработную плату в обычном размере, выдавая полчку в очередной срок и в 3) прекратить забастовку только по постановлению Сов. Раб. Депут.

На эти требования был получен такой ответ: 1-ое будет удовлетворено, на второе главный директор склонен согласиться, но окончательный ответ будет дан завтра, что же касается третьего — окон-

чаяния забастовки, то и сама администрация думает, что она может быть кончена только по решению Сов. Раб. Депут.

(«Известия Московского Совета Рабочих Депутатов» № 5 от 11-го дек. 1905 г.).

Доклад управления Московской станции своему правлению в Петербурге по поводу декабрьского восстания в Москве.

19 декабря 1905 г. № 7369.

7-го декабря утром мы узнали из Московских газет, что в понедельник в 12 часов дня должна начаться вновь политическая забастовка. Мы немедленно обратились с запросом к нашему эксплуатационному персоналу, который нас уведомил, что пока никаких распоряжений он по этому вопросу не имеет.

После обеда, в 1 час, 15 мин., 10 делегатов других фабрик предъявили требование нашим рабочим о немедленной приостановке работ и прекращения работы станции. Это требование имело успех, и в 1 час, 45 мин. были машины остановлены. Также и весь персонал служащих был вынужден приостановить свои занятия. На наше требование, чтобы, по крайней мере, один котел находился в эксплуатации, т. е. вследствие сильных морозов, паропровод должен быть под паром, на происходившем 8-го декабря после обеда собрании рабочих и служащих было дано разрешение с тем, однако, ограничением, чтобы эта работа выполнялась только днем и одним рабочим.

9-го декабря вновь происходили собрания рабочих, после чего нам в письменной форме были предъявлены следующие требования:

1) Ни один работник из забастовавших не должен быть ни оштрафован, ни уволен.

2) Жалованье за время забастовки должно быть уплачено полностью.

3) Продолжительность забастовки не зависит исключительно от рабочих станции, и потому не может быть точно установлено, когда работы вновь начнутся.

Мы сообщили рабочим, что 1-й пункт может быть выполнен в том случае, если не будет каких либо общих распоряжений и что выполнение 2-го пункта зависит не от Московского Отделения, а от Правления.

10-го декабря рабочие высказали настоятельное требование, чтобы их жалованье за первую половину месяца было выплачено им 12-го декабря, вследствие чего рабочим было 12-го декабря выплачено вознаграждение в размере приблизительно полумесячного жалованья в виде аванса.

15-го декабря, утром рабочие имели намерение вступить на работу, но не получили разрешения от Забастовочного Комитета и толки котлов, уже находившиеся под давлением, были вновь остановлены.

16-го декабря, наконец, работы начались, и после обеда в 3 часа 15 мин. был дан ток в сеть.

Станция, которая в течение всей забастовки не имела ни военной, ни особенной полицейской охраны, находится в полном порядке. Со-

вершенно разрушены 23 дуговых лампы уличного освещения на Тверской и одно трансформаторное помещение с кабельными вводами, предохранителями и трансформаторами было употреблено для постройки баррикад. От выстрелов пострадало, насколько можно сейчас судить, много доколей от канделябров уличного освещения, 2 трансформаторные колонны и внутреннее устройство одного трансформаторного помещения, при чем двери внутреннего помещения вырваны, а медные шины, предохранители и кабельные соединения исчезли. Общая сумма материальных убытков приблизительно составляет около 6000 руб.

Так как во время забастовки частных телеграмм не принималось, то мы могли только временами сообщать о событиях путем телефонных переговоров.

Доклад управления Московской станции своему правлению в Петербурге о событиях во время октябрьской забастовки 1905 года.

21 октября — 3 ноября 1905 года.

Настоящим подтверждаем нашу телеграмму от 14/X: «Станция в 3 часа остановлена. Дальнейшая работа помощью саперов невозможна, вследствие угроз со стороны рабочих. Указанное сообщено Брюнингу».

и телеграмму от 18/X:

«Станция пущена в 4 часа».

Сообщаем краткое описание событий:

Начиная с 10 октября, вследствие все более распространяющегося царил среди наших рабочих общее спокойствие, и явившаяся в среду, прекращения железнодорожного движения и остановки многих фабрик, 12-го декабря в 3 часа дня смена потребовала остановки станции из солидарности с бастующими рабочими и опасения мести.

После переговоров и долгих уговариваний удалось убедить персонал, продолжать работу до тех пор, пока городские предприятия, обслуживающие население и первостепенные нужды населения, как, напр., конка, электрический трамвай, газовый завод, водопровод, канализация и др. будут работать.

13-го октября остановился городской трамвай, и 14 октября утром прекратил работу водопровод.

14-го октября явившийся на смену в 3 часа персонал энергично потребовал приостановки работы станции. Рабочие закрыли форсунки в котлах, отправились в машинный зал и потребовали остановки работающей турбины, что и было машинистом выполнено. Несколько делегатов от рабочих отправились после этого в помещение управления и потребовали категорически от конторского персонала также присоединиться к бастующим, что и было тотчас же выполнено.

Начиная с 10 октября на станции находился постоянный отряд солдат в количестве от 40 до 80 чел, с офицерами, а с 12 октября также и саперы, так как эксплуатация станции должна была бы продолжаться с помощью саперов. Полицейский отряд охранял выходы на станцию и

прилегающие окрестности. После заявления о приостановке работы станции, градоначальник дал распоряжение, чтобы саперы приняли на себя работу на станции. Так как мастера, из боязни мести со стороны бастующих рабочих, не могли продолжать работы, а саперы, так же, как офицер, который был мобилизован из резерва и на гражданской службе был юристом, с турбинами обращаться не могли, то приказ градоначальника никакого успеха иметь не мог, и после личных переговоров с градоначальником, дальнейшая работа станции была приостановлена.

15-го октября происходило собрание наших рабочих, которые формулировали свои требования и представили нам в письменной форме:

- 1) Солидарность со всеми остальными рабочими. Забастовка — как протест против существующего правительства для достижения лучших политических прав.
- 2) Безнаказанность за забастовку и уплата жалованья.
- 3) Продолжительность забастовки находится в зависимости от продолжительности всего движения.
- 4) 8 рабочих-делегатов были уполномочены вести переговоры с Московским отделением по возникающим вопросам.
- 5) Все наши рабочие так же, как и те, не участвовали на собрании, присоединяются к этим требованиям.

Пункты 1, 3, 4 и 5 приняты нами к сведению, на пункт 2-ой изъявлено согласие.

15-го октября жалованье за истекшую половину месяца было уплачено.

16-го октября конторский персонал, на происшедшем собрании, выставил требования, которые были предъявлены также в письменной форме:

- 1) Присоединение ко всеобщей политической забастовке. Солидарность с рабочими станции.
- 2) Начало работы только по пуске в работу станции помощью старого персонала.
- 3) Безнаказанность за забастовку и уплату вознаграждения.
- 4) Если понадобится, выдача денежной помощи бастующим рабочим.

После того, как 17 октября ночью здесь стал известным манифест, который удовлетворил требования рабочих, рабочие станции 18-го октября утром были согласны с 3-х часов приступить к работам, если это будет разрешено забастовочным комитетом. Около 10 1/2 час. котлы были растоплены и трубопроводы и турбины постепенно нагреты.

В 12 час. дня в машинном зале было совершено богослужение, которое было начато словом священника с провозглашением «ура» императору и закончено веннем национального гимна.

В 2 1/2 часа дня рабочие собрались опять для обсуждения вопроса о работе станции, так как забастовочный комитет предоставил им в этом отношении полную свободу. После продолжительных бурных разговоров выяснилось, что значительное большинство высказалось за начало работ.

В 4 часа дня ток был дан в кабельную сеть.

1905 г.

НА РЯЗАНО-УРАЛЬСКОЙ Ж. Д.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. П. Д. Левитский. Воспоминание	
2. Лучин.	"
- Орлов.	"
4. Юшен.	"
5. Дронин Григорий	"

1905 г.
 НА ВЪЗРАТО УРАЛЬСКОЙ Ж. Д.

Участники 1905 года на Рязано-Уральской жел. дор.
 Сверху: 1) Уткин, 2) Захаркин, 3) Бобков, 4) Изаков, 5) Федоров, 6) Тармосин, 7) Денисов, 8) Виртша, 10) Хлопткин, 11) Зубатов, 12) Борисов, 13) Гавенский.
 В середине: 1) Федулъ, 2) Ешурин, 3) Веляков, 4) Небер, 5) Левицкий, 6) Архангелский.
 Снизу: 1) Гартанов, 2) Юлин, 3) Шестаков, 4) Шекин, 5) Соколов, 6) Милановский, 7) Зайкин, 8) Александров, 9) Лучин.

П. А. ЛЕВИТСКИЙ.

В конце 4-го и в начале 5-го года, точно теперь я уже не помню, были созваны следом друг за другом 2 Всероссийских железнодорожных съезда. Их работа, казалось бы, была направлена исключительно на то, чтобы улучшить материальное положение служащих железных дорог, но на самом-то деле там красной нитью проходил вопрос, что без коренной ломки правительства ничего не добьешься, почему съезды эти, в особенности последний Московский, имели не малое политическое значение. Это учитывалось всеми и потому на работе этого съезда был сосредоточен громадный общественный интерес. Представителями Московского съезда были избраны Архангельский и Орехов, которые делегировались в Петербург, чтобы перед правительством настаивать на удовлетворении постановлений съезда.

Своим делегатам съезд гарантировал неприкосновенность личности, обещая поддержать их в случае надобности всеобщей забастовкой. Делегаты поехали в Петербург, начали хлопотать, но сразу же убедились, что добиться ничего нельзя. На дорогах стала сгущаться атмосфера, началось брожение и в октябре разразилась первая всеобщая забастовка. Она была настолько дружна и настолько организована, настолько неожиданна, что растерявшееся правительство сразу пошло на уступки и своим манифестом учредило Государственную Думу, так называемую конституцию.

Манифест был встречен с ликованием. Забастовка кончилась. Дав свободы правительство в то же время начало крутую расправу с народом: начались аресты, обыски и когда стали разбираться в манифесте то убедились, что пресловутый манифест дает далеко не то, что надо; увидели, что в Государственной Думе могут участвовать не все, а только определенная часть населения; поняли, что правительство то, что дало пра-

вой, отвяло левой рукой; поняли, что правительство обмануло народ.

Брожение началось снова, но уже из чисто политических соображений. Народный гнев искал себе выхода. По дорогам был пущен слух, что Орехов и Архангельский арестованы. Я в это время был начальником ст. Бирюлево.

В декабре м-це, как только на станции была получена депеша о забастовке, тотчас было созвано общее собрание служащих, на котором был избран стачечный комитет, в который вошли, как приноминаю, Пастухов, В. С. Беляков, П. А. Левитский, Артамонов (дорожный мастер), Николаев (машинист), Барышков (машинист) и др. Этот комитет взял в свои руки управление всеми делами Бирюлево. Население станции единодушно примкнуло к забастовщикам, но все-таки среди него царил некоторая растерянность, никто не знал, что делать. Из Москвы были слышны выстрелы; знали, что там на баррикадах идет бой. Итти туда 18 верст на помощь своим товарищам? Но с чем итти — оружия никакого не было. Бирюлево гудело, как потревоженный улей, но сделать ничего было нельзя.

Стачечный Комитет все свои силы обратил на то, чтобы внутри себя организовать революционный порядок, чтобы всегда быть на чеку, чтобы на зов революции откликнуться единодушно. И, действительно, Комитету все время приходилось быть на чеку. Дело в том, что по всему Московскому узлу начались грабежи, расхищение из вагонов грузов, поджоги, буйства и проч. При чем были основания думать, что в некоторых случаях были замешаны темные силы, руководимые и поощряемые правительством, в частности, полицией; можно было думать, что правительство шло на провокацию, чтобы всякого рода эксцессами породить в массах недоверие и неуважение к забастовщикам.

И вот Стачечный Комитет решил во чтобы то ни стало, принять меры к сохранению грузов от расхищения, при чем бояться этого можно было не со стороны служащих Бирюлево, которые понимали всю важность и ответственность момента, но со стороны окрестного населения, куда все больше проникали растлевающие слухи о возможности расхищения жел-дор. грузов. Поэтому комитет немедленно распорядился все грузы

вагоны (их было 450) собрать в одно место и сохранять, при чем для охраны пришлось собрать все имеющееся оружие служащих Бирюлево.

Только что комитет успел справиться с этой задачей, как ему пришлось разрешать новую. От напряженности момента, от неизвестности, что будет, все чаще и в большом количестве стали появляться пьяницы, которые учиняли всякого рода буйства, хулиганские выходки, призывали к расхищению грузов и т. д. Необходимо было все это прекратить. Стачечный Комитет немедленно созвал общее собрание служащих и добился от него постановления: немедленно в буфетах прекратить торговлю водкой; все кабаки и шинки позакрывать, а водку, если ее где найдут, уничтожать, выливать на землю и проч. Это постановление тут же провели в жизнь и пьянство прекратилось.

Комитет на время вздохнул свободнее, но не надолго. В селе Булатникове, в 4-х верстах от Бирюлево, где жило не мало служащих станции, между прочим, в одной избе квартировал телеграфист. Он влюбился в дочь хозяина, сделал ей предложение, но получил отказ, как от нее, так и от отца. Тогда озлобленный телеграфист ночью поджог дом своего квартирохозяина. Дом сразу занялся, подул ветер и село запылало. Немедленно Стачечный Комитет послал в село пожарный паровоз (село стоит по обеим сторонам линии). Служащие Бирюлево, кто в чем понало бросились тушить пожар, но несмотря на их помощь стали раздаваться угрожающие голоса, что в пожаре виноваты железнодорожники, что станцию надо спалить и т. д.

Тогда Комитет немедля поставил на пассажирской, товарной и передаточной станциях по пожарному паровозу (с пожарным рукавом) и организовал патрульную охрану станции, при чем оружие для охраны Комитет приобрел путем хищения охотничьих ружей, идущих из Саратова в Москву. Вот эти-то ружья Комитет взял для вооружения патрулей.

Так прошло около недели и у стачечного комитета назрела новая забота. У служащих станции вышли все продовольственные запасы, лавки стали закрываться одна за другой. Собственно, запасов, в прямом смысле слова, никогда и не было, так как близость Бирюлево от Москвы позволяла иметь каждому свежие продукты, а так как из Москвы всякий подвоз прекратился, то поэтому и стал намечаться продовольственный кризис. Можно было опасаться, что голод толкнет служащих

Вирюлево на крайность, поэтому Комитет решил созвать комиссию из представителей служб и по имеющемуся у каждого представителя служебному списку, было определено, кому сколько по известной норме надлежит дать продовольствия. Каждому служащему были выданы карточки и по ним выдавались продукты на каждые три дня, при чем денег с служащих Комитет не брал, так как жалованья никто, в силу забастовки, не получал, и, следовательно, денег не имелось; но с другой стороны, Комитет считал, что и даром никто ничего получить не мог, так как продукты меньше всего принадлежали служащим, да и к тому же можно было опасаться—в случае распространения среди окрестного населения слухов о бесплатной раздаче грузов, — нежелательных эксцессов, поэтому Комитет все выданное им записывал за каждым в кредит по существующим ценам. Таким образом, служащие без всяких осложнений стали получать из вагонов продукты и опасность продовольственного кризиса отпала. Стаечный Комитет и тут с честью вышел из создавшегося положения.

Но работа Комитета была по вкусу не всем. Нашлись лица, которым Комитет стал перек горла: к членам Комитета в отдельности стали приходиться подозрительные типы с предложениями: то взорвать никому ненужный мост, то устроить поджог и т. д. И вот, когда комитетчики не поддались на их увещания, на них начались покушения, к счастью, окончившиеся благополучно.

Декабрь кончился. Начались репрессии. Воодушевление стало постепенно упадать. Никто не знал, что делать дальше и постепенно стали открываться один за другим железнодорожные узлы. Стаечный Комитет распустил сам себя и каждый встал на свое место.

Но, по мере того, как жизнь входила в свою колею, стали расти слухи о всех больших репрессиях, многочисленных расстрелах и арестах. С ужасом передавались сведения о расстрелах, учиненных на Моск. Каз. дороге знаменитым Риманом, который набивал трупами вагоны. И вот 14—15 января нагрянула «карательная экспедиция» в составе 50 солдат и 20 жандармов и в Вирюлево. Был арестован почти весь Стаечный Комитет и ряд других лиц, всего около 15 человек, которые и были немедленно заключены в Бутырки.

Забастовка кончилась. Правительственный террор разгласился с новой силой, но ничто, никакие ужасы и репрессии не могли сломить революционную силу пролетариата.

ЛУЧИН.

Я работал в депо Москва Р.-У. ж. д. Появилось объявление о том, что доктор Протопопов прочтет лекцию. Когда все собралось в товарную контору и здание было совершенно полно, то вместо лекции, было решено начать забастовку. Тут же с собрания мы пошли в депо и начали спускать пары с паровозов отнимать регулятор и ручки и бросать их в канаву. На другой день мы снова собрались в товарной конторе и решено было идти к университету. Когда мы зашли на угол Моховой ул., то эскадрон казаков стал нас разгонять и произошла панника. Некоторые были арестованы и избиты казаками. После всего этого на станции жизнь совершенно замерла. Не слышно ни одного паровозного свистка. Потом организовали самообрану, дабы спасти от расхищения груз и избрали делегатов на делегатский съезд, который проеходил в 4 классе. В процессе работ съезда началась реакция и участникам съезда пришлось срочно ночью раз'ехаться по местам. Арестовать участников съезда прямо на съезде не удалось, потому что поезд, в котором были делегаты был отправлен ночью без свистков. Но после, все-таки участь некоторых т.т. была плохая. После разгона съезда было вывешено объявление о вступлении на работу—кто не явится, тот будет уволен немедленно. Все мастеровые и рабочие собрались в депо. Начальником депо в то время был Тотубаев, который с кулаками подходил к каждому и совал в морду: «я вам покажу как бастовать». Мечты этого ярого монархиста не сбылись. Он был изувечен слесарем Алексеевым во время работы, который одним ударом избавил всех нас от этого монархиста. После этого наше депо было на учете жандармерии. Преследования были на каждом шагу. Рядом работающим товарищам разговаривать было нельзя. Все время ходили шпики и за малейшее вольнодумство сейчас же арестовывали, а после ареста возврата не было. С тех пор у каждого рабочего сложились его классовые убеждения, что нужно организованно бороться со своим классовым врагом капиталом.

В. П. ОРЛОВ.

Я поступил работать в депо Бирюлево (от Москвы 17 верст Р.-У. ж. д.) между первой и второй ж. д. забастовкой, после знаменитого манифеста Витте. Среди рабочих и служащих было бурно-приподнятое настроение. Чувствовалось, что все переживают медовый месяц свобод. Все думали, все надеялись, что завоевания, вырванные из руд царского правительства

В. П. Орлов.

прочны и останутся навсегда. Сравнительно легкая победа вселяла во всех уверенность и самодеянность. Трудно было выступать и доказывать и на больших собраниях и в группах рабочих, что царское правительство слишком вероломна, что может наступить реакция, что все завоевания могут быть отняты и что надо во всю использовать растерянность самодержавия и организовать и партийные организации и широкое вооружение рабочих.

Только незначительное количество квалифицированных рабочих это создало и группировалось в одно ядро и как и чем могло вооружалось. В это время никаких оформившихся партийных организаций у нас в депо не было, но на небольших собраниях наиболее активных рабочих уже стали появляться организаторы Р. С.-Д. Р. П. и С.-Р. Представители организаций на наших собраниях вели между собой отчаянные партийные споры. Все это сильно утомляло нас и надоедало. Мы жаждали указаний, директив, как организовать широкие массы, где достать оружие, что делать в случае реакции.

Наконец нам с тов. Суворовым, промывальщиком паровозов, удалось «сбить» самостоятельный кружок с. д. и наладить связь с т. «Яковом» от Московской организации Р. С. Д. Р. П. Настали дни реакции. Вспыхнула вторая ж.-д. забастовка. Для нас было ясно, что без вооруженной борьбы завоеванной свободы не отстоять. Мы каждый день созывали свой кружок; обсуждали дальнейшие наши действия. Связь с партийной организацией у нас была порвана. Тов. «Яков» к нам не являлся. Трудно

нам было ориентироваться в создавшейся обстановке. Все мы рвались, все мы горели желанием взяться за оружие. Но никто из нас не знал как это практически сделать. Никто из нас опыта вооруженного боя не имел.

В это время у некоторых товарищей явилась мысль, создать вооруженную дружину под видом охраны ж.-д. имущества. Мы на своем кружке постановили всем записаться в эту охрану и захватить там главенствующие роли. Нам нужно было вооружиться. Создать боевую вооруженную единицу, которая бы всецело находилась под нашим влиянием и руководством. И это нам в полной мере удалось. Из нашего кружка т. Хромов (слесарь) был начальником этой охраны, тов. Антипенко (слесарь) его помощником. Этой организации мы дали название боевой дружины. Вооружились охотничьими ружьями с картечью. В нашей боевой дружине было до 70 человек и исключительно почти одни деповские рабочие. Нам необходимо было, чтобы все наши дружинники находились в одном месте и были бы всегда наготове. Для этого мы добились предоставления нам служебной комнаты, где мы и жили как в казармах. Использовать нам нашу дружину как мы думали не пришлось. После подавления восстания в Москве, дружина наша была распушена; ее руководители—т. Хромов и Антипенко—были арестованы и посажены в тюрьму, а вместо меня по ошибке был арестован мой однофамилец—контрищик. Так закончила свое существование наша примитивно вооруженная организация. Многие т.т., которые входили в наш кружок и вели в то время себя очень активно и сейчас служат в депо Москва и в депо Бирюлево (А. Соколов—машинист, Шетиллов—столяр, Мякишев—печник и другие).

ЮЛИН.

В июле месяце мы уже пачками возили прокламации, разбрасывали по станциям и по линии, в особенности обильно снабжали Каширу. В августе месяце у нас образовался кружок в количестве 40 человек из активистов помощников слесарей из службы движения, контрищиков и составителей. Кружок работал под руководством двух студентов. У каждого члена названного кружка был свой номер, по которому брали еже-

месячный взнос. Я был сборщиком, Манаков секретарем, Зуев казначей. Собрания у нас происходили регулярно каждую субботу, при участии тех же студентов. Помещения для собраний каждый раз выбирались новые. Чаще всего собирались на 3-м парке в мякине, которая была насыпана под откосом. Солидарность у всех была образцовая. Предателей не было. Наконец, наступил день 8-го октября, день всеобщей забастовки железных дорог Московского узла. Организаторы наши студенты на собраниях говорили нам о социализме, о капитале, но о дне забастовки совершенно не было помину. И вот, когда я в 6 часов утра пошел на смену (в это время я работал на маневрах), то не увидел ни одного паровоза на путях, ни одного свистка. Тишина могильная. Я не верил тому, что видел. Часов в 9 или в 10, к депо стали собираться машинисты и слесари. Радость у всех была неописуемая. Вечером этого же дня было первое многолюдное собрание в товарной конторе. Так продолжалось каждый день. Наконец, дождался 18 октября, когда обнародовали куцый манифест. В этот день у нас было в товарной конторе многолюдное собрание, где было постановлено большинством, идти к университету благодарить студентов, если же их нет, то хотя бы поклониться стенам университета. И вот мы все собрались и пошли на Моховую улицу.

До 18-го октября включительно каких-либо выступлений со стороны полиции не было, пассажирский вокзал и депо мы по очереди охраняли сами. После 18-го октября получился раскол. На собраниях стали раздаваться голоса, призывавшие стать на работу. В это время началась реакция и ходить на собрания стало не безопасно. Однажды в товарной конторе, когда было очередное собрание, кто то с провокационной целью крикнул: «казаки». Смятение получилось ужасное. Дня через три вышли на работу. В ноябре месяце репрессии со стороны администрации к нам стали увеличиваться. Все обещанные свободы от нас были отняты. Тут то мы поняли, что манифестом нас обманули. От нашего депо был выбран делегат Сусков, который ходил на другие дороги Московского узла и узнавал настроение. Сведения отовсюду получались одинаковые — нужна забастовка, но не экономическая, а политическая. В конце ноября у нас на дороге образовался стачечный комитет. В декабря опять стали все дороги, заводы и фабрики. Мы были на страже. Ухо держали востро.

В одно время, хорошо помню в праздник, до нас дошел слух, что на Пятницкой улице в типографии Сытина, сидит боевая дружина и там будут делать баррикады. Тогда я, Иванов Петр и Утенков, пошли туда на помощь, где принимали активное участие в устройстве баррикад. Какая дружная была работа! Пилили телефонные и телеграфные столбы, снимали ворота, тащили со двора все, что понадалось, несли на улицу и опутывали проволокой.

Но, в результате боев, царские войска принудили нас окончить восстание и приступить к работам. Реакция загудела во всю и вместо того, чтобы нам дать обещанные куцым манифестом свободы, у нас отняли то, что мы имели прежде...

ГРИГОРИЙ ДРОНИН.

В декабре 1905 года Р.-У. ж. д. забастовала по приказу Московского Совета Рабочих Депутатов и представителей 29 железных дорог, первая раньше других жел. дорог.

Вот как это было.

В первых числах декабря до начала всероссийской забастовки на ст. Москва пасс. Р.-У. ж. д. в зале 4 класса происходил съезд представителей, служащих и рабочих всей Р.-У. ж. д.

Я был в числе делегатов этого съезда от Тамбовских железнодорожников. В то время я уже был членом партии и по приезде на съезд установил связь с Московской большевистской организацией. Кажется, у меня была «явка» из Тамбова, но, кроме того, я имел связь еще через бывшего в то время членом нашей партии студента Московского Высшего Технического училища С. Д. Шейна (теперь инженер-химик ВСНХ).

Партийными адресами во время съезда я пользовался для получения советов о работе на съезде, для получения с. д. литературы, необходимой нашим провинциальным парт. ж. д. организациям, по этим же сведениям хлопотал об оружии для СД организаций Р. У. ж. д.

Г. Дронин.

Живя вместе с другими делегатами на станции, по партийным явкам получал нелегальную литературу, газету «Новая жизнь» и направлял с приезжавшими на съезд товарищами в провинцию, одновременно снабжая нелегальной литературой близких товарищей-делегатов съезда.

По партийным делам помню сносился с отделением Питерской большевистской газеты «Новая жизнь». Бывал по явкам в квартире зубного врача (женщина) и в квартире какого-то присяжного или помощника присяжного поверенного.

Помню однажды на одной из явок я получил адрес, где находился транспорт привезенной из-за границы нелегальной литературы.

Названия улиц вообще не помню. За этой литературой помню вошел в один из верхних этажей. Указанные мне комнаты по всем признакам были студенческие квартиры. Меня встретил один товарищ. Спрошенного мною лица не оказалось, но встретивший меня товарищ переговорил со мной и, узнав зачем я пришел, открыл дверь в соседнюю комнату. Там стояли, кажется, два больших чемодана, набитые нелегальными брошюрками на тонкой бумаге. Я набрал себе из чемодана книг, оставил за них деньги и ушел.

Помню, с С. Д. Шейном однажды я ездил получать *) и получал большевистскую нелегальную литературу в особняке у Красных ворот. Там нас встретил знакомый Шейну товарищ, провел в свою комнату, поднял сиденье большого дивана и наделил меня литературой, находившейся внутри дивана.

Через Шейна же я познакомился с одним партийцем-большевиком тов. Григорьевым. Тов. Григорьев показался мне весьма преданным делу революции товарищем. По внешности, по фигуре и по чертам лица он показался мне похожим на Лассалья.

И Шейна и Григорьева я заинтересовал партийно-революционной работой в ж. д. мастерских на ст. Козлов Р. У. ж. д. и уговорил их псехать туда на партработу. Они оба уехали в начале декабря и задержались в Козлове до всеобщей декабрьской забастовки.

Наш съезд представителей служащих и рабочих Р. У. ж. д. был созван в Москве в результате октябрьских успехов борьбы.

Делегаты выбирались от всех железнодорожников и по группам от кондукторов, станционных служащих, ремонтных

рабочих, машинистов, рабочих депо и мастерских, от линейных железнодорожников, от управленцев и даже от служащих правления Р. У. ж. д.

По моему мнению, на съезде было более 200 делегатов (точно не помню), в числе которых были и женщины. Например от Саратовских ж. д. была тов. Романенко (сейчас член нашей партии РКП(б) член Общества старых большевиков, живет в Москве).

По составу, по политическим настроениям, съезд был весьма пестрый—были большевики, меньшевики, с.-р., неопределенные радикалы, либералы-союзники (из так наз. Всероссийского ж. д. Союза) и правые. Даже были делегаты явно черносотенного контр-революционного типа.

Настроение большинства съезда было бодрое. Пролетарская часть, вместе с беспартийными рабочими, была порядочная, но в общем, как я уже сказал, съезд по своему составу от всех категорий служащих и рабочих был весьма пестрый, соответственно вообще пестрому составу железнодорожников. В президиум съезда в большинстве прошли либералы, члены Всероссийского ж. д. Союза—говорун. Председателем съезда был избран прибывший с мандатом от служащих находившегося в Питере правления Р. У. ж. д. некий Орехов, выдвинувшийся в Питере в первую октябрьскую забастовку среди либералов железнодорожников. От СД и СР в президиуме были единицы, так, например, от СД был саратовец Сушкин.

Либералы-союзники на съезде сначала пользовались большим успехом. Кроме «обаятельной» правленской фигуры Орехова, были инженеры, адвокаты, затем шли ревизоры, помощники нач. станции и т. п. Многие благоговейно «смотрели в рот» союзникам. Из беспартийных выделялся ораторством пом. машиниста Сухоруков, недавно выдвинувшийся из кочегаров. Почти рабочий, с пролетарским чутьем, Сухоруков, вместе с другими такими же шел в выступлениях за «лощенными союзниками»—либералами из Всероссийского ж. д. союза.

Потом либерально-буржуазная натура понемногу начала вскрываться, доверие у многих голосовавших за союзников, стало колебаться.

По одному из вопросов, когда ораторы союзников вызвали к себе недовольство многих участников съезда, всегда остроумный Сухоруков взял слово и заявил по адресу союзников

(припоминаю почти буквально заявление Сухорукова): «Я с большим вниманием слушал красные речи этого оратора и вначале думал, что он любовь к пролетариату всосал вместе с молоком из груди своей матери, а на самом деле, оказывается, эта любовь у него, как пыль на его куртке—взять щетку, повести ею по куртке—пыль нет, так легка его любовь к пролетариату».

В глазах многих таких, как Сухоруков—либералы-союзники все более и более компрометировались.

Одновременно мы, приехавшие из разных мест Р. У. ж. д. социал-демократы все более и более знакомились, стоварились и составили сплоченную партийную пролетарскую группу.

Все внимание рабочих и служащих Р. У. ж. д. было приковано к нашему съезду, на него возлагались большие надежды. Зал IV класса всегда был битком набит слушателями—местными и приезжими железнодорожниками. Кажется была делегация от служащих других дорог Московского узла.

Первые дни съезд вел организационную работу, затем принимал делегации с линии, разбирался с конфликтами, имевшими место на линии, судил штрейхбрехеров, срывавших забастовку, чем, кажется отличались участки Ртицево-Камышинской линии.

Из возмутительных действий противников забастовки помню рассказ про попытку нач. станции «Кирсанов» Павлова при проходе делегатского забастовочного поезда цуцить его в туник. Были бы большие жертвы, если бы контр-революционный замысел удался. Этот случай сильно взволновал железнодорожников.

В Москве в те дни бурлила жизнь: митинги, собрания, доклады по фабрикам, то здесь то там происходили разрозненные забастовки.

После убийства тов. Баумана и погромных свирепствований охотничьих, время от времени кое где выступали черносотенты. На Западе порою резко проявлялось черносотенно-погромное шипение.

Заметны были разведки черносотенцев и в районе пассажирского вокзала Москва пасс. Р. У. ж. д., где заседал наш съезд. До нас дошли сведения, что черносотенцы готовят нападение на наш съезд. Съезд начал тревожиться. Я обратился в

Большевистскую Московскую организацию с просьбой об охране съезда. Была прислана вооруженная дружина, под охраной которой съезд заседал несколько дней. Тревога прошла и дружина была снята. Конечно, дружина была законспирирована и известна была только для президума и некоторых членов нашей партии.

Перейдя к обсуждению порядка дня, съезд, делегаты которого в значительной степени съезжались из хлебородных районов не менее 2 суток (заседание продолжалось лишь с небольшими перерывами на обед и для сна в вагонах, стоявших здесь же на вокзале); дебатировал вопросы о земле. Фигурировало не менее 3-х аграрных программ: социал-демократическая, эсеровская и либералы союзники тоже что то свое выдвигали по аграрному вопросу.

За аграрным вопросом в порядке дня стоял пункт с докладами «о 8-ми часовом рабочем дне».

В числе первых по докладу о введении на жел. дороге 8-ми часового рабочего дня выступил отмеченный мной беспартийный Сухоруков. В его речи заслуживает внимание приблизительно следующее заявление: «Ну, если мы много говорили по крестьянским делам, по аграрному вопросу, всячески обсуждали, как разрешить для крестьян земельный вопрос, и на это потратили много времени, то что же касается необходимого для нас 8 часового рабочего дня, мы, товарищи, от этого вопроса и подавно не отстанем. Мы этот самый 8 часовой рабочий день должны взять для себя прямо грабежом.»

Мысль о введении на железных дорогах 8-ми часового рабочего дня революционным путем была высказана Сухоруковым особо внушительно. Последние же слова: «мы этот самый 8-ми часовой рабочий день должны взять грабежом»—как электрическим током охватили большинство делегатов и всех присутствовавших в качестве зрителей железнодорожников и вызвали с их стороны гром аплодисментов и положительно повлияли на прием резолюции о введении 8-ми часового рабочего дня.

По вопросу об организации железнодорожников я считаю, что попытка ореховцев-либералов (союзников) повести резолюцию о присоединении съезда к Всероссийскому Ж. Д. Союзу не увенчалась успехом и была принята резолюция с. д. об организации профессиональных союзов железнодорожников.

Наш съезд не успел закончить всех намеченных ранее работ. Революционное настроение в Москве и в других промышленных районах все более и более нарастало, царское же правительство, наоборот, принимало меры к ликвидации даже обещаний, выраженных в манифесте 17 октября.

4 или 5 декабря до нас стали доходить сведения о неизбежности в ближайшие дни объявления новой всеобщей забастовки, в которой железнодорожники должны сыграть роль застрельщиков.

Правдоподобность этих сведений, по моей справке, подтвердилась из большевистских источников. Да и положение вещей было таково, что оттягивать с новым выступлением было невозможно.

Числа 5 декабря мне стало известно, что вопрос о всеобщем выступлении будет решаться вечером на партсообрании, куда мне была дана «явка».

Сейчас не могу вспомнить, где была «явка». Помню пересажали через какую-то площадь (Москву тогда я знал очень плохо). Указанный по явке дом нашли быстро.

Вот, что нам было там сказано: «По партийной линии вопрос о выступлении решен, но окончательное официальное открытое решение будет вынесено завтра (кажется в 2 часа дня) на заседании Московского Совета Рабочих Депутатов. Как решит и объявит Совет, так и должно быть», подчеркивая сказал говоривший с нами товарищ. Для нас, конечно, понятно было, что вопрос о выступлении был решен окончательно.

Таким образом, мы ехали с информацией: первая для партийцев «что выступление неизбежно», вторая для всех делегатов съезда «что вопрос о выступлении будет окончательно решен завтра на заседании Московского Совета Рабочих Депутатов». Одновременно в эти дни в Москве было созвано совещание представителей служащих и рабочих 29 железных дорог. На этом совещании тоже обсуждался вопрос о всероссийском выступлении. От нашего съезда туда ездили Сушкин, Алексей Петров и с-р. Луцкий. Московский Совет Рабочих Депутатов и совещание представителей 29 железных дорог постановили объявить всеобщую забастовку. Наш съезд зака-

чивая работу, постановил присоединиться к призыву Московского Совета Рабочих Депутатов и совещанию представителей 29 железных дорог и объявить всеобщую забастовку по Р. У. ж. д.

Забастовка должна была начаться на следующий день. Президиум съезда распорядился сформировать и назначить экстренный поезд для делегатов съезда. Поезд, кажется, должен был выйти из Москвы через Повелец на Козлов до полночи, так как с этого момента было намечено поездов с конечных станций не выпускать. Были проведены выборы исполнительного комитета для проведения решений съезда. В состав исполнительного комитета было намечено 21 чел. В исполнительный комитет, правда, в значительном меньшинстве, но все таки попали и «союзники» ореховцы. Большинство избранных в исполнительный комитет оказались сторонниками всеобщей забастовки. Из них помню из саратовцев с.-д. Сушкин, Алексей Петров, машинист Молчанов, телеграфист Жуков, с.-р. Луцкий; от тамбовцев я, тов. Лушников. Других членов исполнительного комитета точно не припомню. Ореховцы «союзники», узнавши, что они в исполнительном комитете в меньшинстве и что большинство за всероссийскую забастовку, отказались войти в исполнительный комитет. Точно мотивов невхождения союзников в исполнительный комитет не помню, но на кардинальном вопросе об отношении к всероссийской забастовке определенно выявилась либеральная фигура «Ореховцев». Они оказались во враждебном лагере. Момент выхода союзников из исполнительного комитета я было позабыл, но об этом мне напомнил приезжавший из Ленинграда тов. Жуков.

Исполнительный комитет закончил все дела в Москве, объявил по Р. У. ж. д. всеобщую забастовку, организовал охрану, служебный персонал и руководителей нашего делегатского экстренного поезда и назначил выход поезда с Повелецкого пасс. вокзала. В целях удобства для заседаний исключительно для членов исполнительного комитета был выделен салон-вагон I класса, который стал во все время следования поезда в Саратов центральным забастовочным штабом служащих и рабочих Р. У. ж. д. (ныне Ульяно-Ленинской).

Всеобщая забастовка началась всюду на Р. У. ж. д., но была разгромлена силами контр-революции. Одновременно с разгромом—казаки, нагайки и тюрьмы для участников забастовки. Я был арестован 9—10 декабря в Тамбове и сидел в тюрьме до весны.

ДОБРОВ-НАБГОЛЬЦ

в 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Плита у которой собирався общие собрания рабочих з-да.
2. Перечень событий на з-де в 1905 г. с требованиями и ответом администрации.
3. Предупреждение администрации о закрытии завода и портрет активнейшего участника 1905 г. т. Антонова.
4. Объявление администрации об увольнении литейщиков.
5. В. Кирилов. Воспоминание.
6. Косарев.

ДОБРОВО-НАВЛОДЯНИ

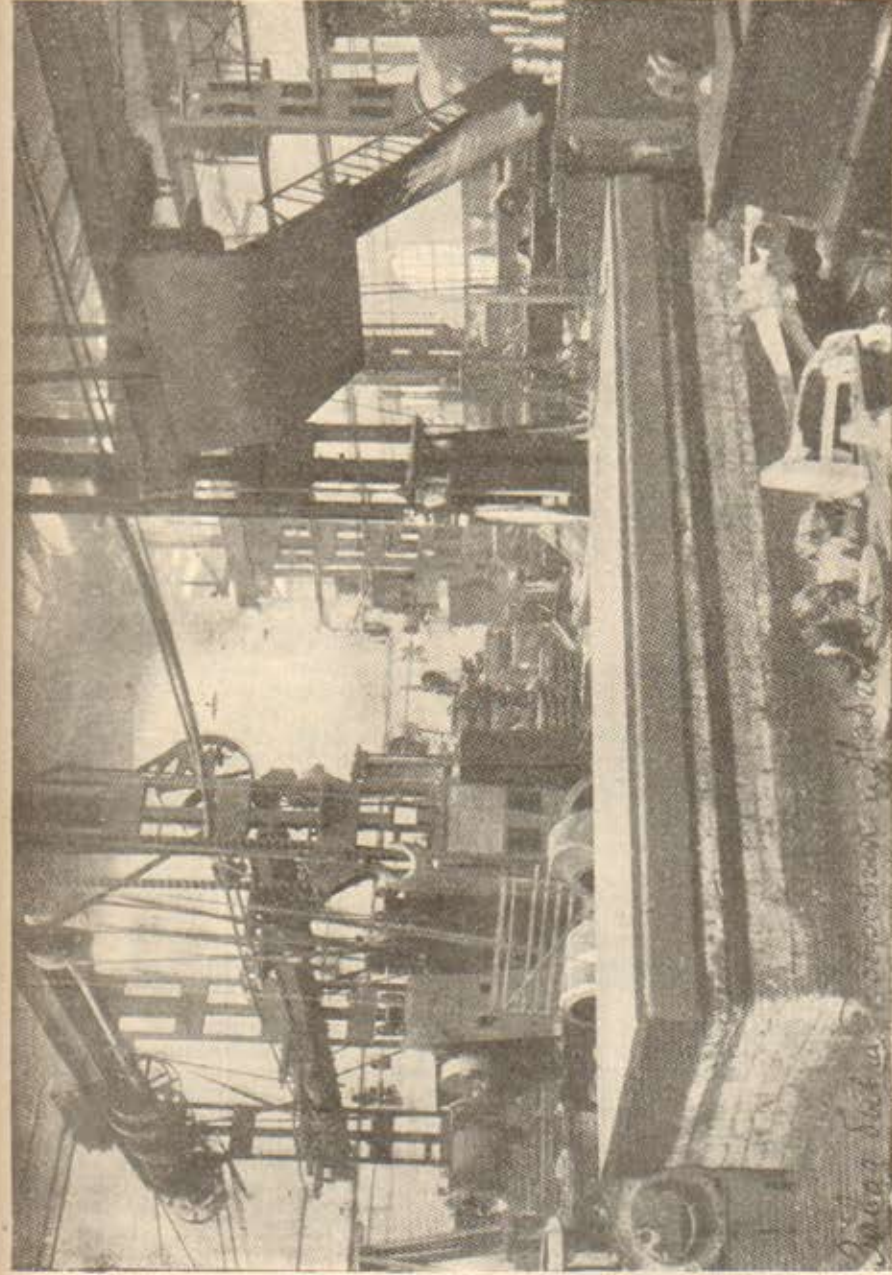
в 1908 г.

ОБЩЕОБЩНО

1. Доброво-Навлодяни е село в община Доброво, област Доброво, Република България. Селото е разположено в северозападната част на общината, на брега на река Доброво. Селото е известно с добрите си земеделски продукти и с развитието си като туристически център.

2. Селото е основано през 1908 г. от доброволци, които са се установили в района, за да работят в доброволния завод. Селото е било известно с добрите си земеделски продукти и с развитието си като туристически център.

3. Селото е известно с добрите си земеделски продукти и с развитието си като туристически център. Селото е било известно с добрите си земеделски продукти и с развитието си като туристически център.

Цех, в котором происходят сборная рабочих завода Доброво и Навлодяни.

9-го января 1905 года завод не работал. Рабочие подошли к заводу по одиночке и собирались в группы, откуда направлялись на театральную площадь в центр движения.

10-го января на завод явилось рабочих менее половины. Через некоторое время к заводу подошли рабочие других заводов во главе с невышедшими на работу рабочими завода и сняли с работы тех, которые работали.

11-го января из 850 человек вышло на работу только 472 чел., которые пробыв в мастерской не более $\frac{1}{4}$ часа, покинули завод.

12-го января было сделано общее собрание, на котором присутствовало 512 человек, избравшее 10 депутатов для предъявления требований к администрации, состоящих из 19 пунктов. Требования приводим ниже с ответом администрации:

Требования рабочих.	Ответ администрации*).
1. Нам желательно, чтобы рабочий день у нас был 8 часов, т. е. начинать с 8 ч. по полудни, из этого времени исключить $1\frac{1}{2}$ ч. на обед.	Отказано.
а) суббота чтобы считалась за день и работать до 2-х часов без обеда.	Отказано.
2. Повысить заработную плату не менее 25% на рубль.	Отклонено.
а) жалованье ученикам не менее 50 коп.	До сих пор завод принимал лишь подростков 16 лет, если будут в будущем приниматься ученики, то для них будут выработаны особые условия.
б) чтобы ученика не могли рассчитать ранее 3-х лет.	
в) жалованье чернорабочим чтобы было 1 руб.	
3. Желательно, чтобы не было злоупотребления со стороны мастера к трудолюбивому рабочему.	Таково же желание и заводууправления и в тех случаях, где злоупотребление обнаруживается, таковые караются.
4. Желательно, чтобы брак непосредственно от рабочего должен оплачиваться сполна.	За брак по независимым от рабочего причинам — завод платит сполна и теперь.
5. Желательна полная отмена штрафов.	Отказано.
6. Желательно, чтобы мастерские соответствовали в гигиеническом отношении.	К установке указанных депутатской рабочих недостатков в отоплении и вентиляции в некоторых мастерских заводоуправление будут приняты меры.
7. Желательно улучшить медицинский персонал.	Лечение жен и детей рабочих отклонено, отпуск ле-

*) Адресовано как рабочим, так и Т-ву завода.

а) Рабочий, получающий болезнь по вине завода, должен во время болезни получать полный его заработок.

б) Рабочий, получающий болезнь по своей вине, должен получать половину.

8. Желательно, чтобы полка производилась через каждые две недели во время работы, а не по окончании работ.

9. Отмена сверхурочного времени (за исключением уважительных причин); сверхурочное время чтобы уплачивалось вдвое.

10. Рассмотрение расценок с обеих сторон, как со стороны мастеровых, так и со стороны администрации.

11. Расценок чтобы был повышен во всех мастерских, и чтобы мастера руководствовались.

12. Чтобы все мастерские работали сдельно.

13. Желательно страхование рабочих на случай старости и увечья.

14. Чтобы ученики не были вместо рабочих, даваемые мастерами в рабочие.

15. Желательно мытье рук за 10 минут до окончания работ.

16. Выбрать посредников между администрацией и мастерами.

17. Желаем переменить мастеров: Ивана Тимофеевича ШУРОВА, фельдшера и Ивана Тимофеевича АФАНАСЬЕВА БОХИНА.

18. Представители от рабочих не должны пострадать.

19. Желательно, чтобы контора выдавала удостоверение как о состоянии здоровья, так и трудоспособности рабочих.

карств по рецептам доктора за счет завода обещан.

Отклонено.

Отклонено.

С пасхи сего 1905 года будет даваться через каждые две недели; выдача должна производиться по субботам после окончания работ.

Отклонено.

Мастера обязаны выяснить с мастеровыми стоимость таковой до приступления к таковой.

Делается и теперь.

Почти все мастерские работают сдельно и теперь. Требование это поставлено мастерами, большинство которых работает поденно.

На этот предмет предвидится издание законов правительством.

Относится к литейной. Положение об учениках администрации завода намерена разработать в скором времени.

Отклонено. Будут сделаны дополнительные удобства для мытья.

Предложено ввести на заводе правила о старостах.

Основательность жалоб на этих мастеров будет расследована (по расследовании жалоб — эти оказались неосновательными).

Заводоуправление в представительстве, за данными лицами проступка не усматривает, поэтому они за принятое представительство не страдают.

Смысл этого требования депутатской рабочих, не мог быть выяснен.

13-го января, 673 человека собрались на завод и заслушали от своих депутатов ответ администрации о предъявленных требованиях. После сообщения своих депутатов—рабочие решили не приступать к работе.

14-го января совсем не работали.

15-го января кончился срок найма большинству рабочих и в связи с этим у некоторых рабочих получилась боязнь остаться без работы. Из 562 человек—79 приступили к работе, а остальные ушли с завода, но на следующий день вышли на работу уже все и работа пошла спокойно, как будто все движение замерло.

3-го февраля рабочие предъявили требование об уплате за прогульные забастовочные дни, но им было предложено передать дело мировому судье. Рабочие этим остались недовольны и пришли осуществить свое требование о 8 часовом рабочем дне. Это ими было проделано в субботу 5 февраля; работали до 2-х часов, а в понедельник 7 февраля до 4½ часов. При выполнении этого, громадную роль играла молодежь.

8-го февраля администрация решила уволить зачинщика забастовки 3 февраля, молодого парня слесаря Сидорова. Тов. Сидоров, при поддержке и содействии некоторых товарищей, собрал собрание, на котором было решено Сидорова не увольнять. Но администрация на это не согласилась. Тогда рабочие довели дело до градоначальника, который предложил администрации уплатить тов. Сидорову по пасху. После этого рабочие решили приступить к работе, но субботу все же решили работать до 2-х часов.

С этого времени, вплоть до 26-го сентября, на заводе происходили забастовки только отдельных цехов. Так например, в июне месяце было вывешено объявление по заводу, которое гласило—«следствие забастовки чернорабочих, обрубщиков и молотобойцев—литейная и кузнечная мастерские будут закрыты впредь до набора новых рабочих. О начатии работы будет сделано объявление».

Такие мероприятия рабочих не страшили и движение продолжалось. За это время рабочие вывели на тачке—за грубое обращение и эксплуатацию мастера механического цеха Гебеля и мастера литейного цеха, причем рабочие в своих требованиях выставляли увольнение мастера Шурова, И. Т. и фельдшера Артемьева, М. И., который был охранником.

Руководители забастовки проводили на завод по №№ рабочих студентов и рабочих других заводов, что было замечено администрацией, вывесивший по этому случаю такое объявление:

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Если еще раз рабочие самовольно приведут на завод уволенных рабочих или посторонних лиц, или будут устраивать в рабочее время собрания, то завод по распоряжению администрации п/д Т-ва Добровых и Набогольд будет закрыт.

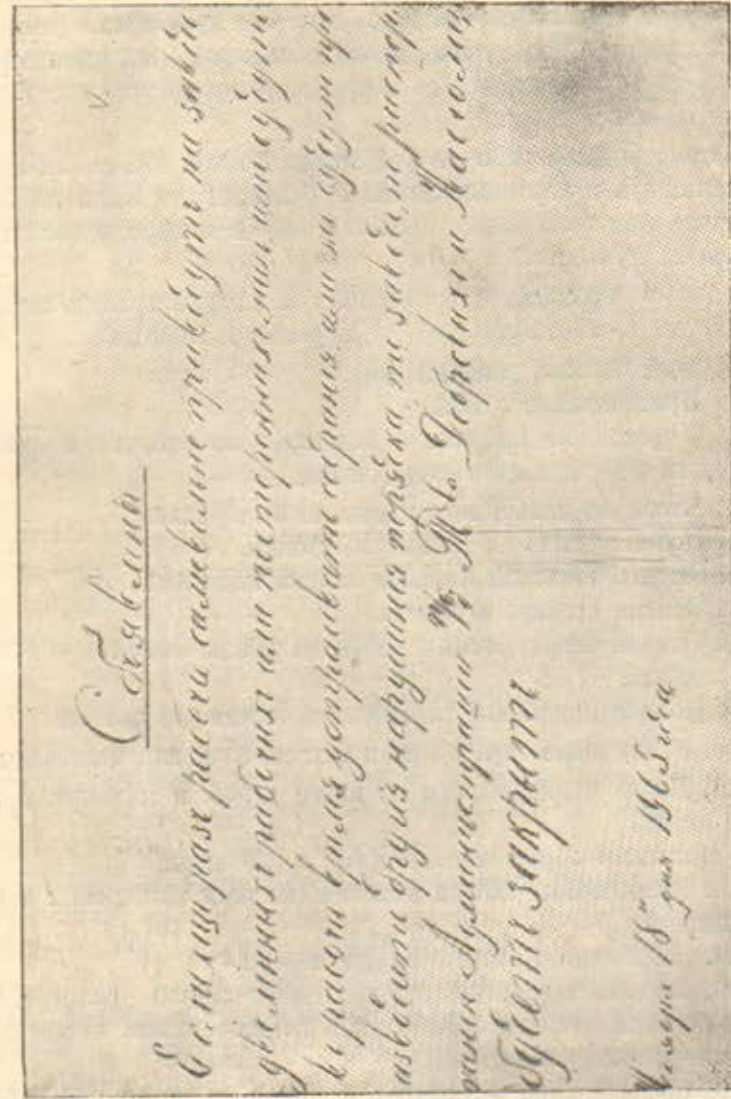
Объявления мало действовали и рабочие продолжали свое дело. Но положение становилось все более натянутое и шла серьезная подготовка к новой общей забастовке.

26-го сентября в мастерских завода с утра начали появляться прокламации, которые разбрасывались в мастерских, призывая рабочих собраться для переговоров. В это время к воротам с Руновского пер. подошла партия рабочих и начала требовать, чтобы открыли ворота, но ворота не открывали. Тогда они силой сорвали их, частью ворвались на завод и частью были рассеяны подоспевшей полицией. Один из прорвавшихся рабочих говорил речь, призывая к общей забастовке. Полиции и агенту сысского отделения этот человек был известен, но взять его из толпы не представлялось возможным. Тогда полиция и агент хотели задержать его при выходе из завода, но он по окончании речи успел в толпе рабочих переодеться и выйти с завода незамеченным.

27-го сентября вечером на собрании нескольких рабочих, при управляющем заводе Набогольде, механике Кайзер, И. С. и приставе было решено, что с утра 28-го будет поставлена стража из городских.

28-го сентября утром, из сысского отделения передавали механику Кайзеру, что человек, который произнес речь на вечернем собрании, остался на заводе и ушел около 4-х ч. вечера в огороды, но, как уверяют рабочие, он ушел в ворота первым переодевшись, а сзади его шла толпа рабочих и, если бы его задержали, тогда рабочие отбили бы его.

После обеда 28-го завод был открыт, но из рабочих на работу никто не вышел. Вечером администрацией завода было вывешено объявление, которое гласило, что если рабочие 29-го числа с утра не приступят к работам, то, на основании ст. 105 п. 1 устава о промышленности—договор с ними будет расторгнут.

Объявление администрации завода, предупреждающая рабочих о закрытии завода.

29-го сентября на завод явилось около 750 человек и частью приступили к работе. Как будто забастовка была сорвана. Но около 8 часов машина рабочими была приостановлена и опять было сделано собрание, на котором произнесли речи. В 8½ ч. машина была пущена и около паровой была выставлена охрана из городских, но, несмотря на это, рабочие все же к работе не приступали.

Около 9 часов рабочие избрали депутатов и послали их с требованиями к администрации. Требования эти были гораздо серьезнее, чем требования, предъявленные в январе, и состояли уже из 21 пункта.

Требования от рабочих к администрации завода от 29 сентября 1905 г. Добровых и Набогальц.

1. 8-ми часовой рабочий день.
2. Празднование 1 мая.
3. Учреждение выбранной комиссии из рабочих и администрации по равному числу голосов.
4. Чтобы за забастовку никто не был уволен.
5. Полная плата за время забастовки.
6. Отмена почасной платы и замена поденной.
7. Отмена штрафа и обыска.
8. Отмена сверхурочных работ, за исключением необходимого ремонта.
9. Полное признание гарантии личности документов.
10. Увеличение заработной платы на 25% для мастеровых.
11. Плата чернорабочим не менее 1 руб. и мальчикам не менее 50 коп.
12. Вежливое обращение мастеров с рабочими.
13. Расценочные таблицы вывесить во всех мастерских и на все изделия.
14. Заявление о расчете за две недели.
15. Выдача заработной платы в половинном размере во время болезни считая с 1-го дня и полная плата за увечье, происшедшее по вине завода.
16. Обследование медицинской помощью не только рабочих, но и их семейства.
17. Увеличения занятия доктора до 2-х часов.
18. Окончание работы под праздничные дни в 2 часа, считая полным днем.
18. Предоставления помещения для собрания депутатов.

еженедельно общего собрания раз в месяц, в свободное время от работы.

20. Звонок на мытье рук давать за десять минут.

21. Улучшения мастерских в гигиеническом отношении, в механической улучшения отопления, в модельной—инструмент за счет завода, улучшение отопления и умывальников, кузница—улучшение выдачи рукавиц и плата молотобойцам в размере одной трети заработка, кузнецов, литейная—для обрубников теплое помещение, для рабочих выдача рукавиц и устройство вентиляции и отопления, улучшение освещения и расчистка проходов во время литья, ткацкая—улучшение умывальников и выдача полотенцев, механическая—плата мастерам от конторы.

Ответ администрации на требование был неудовлетворительный, но к работе пришлось все же снова приступить... Так работали до конца ноября.

В конце ноября на заводе опять стали появляться прокламации и до рабочих дошла весть, что Петербург забастовал. Около 10 часов утра начали свистеть и кричать «кончай работу». Работа была кончена. Сделали собрание, на которое явился оратор, призывавший к общей забастовке. В это время к заводу подошла толпа рабочих, которая сломала ворота и с пением революционных песен вошла в мастерские, присоединилась к нашему собранию и сделали общий митинг.

К вечеру на заводе засели городские и против завода в домах остановилась конница. Через некоторое время на заводских воротах красовалось объявление: «Кто не желает работать—могут придти за расчетом».

За 1905 год на заводе был организован Подрайком Союза металлистов, во главе которого стояли след. т. т. Матвеев, Г., Егоров, Моисеев, Н., Брызгалов и Козырев, Ф., которые записывали в члены союза, собирали членские взносы и носили их в союз на Полянку, а когда на Полянке союз был разогнан, его перевели на Арбатскую площадь. Рабочие шли охотно в союз и на заводе состояло членами в то время около 600 человек.

(По материалам архива завода составила местная комиссия).

В. КИРИЛОВ.

На нашем заводе Добрава и Набоголец в конце ноября начали появляться прокламации. Придешь на работу утром, а в ящике или прямо на верстаке лежат листовки. Начали появляться слухи, что Петербург забастовал. В 11 часов утра (числа не помню) мы все кончили работу и собрались к плите. Появился оратор—говорил, что надо кончить работу и присоединиться к забастовке. Мы до вечера не работали. Иван Богданович ходил по мастерским, разгонял собравшихся, и говорил: «если не хотите работать, уходите с завода». На другой день мы начали снова работать. Через три дня к нам пришли рабочие с другого завода, отворили ворота и с пением вошли в мастерские. Сейчас же собрались у плиты и начался митинг. Тут же было решено работу прекратить. К вечеру на заводе засели городовые и против завода в домах остановились казаки. Вечером было назначено районное собрание на Шаболовке. Собрались со всех фабрик, выступали ораторы и здесь же раздавались револьверы.

Ф. КОСАРЕВ.

Забастовка на заводе Добрава и Набоголец была на почве революционного движения. Во главе забастовок стояли товарищи: Павел Иванович Князев—котельщик, Петр Петрович Малютин и Степан Платонович Астафьев, работающий в данное время в трамвайном парке на Шаболовке—принимал деятельное участие в забастовках в смысле выступления оратором на собраниях и раздачу прокламаций. Он был арестован дома по доказу за раздачу прокламаций во время общих собраний рабочих 1905 г. Сам Набоголец приходил и разгонял рабочих, большей частью обращался к рабочим пожилым и их уговаривал идти работать.

На заводе был подрайком металлистов, во главе которого стояли следующие товарищи: Матвеев, Григорий—токарь, Егоров—модельщик, Моисеев, Никанор—литейщик, Бригазов—литейщик и я. Мы записывали рабочих в члены Союза, собирали членские взносы и отправляли их в союз на Полянку. Когда с Полянки выгнали, то Союз переехал на Арбатскую

Объявление

Вследствие недопущения производ-
ства литых литейщиками, на осно-
вании статьи 105, пункта 4 Устава
и прошимых сетей, все литейщики,
вышедшие на работу 22го июня послезавтра,
увольняются за дурное по-
ведение, причинившее ущерб имуще-
ственным интересам завода.

За раздаточный лист могут явиться се-
годня 23го июня от 2-5 час и завтра
24го июня от 9-12 час

Числа уволенных рабочих следуют

- список: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

Объявление администрации завода об увольнении рабочих.

площадь. Рабочие активно записывались в союз. В то время работало приблизительно 1300 человек, а в Союзе состояло приблизительно около 600 человек.

Интересен такой случай в вооружении рабочих: На барке по Москве-реке была прислана рыба кит—откуда неизвестно. Барка стояла у Замоскворецкого моста. Трудно было вообразить в себе, что это не настоящий кит, а чучело. Многочисленная толпа приходила смотреть за плату этого кита, и полиция не могла догадаться, что в этом ките находилось оружие, и когда только его подняли в барке из воды, полиция обратила внимание и догадалась. Его осмотрели, но оказалось, что внутри револьверов не было, осталось только несколько штук патронов—все они были забраны рабочими, курсистками и студентами, приходившими туда якобы смотреть кита.

С 4 декабря начала происходить усиленная подготовка к забастовке и с 6 часов в ночь пришлось идти строить баррикады у Краснохолмского моста. Рабочие снимали ворота, шили столбы и делали баррикады в Замоскворецком районе. Самая большая схватка была у типографии Сытина. Я был арестован в августе месяце по доносу жильца этого дома мясника и просидел 5 недель.

Когда с Арбатской площади Союз выгнали, мы его открыли на Лужницкой улице, дом бывш. Потапова, проработав там около года. Правление состояло из следующих товарищей: Егорова, Матвеева, Петухова, Зайцева, Челюскина и из выбранных от заводов по сбору членских взносов.

г. Антошев, рабочий слесарь, принимавший активное участие на заводе в 1906 году.

Руководители завода бр. Бромлей в революцию 1905 г.

Журавлев, начальник боевой дружины

Митин, секретарь завкома.

Озеров, член завкома.

Паничев, член райкома Р. С.-Д. Р. II (6).

СИТЦЕ-НАБИВНАЯ ФАБРИКА ЦИНДЕЛЬ

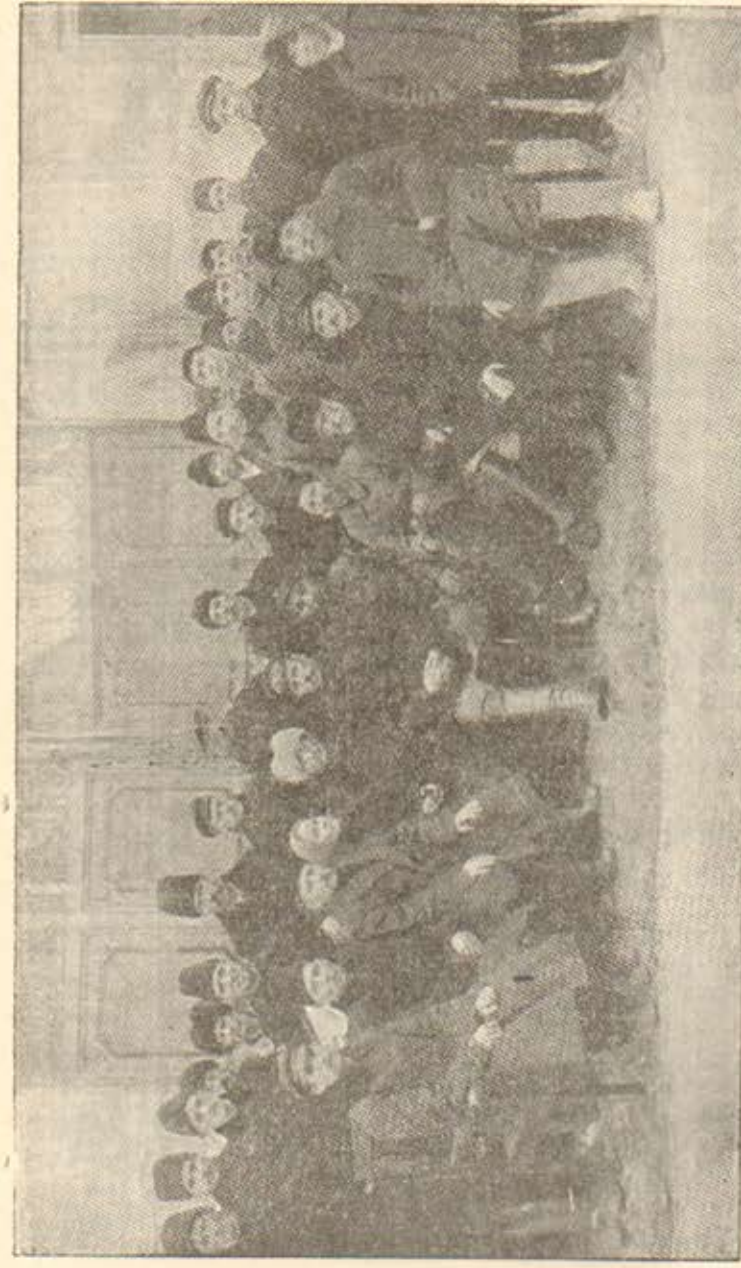
в 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

- Группа участников 1905 г.
- Тихонов. Воспоминание.
- Резолюция собрания Цинделевск. рабочих
- Пармонов. Воспоминание.
- 5. Сад ф-ки Циндель где проводились общерайонные собрания.
- 6. Участник. Воспоминание.
- 7. К. П. Трашин
- 8. Донесение пристава Заневского от 8-го июля 1905 г.
- 9. Тоже от 19-го 1905 г.
- 10. Требования рабочих.
- 11. Ответ администрации

ЦИТЛЕ-НАВНВНАЯ ФАБРИКА
ЦИТДЕЛЬ
в 1905 г.

Цитле-Навнвна фабрика
Цитдель
в 1905 г.

Около этих ворот в октябре м-це драгуны избивали нагайками рабочих после издания Николаем II манифеста о «свободе».

ТИХОНОВ.

Мне было тогда 15 лет, а я уже работал около года учеником, в механическом цехе набивной фабрики «Циндель». И долго будет оставаться в моей памяти тот исторический 1905 год, в который пришлось увидеть, как дерется рабочий класс со своими угнетателями. Я помню, перед тем как остановиться нашей фабрике, рабочие стали собираться небольшими кучками и горячо рассуждать. Смысл этих рассуждений мне был не понятен, потому, что я был молод, но на другой день пришедши на фабрику я был очень удивлен увидев вооруженных казаков приехавших охранять фабрику. Рабочие нехотя и вяло брались за работу. Собираясь в укромных местечках, читали прокламации и воззвания, а некоторые готовили к борьбе оружие, ковали кинжалы, оттачивали железные палки на подобие пик и прятали их в укромных местах.

Дня через два нас с работы сняли рабочие пришедшие с других фабрик и заводов. На собрании в столовой выступали ораторы, которые призывали рабочих к борьбе с правительством и к организации боевых дружин... По окончании собрания часть рабочих пошла останавливать фабрику «Жако», где некоторые рабочие испробовали казацких нагаек, а другая часть подступила к выходящим на фабричный двор окнам завода «Карла Тиль» и стала просить рабочих, чтобы они кончали работу. Просьба не помогла, работу там не бросали. Тогда рабочие набрав камней стали бить окна, но были разогнаны появившимися у окон казаками...

Революция разгоралась с каждым днем. Собирались собрания, на которых организовывались боевые дружины, вооруженные выходили по одиночке. Так продолжалось не помню сколько время, но вот однажды ночью я был встревожен шумом и суматохой. Все были в панике и прятались кто-куда попало от свистевших пуль, — стреляли с Жуковского проезда. Спустя некоторое время был произведен в спальне обыск и у меня под

матрацом были найдены несколько штук прокламаций. Забрать меня не забрали, так как сказали, что я слишком молод. По окончании революции, кончившейся в пользу врагов, я вместе с отцом был с фабрики уволен как принимавшие участие в революции.

Резолюция собрания у Цинделя.

8-го с. м.*) рабочее собрание заявляет администрации заводов: восставший рабочий класс добивается своих справедливых целей, всегда выступает противником разгрома и грабежа.

В настоящее время, подняв знамя борьбы за освобождение нашей родины, за Всенародное Учредительное Собрание, мы против всякого бесполезного кровопролития, против разгромов. Но помните: кто голоден, тот добывается хлеба во что бы то ни стало. Рабочей рукой созданы все богатства. Мы заявляем перед лицом всей России: остерегайтесь, — не дерзайте лишать нас пищи и жилища.

Кто посмеет прекратить выдачу продовольствия, того мы объявляем заговорщиками против народа.

Если нас оставят без хлеба, мы самыми решительными мерами организуем продовольствие рабочего населения.

Мы заявляем «хозяевам»: остерегайтесь рассчитывать борцов за всенародное дело. А товарищей рабочих мы призываем, — не брать расчёты ни в коем случае.

Рабочий класс борется в настоящий момент с всенародными угнетателями. Остерегайтесь, вы, сытые, счастливые бросать палки под нашу колесницу. За все последствия голодовки, которой нам угрожаете, слагаем всю ответственность на ваши головы.

ПАРОМОНОВ.

В день объявления конституции 17 октября 1905 года, наши рабочие с флагами вышли на улицу. В это время я был в конторе. Вижу — околочный Ширяев звонит во 2-й Пятницкий участок приставу. По окончании разговора мне Ширяев говорит: «Сейчас здесь будут казаки и наряд городских, вероятно хорошо постегают рабочих». Я вышел из конторы, гляжу наша демонстрация от фабрики «Жако» идет обратно и намеревается идти к Повелецкому вокзалу. Я иду в толпе *Рябова* — руководителя нашей организации и говорю, что сейчас здесь будут казаки и наряд городских и что необходимо

*) Декабрь 1905 г.

распустить демонстрантов. *Рябов* мне отвечает — «мы пройдем до вокзала и разойдемся». Они пошли. Только что вернулись к фабрике, как из Жукова проезда на извозчиках, с ружьями в руках, выезжает наряд городских, а с Ивановки полсотни казаков, окружили рабочих и начали стегать плетками. Многим товарищам крепко попало...

Из наших организаторов я помню следующих товарищей: 1) хороший агитатор и оратор *Андрей Смирнов*, 2) *Рябов* — руководитель и председатель каждого собрания, 3) *Портнов* — организатор боевой дружины, 4) *Цепляев* — его помощник, 5) *Пагета* — гравер, атаман дружины. *Васильев* снабжал оружием. Каждый день были собрания. На собрания всегда приходил инструктор *Цветков* — меньшевик.

Для охраны на фабрике стояла рота пехоты. Рабочие с ними стали брататься, раздавая им прокламации. Солдаты говорили: «Ребята, делайте свое дело, мы стрелять в вас не будем». Про это узнал пристав, пехоту отозвал и прислал нам казаков 30-го полка целую сотню и разместил ее в 3-м этаже в механической мастерской.

В ноябре я, вместе с *Рябовым*, расставил у ворот боевую дружину от нападения черной сотни. В это время в механической мастерской готовили рабочим холодное оружие: пики, железные палки и кинжалы. 30-го ноября, в воскресенье, не знаю кто — наша ли администрация или офицер, напоили всех казаков до пьяна. Сам офицер ушел с четырьмя казаками к Карлу Тиль в гости, оттуда идет через Жуков проезд пьяный. Только что вышел на Дербеновку, кто то выстрелил из хлопушки. Он вынимает два револьвера и кричит: «сходи с тротуара, стрелять буду» — так шел до Поклонных ворот.

В начале декабря наша боевая дружина и часть рабочих каждый день стали ходить в город строить баррикады и стрелять в полицию, а часть отряда оставалась охранять фабрику.

По ликвидации восстания, стали производиться по фабрикам обыски. Не помню какого числа, вечером, мне околочный *Иванов* говорит, что у Вас сегодняшней ночью будет произведен обыск. Я тут же побежал на спальню, нашел *Рябова* и *Цепляева* и сказал им, чтобы они потихоньку сказали рабочим попрятать оружие и прокламации. В результате обыска ни у одного рабочего ничего не нашли — все было спрятано.

УЧАСТНИК.

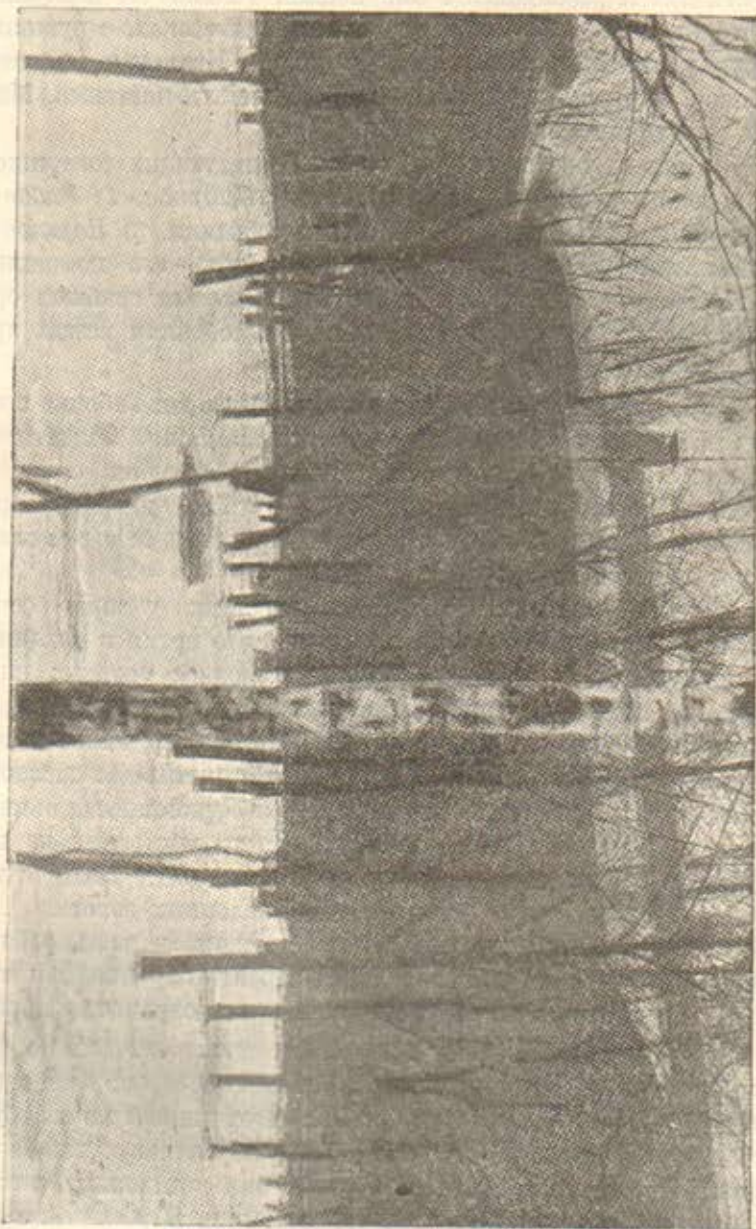
На фабрике «Циндель» была группа товарищей, которые вели подпольную работу. Собирались в Тюхтеревой роще и в других местах небольшими группами, человек 20—30. В некоторых местах митинг проходил благополучно, а иногда разгоняла полиция. Но, несмотря на преследования полиции, рабочий класс все сильнее и сильнее организовывался. После окончания кружков, каждому была дана листовка для распространения на фабрике среди рабочей массы и для наклейки в мастерской.

В конце мая фабрика забастовала и пред'явила экономические требования. С этого времени еще больше возникали забастовки. Стали чаще делать открытые собрания на кухне и даже на спальнях. Организаторами у нас были — *Цветков, Землячка, Седой*, жена *Баумана* и др. товарищи. Совместно с экономическими требованиями, стали пред'являть и политические — свобода слова, печати и т. д.

17-го октября Николаем кровавым был выпущен манифест. В этот день развешивали национальные флаги, но, по окончании работ, рабочие сняли флаг, оторвали белую и синюю полосу и с красным флагом и революционными песнями «Вставай, подымайся, рабочий народ» пошли на Ивановку. Вдруг неожиданно рабочие оказались окруженными со всех сторон полицией, которая кричала «разойдись». Рабочие не расходились. Со стороны полиции был дан выстрел в рабочих, с рабочей стороны ответили тем же. В конце концов толпа была разогнана. Рабочие совсем потеряли доверие к «батюшке царю».

В декабре месяце началась подготовка к вооруженному восстанию. Рабочие стали готовить для защиты холодное оружие. Весь механический цех работал деревянные палки с острыми наконечниками. Для защиты от полиции и для выступления против казаков была организована боевая дружина из нескольких человек. В инженерном училище на Бахметьевской улице было получено оружие.

В декабре месяце (точно не помню, какого числа) сообщили, что работу надо кончить в 12 час. дня. Как набат пронеслось по мастерским это сообщение и, не успев пробить двенадцать, работа стала. Остались только шипящие машины, где не был спущен пар. Часть рабочих вышли вперед и во

Сад 1-й ситце-набивной Ф. ки бывш. Циндель, где провоздигались в 1905 г. общерабочные собрания рабочих.

дворе фабрики ожидали других. Не прошло и пяти минут, как все собрались во дворе фабрики. Один товарищ произнес речь и все двинулись за ворота с революционными песнями. На второй день на фабрику «Циндель» собрались рабочие с других заводов. Открыли митинг. На этом митинге выступало несколько ораторов, которые призывали рабочих поддержать восстание. После митинга все как один построились в шеренгу — боевая дружина впереди. Только что вышли на Ивановку, толпу встретили казаки и нагайками разогнали. Каниада продолжалась всю ночь. На утро часть товарищей пошла строить баррикады к Серпуховским воротам, где произошло столкновение между казаками и рабочими. Часть рабочих были ранены. Солдаты сновали всю ночь по улицам, даже стреляли в окна. На нашей фабрике один товарищ, лежавший на койке был ранен пулей в плечо. С рабочей стороны были высланы патрули для наблюдения за событиями. Везде были завешены окна с 6-ти час. вечера по приказу начальства, а где не были завешаны, по ним открывали стрельбу.

Самодержавие, опираясь на солдат, победило рабочий класс.

Когда стихли оружейные выстрелы, пошел повальный обыск по рабочим кварталам. Через два дня на нашу фабрику прибыл Семеновский полк. Поставили 3 орудия: одно около конторы, другое у Жуковского проезда и третье с Москвы-реки. Неожиданно раздалась команда на спальные «смирно», входит офицер: «кто как лежал, так и лежи, не шевелись» — приказал офицер. Начался обыск. Солдаты везде и всюду обыскивали, штыками раскалывали сундуки и вверх дном все переворачивали. В уборную пропускали под конвоем. У одного товарища была книга Евангелие и на крышке было написано «Борец за свободу». Этого товарища семеновцы тут же взяли под конвой и с тех пор мы его не видели. Потом, когда обыск кончился, офицер сказал: если бы с Вашей стороны был дан выстрел, то на Вашей фабрике камень на камне не остался бы». После, на нашей фабрике пошли аресты — кого в ссылку, кого в Бутырки.

Конная жандармерия у ф-ки Циндель.

К. П. ТРАШИН.

В 1904 году в весенние месяцы встретил я знакомого товарища, поговорили кое о чем. Он мне говорит: «Часто ли ты читаешь газеты и какие». Потом достает из кармана листок бумажки в свернутом виде и говорит: «Убери, дома почитай, но по аккуратнее». Прихожу домой, читаю и думаю. — Многие слова для меня были непонятны, и мысль о мести помещикам и попам не оставляла меня. Я несколько раз прочитал эту листовку и думаю «надо отдать ее другому, чтобы и другие товарищи узнали кое что». Через несколько времени я пошел снова к этому товарищу. Он мне говорит «пойдем сегодня со мной в рощу, там будет собрание, послушаем ораторов». Потом стали ходить туда чаще. Ораторы просили нас вовлекать как можно больше товарищей в это великое дело. Некоторые рабочие принимали горячее участие и даже обогнали нас. В последнее время 1905 года многие были активными работниками.

В начале 1905 года, после 9-го января пошла у нас лихорадочная работа. Нужно было подготовить забастовку, чтобы остановить фабрику. А как это сделать? Было не так легко.

Нам говорили «организуите молодых ребят как можно больше и, чтобы, когда это будет нужно, они кричали в мастерских «кончай работу». Даже предложили взять какой-нибудь порожний ролик и бросить его. Но строго приказали никого не трогать и машины не ломать.

Забастовка была очень удачная. В результате этой забастовки нам прибавили пять коп. в ден. После, подпольная работа пошла быстрым темпом. Рабочие все больше организовывались. Фабрика несколько раз бастовала. Иногда мы забастовкой выигрывали, а иногда труденько доставалось. Почти при каждой забастовке администрация закрывала столовые и кухни рабочих. Они знали, что у нас денег нет. Были случаи, когда нам с других фабрик присылали несколько рублей для продовольствия немущим товарищам. А мы, в свою очередь, собирали для других фабрик. Политическая сила росла и крепла. Часто организовывались собрания рабочих в большой кухне. Нам приходилось встречать и провожать ораторов, так как были случаи избияния некоторых товарищей.

К декабрьскому восстанию большинство рабочих приобрели на фабрике для себя оружие. Кто что мог. Кто кинжал, кто пистолет. Огнестрельных оружий у нас было очень мало, негде было взять. Бывали случаи обезоруживали полицейских.

7-го и 8-го декабря кончили мы работу и с пеннем Марсельезы вышли в боевом порядке; везде вся жизнь замерла, ни одна труба не дымится, ни один паровоз не гудит, ни извозчика никого не было, только были слышны частые выстрелы. Более слабые товарищи, бросив свои вещи, расходились пешком по деревням, даже за 200 верст и дальше. В эти дни пришлось нам выдержать бой с группой городских... Ночное время было самое тревожное. Все ждали нападения черной сотни. Мне с товарищем пришлось на углу О-ва Потребителей дежурить ночь с револьвером в руках.

Декабрьское восстание кончилось неудачей, ввиду неподготовленности рабочих. Прибывшие Семеновцы поставили орудия кругом, атаковали наше общежитие и вошли внутрь вооруженные в 12 час. ночи. Не разрешали даже сойти с койки. Искали оружие и литературу, но мы были предупреждены и раньше убрали. Некоторых товарищей здесь же забирали и впоследствии сослали в Архангельск.

Пришлось снова приступить к работе. Везде охранка. В механическом корпусе наверху разместили казаков и у каждой мастерской в дверях поставили по два казака. Некоторых товарищей, по какому-нибудь доказу, здесь же выводили и отправляли в тюрьму. Настроение у рабочих было подавленное.

Через несколько дней дошла очередь и до нас. Когда администрация собрала все сведения о рабочих, принимавших участие в забастовке и агитации, то 31-го декабря 1905 года, 500 человек назначили к увольнению. В это время было трудно куда-либо поступить на работу. Большинству товарищей пришлось уехать в деревню, в том числе и мне.

Конная жандармерия у ф-ки Циндель.

Дело № 773 т. X-й за 1905 г., № листа 500 (рукопись).

М. В. Д.

Московской городск.
полиции

ПРИСТАВ 2 у ч.

Пятницкой части.

Июля 8-го дня 1905 г.

№ 86.

В Охранное Отделение.

Сего числа в семь часов утра, когда рабочие фабрики товарищества Эмиль Циндель, что по Дербеновской у., в числе двух тыс. человек, стали из спален расходиться по фабричным корпусам, другая часть рабочих той-же фабрики — человек 250—300 — стала не допускать выхода из спален, бросая на идущих на работу камни и произнося словесные угрозы. Почему мною был выставлен наряд и жалающие работать были пропущены через ворота у конторы фабрики, — в фабричные корпуса.

В 4 1/2 часов утра замечалась в среде всех рабочих какая-то нерешимость и многие к работам не приступали. Заведывающий административною и хозяйственною частью мануфактуры Евгений Павлович Северин, стал обходить по мастерским, предлагая приступить к работам, предложив из каждой мастерской выбрать представителей, которым разрешил собраться в отдельном помещении для обсуждения требований рабочих и представить таковые администрации. После чего работы приняли обычный характер; выборные в числе 76-ти человек собрались в столовой и к 11 1/2 часам пред'явили к администрации следующие требования:

- 1) Девятичасовой рабочий день;
- 2) 15 копеек прибавки к жалованью рабочему в день, получающему менее одного рубля; а тем, кто получает более рубля — 10 копеек, получающим 1 руб. 50 коп. и более — пять копеек.
- 3) живущим на вольных квартирах выдавать четыре рубля в месяц; получающим менее одного рубля в день и только семейным и вдовам с детьми;
- 4) Отменить штрафы.
- 5) Учредить союзы рабочих, допустив до пяти человек от каждой мастерской, которые будут разрешать всякие недоразумения, и об увольнении рабочих без администрации и резолюции пред'являть последней, причём отвести помещение.
- 6) Лицам, заболевшим не по причине фабрики и вынужденным лечь в больницу, платить половину жалованья и лицам пострадавшим на

фабрике от разных машин и проч., платить полное жалованье за все время пребывания их в больнице.

- 7) Отменить сверхурочные работы кроме ремонта.
- 8) Чтобы не было замечаний и выговоров со стороны мастеров лицам, берущим пропуск в больницу и в больнице устроить дежурство врачей, — постоянное.
- 9) Устроить двухнедельный отпуск по возможности всем рабочим во время года, не притесняя их.
- 10) Отменить непосильные работы женщинам и мальчикам; не уменьшать рабочих в каждом отделении или от каждой машины.
- 11) Лицам, участвующим в движении содействовать стачке, не делать замечаний и не давать расчета; кроме всего, чтобы к этим лицам и депутатам также не было никаких придинок со стороны мастеров и подмастерьев после стачки.
- 12) Увеличить помещение для временного пребывания родственников и разрешить пребывание не менее одного месяца.
- 13) Учредить бесплатный отпуск рабочим при случае смерти их родственников или свадеб, и т. п. не менее одной недели и удостоверения об этом представлять администрации после.
- 14) Устроить духовые печи в каждой кухне и

15) во время стачки, чтобы не было полиции и никаких волнений и если администрация не удовлетворит этих требований, мы должны устроить стачку мирно, без бунта. Все единогласно решили. Депутатов из кладовой было — 4; из машин. — 8; Лаборатории — 5; слесарной красильни — 5; запар. — 6; прессовая — 5; складальные — 6; барабаны — 8; отбельная — 6; Граверная — 6; Кочегаров — 5; Электрическое — 1. Какие лица по имени и отчеству записаны мастерами.

Получив от рабочих настоящее требование г. Северин заявил им, что он самолично не может дать ответа, что для рассмотрения их нужно время, а равно и постановления Правления, на что потребуется время не менее двух недель. Рабочие на это из'явили согласие и дали слово, что до 22-го июля они не будут пред'являть никаких требований; будут работать обычным порядком без всяких сборищ и что 22-го ожидают от Правления благоприятных разрешений своих требований. После обеда на работы вышли все полностью. В 6 1/2 часов вечера окончились работы без всяких инцидентов. В общем рабочие держат себя корректно. О чем имею честь донести Охранному Отделению, уведомив, что о сем же сделаю донесение г. Градоначальнику особо.

Исп. об. пристав капитан
Заневский.

Дело № 57-е за 1905 год том 2-й № листа 585.

М. В. Д.

Московской городск.
полиции

ПРИСТАВ 2 уч.

Пятиницкой части.

Июля 19-го дня 1905 г.

№ 86.

1) Убавить рабочий день с 10 до 9½ рабочих часов, вместо просимых девяти часов.

— 2) Увеличить жалование: женщинам на три копейки в день, мальчикам-подросткам пять копеек, мужчинам, получающим менее рубля — семь копеек; мужчинам, получающим более рубля — пять копеек в день, вместо требуемых увеличения 15, 10 и 5 коп.

3) Относительно выдачи по четыре рубля живущим на вольных квартирах — получающим менее рубля — и только семейным и вдовам с детьми — администрация определенно не высказалась, заявив выборным, что квартиры предоставляемые фабрикой — несравненно лучше вольных, но если для кого-нибудь сложатся обстоятельства так, что на фабричных квартирах жить нельзя, то такой служащий должен войти с ходатайством и администрация войдет в его нужду и назначит пособие, — но в каком размере — будет зависеть от обстоятельств.

4) Отменить штрафы совершенно — администрация отказывается, дабы не дать полному произволу и порождению беспорядков в среде рабочих во время работ на фабриках.

6) Выбор депутатов администрацией желателен, но не более 25-ти человек от фабрики, что же касается права выборных разбирать всякие недоразумения, оставлять или удалять рабочих помимо распоряжения администрации фабрики — администрацией отклонено.

6) Лицам, заболевшим не по причине фабрики в течение болезни уплачивать половину заработка — администрация не приняла, заявив, что этот вопрос Правлением разрабатывается, что же касается уплаты получившим увечья на фабрике — в течение болезни — на основании существующего закона — фабрика платит половину заработка; платить полностью отказано.

7) В отмене сверхурочных работ отказано, так как на необходимые сверхурочные работы назначается лишь 26 человек, желающих в таковых является всегда масса.

8) Мастерам внушено, дабы они были корректны в делании замечаний подчиненным; пропуск в больницу беспрепятственный, и чтобы сами рабочие сделали, дабы в этом направлении не было злоупотреблений; в дежурстве постоянном врача при больнице отказано, так как один врач призван на действительную военную службу, а двум другим было бы непосильно это требование. Помимо приемных часов один

В дополнение донесения моего от восьмого июля 1905-го года за № 86-м имею честь донести Вашему Превосходительству, что администрация т-ва Эмиль Циндель на предъявленные рабочими требования, выраженные в пятнадцати пунктах — дала ответ выборным от рабочих вместо назначенного двадцать второго июля сего числа. В своем ответе администрация предложила следующее:

из врачей неотлучно находится в квартире и в случае надобности является к больному.

9) Ходатайство об устройстве двухнедельного отпуска удовлетворено.

10) Ходатайство об отмене непосильных работ женщинам и мальчикам: удовлетворено, — так как таковых и не бывает, если женщина слабая и болезненная, то она ставится на более легкую работу.

11) Содействовать стачкам администрация отказалась, но к запрещению собираться выборным для обсуждения в мирном порядке их нужд, администрация препятствовать не будет.

12) Увеличить помещение для временно пребывающих — вопрос времени. Что же касается продолжительности в нем пребывания лиц, — представлено следить самим рабочим в их же собственных интересах.

13) Отпуска бесплатный на похороны, свадьбы и т. п. принят администрацией.

14) Духовые печи будут устроены.

15) Сообщать полиции о собраниях выборных для обсуждения нужд рабочих своей фабрики администрация не будет.

Получив настоящее заявление администрация выборные разошлись не выражая неудовольствия, а равно и удовольствия. Из наблюдений над рабочими замечается среди них неудовольствие. Ожидать каких-либо крупных осложнений в данный момент нет основания.

Исп. об. пристав капитан

Заневский.

Дело 773 г. V 1905 года лист 223.

Требования Цинделевских рабочих.

Мы требуем:

1) Восемичасовой рабочий день.

2) Признание администрацией постоянных депутатов, свободно избранных всеми рабочими, единственными представителями и посредниками между рабочими и администрацией; без их согласия нельзя ни принимать, ни увольнять рабочих, депутаты должны быть неприкосновенны.

3) Жалование рабочим живущим и вновь поступающим 1 рубль, женщинам и мальчикам 75 копеек.

4) Выдача заработной платы во время работы, два раза в месяц 1-го и 16-го.

— 5) Выдача полной заработной платы за все время болезни.

6) Выдача квартирных денег семейным 7 рублей, а одинокому — 4 рубля.

7) Отмена штрафов.

8) В праздничные дни кончать в 2 часа.

9) Запрещение женщинам работать мужскую работу.

10) Освобождение беременных женщин за 4 недели до родов и 6 недель после родов, с сохранением полного жалования.

11) Устройство яслей, перерыв через каждые три часа не менее чем на полчаса женщинам, кормящим детей.

12) Чтобы труд рабочих ценили не фабричная администрация, а депутаты.

13) Увольнение мастеров: из кладовой Доброхотова, из прессовальной — Дроздова, из граверной Вейблена, из красильни — Элингера, химика Егора Федоровича, хожалого Глухова, из больницы Елизаветы Николаевны.

14) Отменить сверхурочных, и сдельных, и ночных работ, за исключением тех случаев, когда необходимость их будет признана депутатами, причем за сверхурочную работу плата должна быть двойная.

15) Вежливое обращение с рабочими врачей и служащих больницы.

16) Улучшение вентиляций на фабрике и спальнях.

17) Ежегодного двухнедельного отпуска для всех рабочих и недельный отпуск на случай болезни, смерти и свадьбы родственника с сохранением жалования.

18) Выдача полной заработной платы за все время стачки.

19) Дать администрацией рабочим помещение для собраний.

20) Увеличить временное помещение для приезжих жен и родственников.

21) Рабочему, прожившему на фабрике 10 лет и желающему уволиться по своей собственной воле — дать вознаграждение по усмотрению депутатов.

22) Выдача в достаточном количестве молока, работающим черной товар и вредные краски с кислотами.

23) Введение преподавания в училищах тех предметов, и выписка газет и книг в библиотеку по указанию депутатов.

24) В рождественский сочельник работать только до обеда с сохранением дневного жалования.

Выражая свою полную солидарность с требованиями рабочих всей России, направленного к улучшению материального и правового положения, мы требуем свободы слова, союзов, стачек и собраний, неприкосновенности личности и жилища. Для проведения этих требований необходим созыв Всенародного Учредительного Собрания, созванного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Дело 773-е т. 7-й за 1905-й г. № листа с 61-го по 64-й б. включ. (рукопись)

Ответ на требования рабочих, предъявленные администрацией фабрики т-ва «Эмиль Циндель» в Москве 11-го октября 1905 года.

1. В виду сокращения рабочего времени зимой сего года на полчаса и в июле еще на полчаса, Правление т-ва в настоящее время не находит возможным дальнейшего сокращения рабочего времени.

2. Учреждение выборных депутатов от каждой мастерской весьма желательно, так как представляет скорый и легкий способ для переговоров между администрацией фабрики и рабочими, причем однако количество депутатов должно быть ограничено 25—30-ю выборными от всей фабрики, и для каждого данного дела выбор депутатов для переговоров с администрацией должен быть произведен вновь. Постоянных депутатов мы признать не можем, до введения Правительством соответственного закона. Депутаты каждой мастерской в отдельности могут быть приглашаемы для переговоров по усмотрению администрации с правом только совещательного голоса. Предоставление выборным депутатам право разрешать недоразумения и т. д., а также вопросы об увольнении и найме рабочих немислимо, так как лишает владельцев предприятия самых существенных прав.

Гарантия неприкосновенности выборных не во власти администрации фабрики.

3. Несмотря на прибавки к жалованию в феврале сего года, к Пасхе сего года и в июле сего года, Правление нашего товарищества нашло возможным в виду вздорожания жизни вообще прибавить рабочим, получающим менее одного рубля: мужчинам 08 коп. в день, Мальчикам 07 коп. в день. Женщинам 05 коп. в день. — Получившим помесечно по расчету менее одного рубля в день — два (2) рубля в месяц.

Эта прибавка вступит в силу со дня возобновления работ на фабрике полностью.

Жалование для вновь нанимаемых: мужчинам — 88 коп. в день. Мальчикам — 50 коп. в день. Женщинам — 45 коп. в день.

4. Выдача заработной платы будет производиться в рабочее время.

5. Пособие за время болезни будет выдаваться как до сего времени на основании объявления от 25-го июля сего года.

6. В виду того, что все рабочие имеют право на бесплатное пользование койками на фабричных спальнях, которые во всех отношениях стоят выше вольных квартир; живущие же на вольных квартирах не пользуются фабричными койками по соображениям, от фабрики не зависящим, Правление не находит возможным ввести определенного вознаграждения для лиц, живущих на вольных квартирах, во согласии по мере возможности и по разбору каждого отдельного случая управляющим фабрикой выдавать по своему усмотрению пособия лицам семейным получающим менее одного рубля и не могущим по уважительным причинам пользоваться фабричными койками на общих спальнях.

7. Отмена штрафов зависит от самих рабочих, причем правление считает однако нужным обратить внимание рабочих на то, что сумма штрафов на фабрике, считая со дня начала работ после Пасхального перерыва, до сего числа т. е. за время более пяти месяцев, составляет всего 22 рубля 38 коп., из которых 7 руб. 50 коп. было наложено на ракланстов за порчу товара. Вышеуказанная сумма служит доказательством того, что штрафов на нашей фабрике почти нет и что они применяются лишь в таких случаях, где служат крайней и единственной мерой взыскания.

8. В предпраздничные дни и по субботам работы оканчиваются в 5 часов вечера, т. е. часом ранее и более сокращены быть не могут.

9. Женщины мужской работы не работают.

10. Роды приравниваются к болезни. Пособие будет выдаваться на основании объявления от 25-го сего июля с. г.

11. Ясли будут устроены в возможно скором времени. Перерыв на полчаса через каждые три часа для женщин, кормящих детей грудью, разрешается.

12. Труд рабочих должен цениться фабричной администрацией, а не рабочими депутатами.

13. Увольнение намеченных лиц из мастеров и прочих служащих составляет пункт совершенно неисполнимый.

14. Что касается сверхурочных работ, кроме ремонта, то всем известно, что администрация фабрики стремится к их уничтожению, причем уже достигнутые в этом направлении хорошие результаты, можно сказать, что сверхурочных работ почти не производится на нашей фабрике; окончательное же их уничтожение зависит от многих технических условий, применение которых требует времени и не может быть сделано со дня на день. Ночных работ нет, есть сменные в отбельной, а ночные только дежурства при варочных кубах, паровых котлах, насосах, отоплении и освещении.

Плата за сверхурочные работы: шесть часов за день в десять часов составляет почти двойную плату.

15. Вежливое обращение с больными будет вменено врачам и служащим в больнице.

16. Просим указать фабрику, где вентиляция была в корпусах и на спальнях бы лучше, чем у нас. В этом отношении наша фабрика даже по признанию конкурентов, одна из лучших.

17. Двухнедельные отпуска (на время в деревню), а также недельных — по семейным обстоятельствам, как-то: по случаю болезни, смерти и свадьбы близких родственников практикуются и сейчас, могут быть разрешаемы и впредь даже в более широких размерах, при условии, чтобы одновременно в отпуску находилось не свыше определенного числа рабочих каждого отделения, не влияющего сильно на ход работ данного отделения, но без сохранения жалованья.

18. Пункт, на который правление не находит возможным согласиться.

19. Помещений достаточно и в спальнях, столовых.

20. Увеличение помещений для временно пребывающих родственников — вопрос времени, который не может быть приведен в исполнение со дня на день. Всем известно, что т-во почти ежегодно строит новые здания для нужд рабочих и при новых таких постройках будет иметь в виду настоящее желание.

21. Требование о выдаче вознаграждения по усмотрению депутатов рабочему, прослужившему на фабрике безотлучно 10 лет, желающему оставить службу, по собственному усмотрению, — не может быть удовлетворено.

22. Работаящим черный анилиновый товар будет выдаваться молоко — натурой по предписанию фабричного врача.

23. Вопрос о преподавании в училище предметов по указанию депутатов — не в нашей власти, так как существует программа, предписанная министерством народного просвещения, также существует предписание относительно газет и журналов.

24. В Рождественский сочельник (24-го декабря) работы оканчиваются согласно правил внутреннего распорядка в 12 часов дня, причем Правление согласно платить жалованье как за полный рабочий день.
Москва, 13-го Октября 1905-го года.

1905 г.

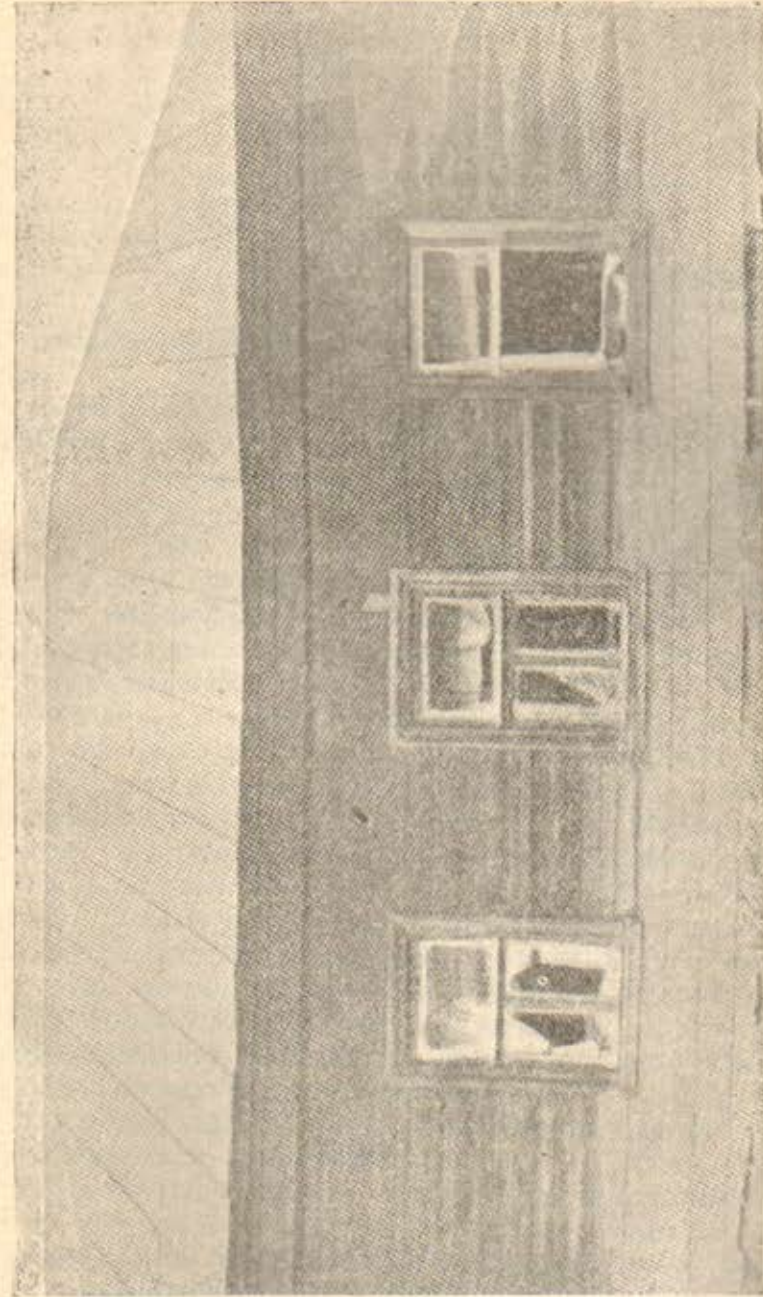
В ДАНИЛОВКЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Дом Карташева где помещался к-т
Р.С.Д.Р.П. Даниловского района.
2. Полознев. Воспоминания.
3. Герасимов. "
4. Д. Кузнецов. "
5. Е. Косарева. "
6. Николаев. "
7. Садовников. "
8. Босулаев. "
9. Портреты участников.
10. Петиции рабочих.

В ДАНИЛОВКЕ

1905 г.

Дом Карташева в Даниловке у Повеледской ж. д. где помещался Даниловский Годграфонный Комитет РСДРП (о

ПОЛОЗИН.

Даниловский район начинался с мануфактурной фабрики.

Когда я приехал в 1905 году из ссылки на эту ткацкую фабрику и влился в организацию, то мне пришлось выступить. До меня несколько товарищей, как-то т. Рядлов и другие были избиты за то, что они выступали с протестом против событий 9-го января. Меня, как новичка, предупредили, что тут такие вещи происходят. Я насторожил уши, чтобы найти подход к товарищам, чтобы завести организацию там. Так работа шла до июньского партийного собрания. Мне пришлось подготовить некоторых товарищей к работе.

В июне или в июле была всеобщая забастовка — протест против расстрела на р. Талке в Иваново-Вознесенске, и мы связали с этим моментом начало нашей экономической забастовки. Забастовка была очень удачной, в том смысле, что товарищи были уже подготовлены, уже были сформированы кружки и была хорошая работа в Даниловском районе. Мне пришлось работать на фабриках Рыбова, Флетчера, Алексея и частью я был связан с Цинделевской фабрикой. Тут у меня были связи, так как в Замоскворецком районе я родился. Эти связи я завязал для того, чтобы в случае забастовки были бы помощь бастующим товарищам. Действительно это удалось. Эти фабрики всегда отзывались на забастовки.

Забастовки, конечно, носили мирный характер, но вызвать на забастовку было очень трудно.

Когда мы стали разрабатывать проекты требований, то мне приходилось их зачитывать и объяснять. Городовые нас окружали кольцом и слушали. И вот тут некоторые товарищи угощали городских колбасой, ветчиной, водкой, и мы в это время читали требования. Мне удалось прочесть требования и предъявить их директору фабрики. Забастовка тянулась дни

3—4. Накануне этой забастовки разгорелась забастовка на фабрике Флетчера. Пришлось тоже подготовить требования с партийными организациями. На этой выработке требований был т. Дмитрий, фамилии не помню. Это было уже в сентябре. Забастовки все больше разгорались, но связь была плохая.

На фабрике Мещерина работало несколько товарищей (я их хорошо не помню), которые тесным кольцом спаялись со мной для того, чтобы им быть посредниками между организацией, и тут пришлось готовить товарищей с этой большой фабрики. Фабрика была большая, но отсталая. Но все-таки сил хватило, товарищи были подготовлены и им удалось провести забастовку. Был такой случай: в ткацком отделении рабочие забастовали, но красильное отделение не бастовало. Там были конные драгуны или казаки, не помню, и так как туда пройти не было никакой возможности, то мне пришлось бывшего со мной пропагандиста т. Константина (Михеев) переодеть в женское платье, чтобы провести его на фабрику. Сначала рабочие вышли оттуда и сгруппировались около завода, тут же и мы пришли и протиснулись в ворота. Открыли собрание. Действительно все было подготовлено и выработаны требования. Значит нужно подготовить уже другую часть—ткацкую. Мне пришлось выступить на улице и призвать рабочих. Забастовка удалась: был остановлен ткацкий корпус и красильный.

И. И. ГЕРАСИМОВ.

Наша Мещеринская фабрика работала будто бы спокойно, но стоило только присмотреться повнимательней и прислушаться к тому, что на ней делалось, то она представляла из себя пчельник. Жужжат как пчелы, шепчутся, оглядываются. Новости узнавали из прокламаций, которые приходилось доставать с трудом и с большей предосторожностью. Мы раскидывали их по уборным или тайком рассовывали по карманам пиджаков и пальто товарищей. Очень много было шпионов. За нами была установлена слежка со стороны Степана Степановича Шульпека, а также приказано было сторожам смотреть кто и в какое время проходит в ворота на снаряды и брать на заметку поздно проходивших.

Я работал в кружке с начала 1905 года под руководством тов. Леонида. В кружок входили товарищи Ильин Павел (расстрелян белыми в Одессе), Вуколов Илья, Поздняков Кирилл, Юдин Петр, Петухов Василий, Хорьков Петр и друг. т.т. Мы организовали порядочное количество рабочих вокруг себя и начали подготавливать забастовку. В ноябре 3-го числа была объявлена забастовка экономического характера, с предъявлением к фабрике — управлению требований. Руководство забастовкой и агитация легла на тов. Петухова. Я, Семен Шашкин и Чукаев Семен были выбраны от рабочих делегатами.

Проводить забастовку было тяжело, так как на фабрике в подавляющем большинстве были женщины, которые были забиты не только администрацией, но даже простым подмастерьем.

Пробастовавши некоторое время, рабочие согласились идти на работу, не добившись полного удовлетворения своих требований. Петухова уволили. После забастовки часть рабочих, а также и работниц, которые остались неуволенными стали втягиваться в политическую работу. На нашу фабрику были вызваны казаки (весной 1905 г.) дабы вызвать среди рабочих боязнь к какому бы не было движению. С объявлением манифеста 17 октября, рабочие стали с меньшей боязнью ходить на собрания. Вечером 14 октября возвращаясь из Университета с собрания мы зашли на фабрику Циндель. Когда пришли туда, то на трибуне застали Маклакова, кадетского Златоуста, который с браунингом в руке кричал, что с таким правительством разговаривать можно только вооруженным путем.

Утром, кажется 15 октября, прибегает ко мне тов. Ильин и сообщает, что на задней улице под руководством Карасина, местного трактирщика, организуется черная сотня. После недолгих разговоров я оделся и мы направились в дом Карташева, где находился нелегальный Даниловский Комитет РСДРП (6), для того, чтобы быть готовым к нападению. В 10 часов утра началась стекаться толпа к дому Тараскина, в большинстве состоящая из местных торговцев. К собравшимся обратился Тараскин с речью погромного характера. После призыва толпа направилась к Серпуховским воротам с портретами царя. Уже к вечеру нам принесли известие, что этой толпой на Каменном мосту был избит до смерти и сброшен в воду один студент. После указанных событий мы начали хлопотать об оружии.

Среди рабочих начался сбор денег на покупку оружия, но денег собрали очень мало, а желающих быть в боевой дружинке записалось порядочно. К моменту вооруженного восстания к нам на фабрику снова пригнали казаков. 4-го декабря мы собрались у себя в комитете, в доме Карташева. К 8 часам вечера представители от фабрик Даниловской м-ры, Рябова, Флетчера, Алексеева и других предприятий были в полном составе. Обсуждали вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. Тов. Леонид и Полосин, приехавшие к нам заявили, что достаточного количества оружия нет, а есть несколько револьверов. Было решено имеющееся оружие распределить среди самых активных работников, а остальным дружинникам поручить нападать на городских и отнимать от них оружие. На 7-е декабря была объявлена политическая забастовка. К нам на фабрику пришли рабочие других фабрик и на дворе был устроен громадный митинг, где рабочие призывали к вооруженному восстанию. Когда митинг кончился мы все, которые были вооружены, направились на ф-ку Рябова и Флетчера. Как и помню, совместно с Вуколовым Ильей и другими товарищами мы зашли в комитет. Там нам сообщили, что казаки боят рабочих на Даниловской ф-ке. Мы быстро вышли из комитета, держа револьверы наготове. Когда влезли на линию железной дороги, то увидели казаков и драгунов избивавших рабочих. Вечером того же числа наш Даниловский П/райком собрался в доме Теленина, где должны были собраться все для окончательного решения вопроса о вооруженном выступлении. На этом собрании было роздано оружие. В самый разгар собрания один из товарищей крикнул, что мы окружены казаками. Бывшие на собрании 2 социал-революционера, студент Чернов и Пирогов, имели бомбы. По выходе из дома они подошли вместе с Леонидом к казацкому есаулу и подняв бомбу заявили: «Если с вашей стороны будет какая-либо попытка к аресту, то мы тоже по вас откроем огонь и вашим казакам не поздоровится». Есаул, как видно испугался и пропустил нас, как он выразился на «честное слово». Мы с пением революционных песен пошли на свою фабрику. 11-го декабря я слег в постель, передав свой браунинг тов. Ильину Павлу, который жил со мной на одной квартире и состоял членом боевой дружины. 15-го декабря наша фабрика приступила к работе, проработав 3 дня, т.е. до 18 декабря. Никаких арестов не произошло, хотя

многие т.т. были взяты на учет. В ночь на 19-е декабря на спальню № 2 были занесены все форточки у окон. В этот день прибыли семеновцы. В 12 часов ночи спальню № 2 заняли войска. Все выходы и входы были закрыты и начался повальный обыск. Обысканных отводили в столовую и избивали до полусмерти. 29 человек после избивания были отправлены на 3-х полках в Пятиницкую часть, там их не приняли и отправили в Якиманскую часть. В числе этих т.т. были Василий Заболуй и Егор Легков, других я не помню.

Вечером 19-го декабря боясь обыска и ареста мы в количестве 12 человек направились в деревню Бирюлево, где переночевали в тракторе. Возвращаясь рано утром домой, мы прежде послали в разведку одного товарища. Возвратившись он сообщил нам, что во всех домах, где мы проживали был повальный обыск, но не нашли ни прокламаций, ни нас.

20-го декабря я снова заболел и пролежал в больнице до 24-го марта 1906 года. После выхода из больницы я с большим трудом поступил снова на завод. Несмотря на слабость администрации, мы сумели опять завязать связь со всеми близлежащими фабриками и заводами.

Д. КУЗНЕЦОВ.

В 1905 году когда у нас была забастовка, мы рабочие ткацкого и прядильного корпуса выбрали депутатов Петухова Василия, Ивана Моргунова и из прид. отдела Василия Каширского, и послали их просить директора, чтобы он дал рабочим помещение для сбора собрания. Директор разрешил собрание в столовой и вечером мы собрались. Привели двух студентов и открыли общее собрание. На трибуну вышел Василий Петухов, а за ним студент. На собрании были посланы директором шпионы, узнать и послушать, кто и что будет говорить на собрании. После собрания ушли по квартирам, а утром все вышли на работу. В 10 час утра директор позвал наших депутатов и стуча кулаком по столу стал кричать, «я вас выгоню за ворота», «я вас уволю» и потребовал расчетные книжки. Рабочие, узнав об этом, остановили машины и станки, вышли на двор и сделали собрание, на котором потребовали неприкосновенности депутатов. Видит директор, что рабочие стоят крепко, за депутатов и в тот же день потребовал 100 чел. казаков

палачей. Все время казаки провожали и встречали на работу рабочих красильного корпуса. Мы снова созвали собрание своего цеха и решили просить сбавки рабочих часов и увеличения жалованья. Директор не пошел нам на уступки, в ответ на это рабочие на работу не вышли. Так продолжалось около двух недель. Директор видит, что рабочие не идут на работу, он выдумал такую политику. Приказал напечатать объявления и расклеить их на стенах. В объявлениях говорилось, что паспорта забастовщиков отправлю в участок и этих людей будем отсылать на родину этапом. Тогда подмастерья жены их и некоторые рабочие пошли проситься работать. Директор им сказал: «Тогда Вас возьму работать, когда пуцну паровую, Вы выбирали депутатов, Вы их и увольте». Пришлось собрать на дворе общее собрание и просить депутатов, чтобы они по своему желанию взяли расчет. Мы рабочие ткацкого и прядильного отделения решили отчислить троим т. т. свое жалованье с подмастерьев однодневный заработок, а с рабочего за полдня. Наши товарищи согласились и взяли расчет, лишь-бы рабочие не остались без куска хлеба.

Е. КОСАРЕВА.

Я работала ткачихой на ф-ке Мещерина. Когда начались волнения, то нас рабочий Василий Петухов созвал на митинг в Орлову рощу, где собралось много народу. Мы решили бастовать, после чего остановили фабрику и устроили митинг во дворе, где выступали тов. Петухов, Моргунов и тов. Кольцов. Забастовка продолжалась две недели. Я жила в Даниловке. Помню к нам во двор прибежали двое рабочих, гнавшиеся за ними казаки избили их на смерть тут-же на дворе. Однажды приходит ко мне Петухов и говорит: «тетенька Авдотья» спрячь меня, ты одна, к тебе не придут, а то меня сейчас заберут». Я отодвинула сундук и спрятав Петухова положила на сундук перину, а на перину мальчика. Пришел околоточный Хромушкин с казаками. Я сказала, что мальчик болен и они его не тронули. Петухова не нашли, ночью он от меня ушел. У нас в Даниловке стояли пушки и по ночам обстреливали дома где горел свет. Конечно многое я забыла и если бы я была в то время грамотная, уж наверное бы и мне встали, потому, что я никого не боялась.

НИКОЛАЕВ.

На фабрике б. Мещерина происходила экономическая забастовка с переходом в политическую. Экономическая забастовка была на фабрике в октябре месяце, когда рабочие предъявили требования о повышении зарплат и еще ряд других требований по улучшению рабочего быта, на кои были частичные уступки со стороны фабриканта. Это длилось до декабря. С 7-го декабря фабрика перешла на политическую забастовку с вооруженным восстанием. У нас на фабрике в это время был организатор восстания рабочих тов. Петухов, который был выброшен директором за борт на произвол судьбы. За увольнением Петухова последовало увольнение ряда других товарищей, руководителей забастовки. Я был уволен в декабре, 19-го числа. После пошли обыски, аресты, избиение казаками и драгунами. Это происходило на спальне № 2, по указанию старшего сторожа. В шпионстве принимали участие и другие лица. Когда у нас на фабрике начинала проявляться организация к восстанию, то эти лица передавали бывшему у нас на фабрике полицейскому надзирателю, который тут же совместно с казаками производил на фабричных спальнях обыски и избивал товарищей. Я помню подверглись избиению мои товарищи, фамилии которых я забыл, но имена их помню — это т. т. Захар, Егор, Данила и друг. Нам приходилось покидать квартиры и скрываться где попало. Мы с Герасимовым скрывались в Бирюлеве и ряде других селений.

САДОВНИКОВ.

1905 года 10 октября фабрика Алексеева в Даниловке на которой в то время я работал была остановлена. Соседняя фабрика Т-ва Даниловской М-ры в то время продолжала еще работать. Толпа рабочих, которая пришла к воротам пыталась остановить работу фабрики, но раз'езжавшая по двору в то время сотня казаков не дала возможности рабочим близко подойти к ткацким корпусам. Вдруг с Москвы-реки находившиеся там рабочие открыли стрельбу и стали подходить к красильному корпусу, который находился близ берега, но воору-

женные казаки до зубов казаки сумели разогнать напавших на корпус рабочих и таким образом фабрика продолжала работать. В этот день в нашем районе работало только две фабрики Т-ва Даниловской М-ры и Шелковка.

Вечером я был на небольшом митинге, где присутствовало 25 человек рабочих. Первым вопросом на повестке дня стоял вопрос о нашей дальнейшей забастовке.

Решили написать хозяину фабрики требование, но некоторые рабочие возражали против писания каких бы то ни было требований, после же нескольких резких слов о тех рабочих которые отклоняются в сторону от общей массы, пришлось добиться общего согласия, после чего и было написано требование с множеством пунктов. Вот несколько пунктов из этого требования.

- 1) О прибавки заработной платы.
- 2) Восьмичасовой рабочий день.
- 3) Вежливое обращение мастеров с рабочими и отмена пропусков за ворота.
- 4) Прибавить рабочих на чесальных машинах и других работах, а также заплатить за время забастовки.

Некоторые пункты из требования, врученного хозяину были им осуществлены, как-то прибавили по несколько копеек жалования; кто получал 75 коп., стали получать 90 коп.; пропуска были отменены, что же касается 2-го пункта, то нам сказали, что союз фабрикантов не разрешает и за нерабочее время (за время забастовки), заплатить нельзя. Тем, кто не соглашался с этим давали расчет, но большинство рабочих было довольно и этим небольшим завоеванием и все вышли на работу. Вот те небольшие завоевания рабочих фабрики Алексева в семидневную октябрьскую забастовку 1905 года.

После этой забастовки нас несколько рабочих собирались на беседы, один студент у нас вел беседы, рассказывал, где и что делается и часто читал политические книги.

После натиска всеобщей забастовки и манифеста 17-го октября, мы собрались на собрание в Кривом переулке в доме Телешова. Все выступления, которые были на этом собрании, ужасно сильно влияли на собравшихся и зарождалась мысль, что надо вооружаться.

После 17-го октября рабочие меня выбрали в революционный комитет, который находился при фабрике Циндель. Среди рабочих чувствовалось беспокойство, все старались вооружаться и делать это не заметным, чтобы не попасть в подозрение.

8-го декабря наша боевая дружина, человек 25-ть, напала на 10 чел. городских и двух околоточных. Сначала мы начали их осаждать, но к ним пришли на помощь и нам пришлось разбежаться кому куда, не успев разоружить ни одного.

На утро мы, как выбранные делегаты, отправились на фабрику Циндель, где обсуждался вопрос о борьбе с казаками, где и как лучше укрепиться, как укрепить Даниловку и вообще те улицы, откуда больше всего придется защищаться. Постановление было следующее: «все делегаты должны вывести своих рабочих с фабрик и делать баррикады под мостом Повелецких жел. дор., потом в Проектированном и Кладбищенском переулках». Мы должны были засесть за эти баррикады и сделать сражение с казаками, которые находились на фабрике т-ва Даниловской м-ры. Но это проделать не пришлось, так как рабочие этой фабрики большей своей частью раз'ехали по деревням и лишь только незначительное количество осталось в Москве. Таким образом, принятое решение осуществить нам не пришлось.

В 11 часов утра 7-го декабря на ф-ку Даниловской м-ры пришли с других фабрик рабочие и совместно с указанной выше фабрикой, устроили митинг. После митинга нам удалось пройти по Даниловке. В дальнейшем, наши демонстранты стали разделяться на две группы, одна пошла дальше, а другая повернула обратно. По возвращении обратно, со двора ф-ки Даниловской м-ры выскочили казаки и началась кровавая порка: пороли нагайками и били прикладами. Один наш товарищ старался отброниться с колом в руках, но кол у него был вырван и он был избит до полусмерти.

После я уехал из Москвы на ст. Хлебниково, где пробыл две недели. Вернувшись обратно на фабрику, меня разогнали и выбросили на улицу.

БОСУЛАЕВ.

До 1905 года понятия о забастовке, среди рабочих не было, но, я помню, в первый год моего поступления на фабрику, были разговоры, что у Мецерица (Даниловская м-ра) идет бунт рабочих и усмиряют их казаки. (В то время всякое восстание называли бунтом).

Я помню первую забастовку зимой 1904 года. Забастовал Даниловский район и к нам на двор пришли человек 20 рабочих (остальные остались за воротами) остановили котел, дали звонок и вывели нас на улицу. Когда мы вышли, то навстречу нам уже скакала рота кошицы с шанками наголо, которая и разогнала нас.

Потом, до осени 1905 года, было у нас одна или две забастовки. Приходили ораторы иногда на спальню, иногда собирались вне фабрики, выработывали требования хозяину. Главными требованиями были: 1) прибавка жалованья, 2) уменьшение рабочего дня. На каждое требование получали отказ. Для того, чтобы не узнали, кто первый подписался под требованием — подписи ставили кругом.

Осенью 1905 года мы все стали чувствовать что-то серьезное. Стали чаще приходиться к нам ораторы разных партий и приносить прокламации.

Помню 4-го декабря к нам во двор пришло много рабочих, остановили фабрику, вывели нас на улицу и мы вместе пошли останавливать другие фабрики, как-то: «Гивартовского», «Фарбверке». Когда подошли к «Цинделю», то фабрика была уже оцеплена войсками и ворота были заперты. Тогда мы стали знаками в окна давать рабочим знать, чтобы они кончали работать. Нас заметили войска и началась с нами расправа: били нагайками, кулаками, шпорами. Я в это время получил одну оплеуху по лицу, а стоящему рядом со мной товарищу солдат шпорой проломил голову. Так продолжалось около часу, пока мы не разбежались. На фабрике «Циндель» после обеда прекратили работу.

4-го декабря началась общая забастовка и борьба на баррикадах.

Мы спали в казармах, которые отапливались при работе фабрики паром, а в это время совсем не отапливались. Холод был невероятный, было холоднее чем на улице. Промерзли мы так до 12—15 декабря, а потом стали разбегаться кто куда. Так как железные дороги остановились, то мы, человек, 8, поехали в деревню на лошадях.

Когда пришлось вернуться обратно в Москву в январе месяце, то в Москве наружно было все тихо и лишь частичные

разрушения и порванные проволоки говорили о недавно происходившем здесь великих событиях.

В скором времени на фабрике снова объявили забастовку с требованием увеличения жалованья и уменьшения рабочего дня до 10 часов, которое было удовлетворено полностью. Мое личное участие выражалось только в чтении на спальне прокламаций, их обсуждение и разъяснение небольшому кружку товарищей, сидя за керосиновой лампочкой.

Участники 1905 года ф-ки Алексеева.

Григорьев А. Г.

Холотков И. М.

Меньшов И. С.

КОЖЕВНИЧЕСКИЙ ПОДРАЙОН

в 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. М. А. Константинов. Воспом.
2. Группа участников 1905 г. кондитерской фабрики Ленова.
3. Я. Князев. Воспоминание.
4. Группа участников 1905 г. кожевнического завода Жемочкина.]
5. Материал местной комиссии (восп)
6. М. Кульков. Воспоминание.
7. Школа при заводе где происходили собрания рабочих завода.
8. Ахальцев. Воспоминание.
9. Сушкин. Воспоминание.
10. Участник. Воспоминание.

КОЖЕВНИЧЕСКИМ ПОДЪЯНОМ

в 1905 г.

М. А. КОНСТАНТИНОВ.

Мне было тогда 15 лет. Работал я учеником в Карамельном отделении, а всего работало в то время на фабрике человек 200.

Группа участников 1905 года ф-ки Ленова.

По слухам я узнал, что кое-где на фабриках начались забастовки. Несмотря на то, что я почти ничего не понимал, все-таки чувствовал приподнятое настроение и дожидался, что скоро и мы кончим работать и будем бастовать, предъявляя свои требования хозяину. Не долго пришлось ждать. В один из дней (какого числа не помню) к нашей фабрике подошли рабочие с других фабрик, кажется, от «Сытина» и «Иванова», которые хотели войти на фабрику и остановить работу. Но хо-

зяин, *Ленов*, узнав, что подошли забастовщики, велел запереть ворота и никого не пускать ни на фабрику ни с фабрики. Пришедшие рабочие стали грозить, что будут бросать камни в окна, если мы не кончим работать. Тут в мастерскую пришла перепуганная хозяйка *Ленова* и стала просить, чтобы мы кончили работать, а то забастовщики перебьют стекла. Мы побросали работу и вышли все на двор, где соединились с вышнущими в ворота рабочими других фабрик, пришедших в это время нас останавливать. Один из пришедших (фамилии его не знаю) вскочил на бочку и стал говорить. После митинга решили идти останавливать другие фабрики. По выходе из ворот, некоторые рабочие, из боязни попробовать казацкой нагайки, стали разбегаться по домам, но все-таки большая половина осталась и пошла. По пути остановили несколько кондитерских фабрик: «Гуляева», «Пежо», «Жукова» без всяких затруднений и препятствий. Рабочие остановленных фабрик присоединялись к нам и все снова шли дальше. По пути к кондитерской фабрике «Максимова», что на Алексеевской улице, нас ожидала не особо приятная встреча. Не доходя до фабрики из переулка выскочили верховые казаки, которые были пьяны (как мы после узнали, их подбил фабрикант Максимов), они прицелились в нас из винтовок. Толпа сразу остановилась, вздрогнула и — в испуге стала разбегаться кто куда, сшибая друг друга на пути. Казаки полным карьером пустились на разбегавшуюся толпу. Винтовки сменились нагайками и удары нещадно сыпались на спины рабочих, работниц и детей, которые шли с толпой из любопытства. Некоторые рабочие, чтобы спастись от удара плетки, попадали на мостовую, думая, что плетка их не достанет, но не тут то было, оказалось, что и лошади казацкие тоже против рабочих — лошадь подсакивала к рабочему и падала на колени, чтобы удобнее было стегать рабочего. Плетка гуляла во всю. Напротив этого места, где казаки расправлялись с рабочими, находился механический завод. И вот с этого то завода, рабочие видя как казаки стегают рабочих других фабрик: не выдержали и стали со злобой осыпать камнями казаков и полицию. Тогда городовые и пристав выхватили револьверы и открыли по ним стрельбу. К вечеру на улице все утихло.

На следующий день на фабрике было организовано собрание; обсуждали вопросы об экономических требованиях. На-

сколько у меня осталось в памяти, требования были следующие: 1) уменьшение рабочего дня (мы работали 11½ часов в день), 2) улучшение харчей (в то время харчи были хозяйские), а, главное, чтобы отменили постное по средам и пятницам, которое состояло из щей со сметками и каши с квасом. Еще требовали прибавки жалованья. Тут же на собрании выбрали делегацию из 3-х человек: 1) *Паршин Василий Гаврилович*, 2) *Чесноков Сергей Петрович* (теперь уже умершие) и 3) *Данилин Митя*, который живет сейчас в деревне Клинского уезда. Эту делегацию послали к хозяину с требованием. Кое на какие требования хозяин пошел: прибавил немного жалованья, сократил рабочий день на один час, улучшил харчи и отменил постные дни. Но, нужно сказать, что харчи были хорошие только около одного месяца, а потом опять стали плохие.

Вот все то, что осталось у меня в памяти об октябрьских днях 1905 года на фабрике «Ленова».

Я. КНЯЗЕВ.

Завод существует с 1851 г. В 1905 г. рабочих было около 300 человек. Рабочий день 10 час. Заработок в среднем 35—40 руб. в месяц. Санитарные условия плохие. В мастерских грязно, душно, вентиляторов не было, насчет спецодежды, полотенцев, мыла и теперешних душ и в помине не было. Обращение мастеров с рабочими было жестокое. Каждую минуту грозили увольнением. Все это раздражало рабочих, разжигая в них классовую вражду.

В 1905 году вспыхнула революция. Рабочие фабрик и заводов Москвы и других городов вступили в бой со своим врагом.

Завод «Труженик», по предложению рабочих фабрики бывш. Циндель, прекратил работу 7-го декабря 1905 года и к нормальной работе приступили только после Рождества.

Хозяину предъявили требования: уменьшение рабочего дня до 8 часов, отмена сверхурочной работы и прибавка жалованья. Требования носили рабочие во главе с тов. *Сушилиным В. И.* — слесарем завода «Труженик», теперь уже умершем. Он же руководил на заводе забастовкой.

На территории завода столкновений с полицией не было, но на улице и в других местах гор. Москвы рабочие завода участвовали на митингах и в стычках с казаками и полицией. Ра-

Группа участников 1905 г. кожевенного завода Жемочкина (Труженик).

бочие ходили на другие заводы и снимали рабочих с работы (фабрика бывш. Михайлова — теперь Обувная фабрика «Парижская Коммуна»), Кож. завод бывш. Алексеева и Кирилловский.

До начала Революции, рабочие уже слышали от членов союза, что революция должна быть, но не понимали ее полного смысла и не знали — как она должна протекать и что нужно было требовать и делать.

В день забастовки к забору прилегающего корпуса к «Цинделю», где находились портновские и шорно-запройные отделения, подошли цинделевские рабочие, стали бросать камнями в окна, заставляя окончить работу. После этого уже сами

рабочие стали других заставлять кончать работу, останавливая те мастерские, где работа еще продолжалась. Хозяину было предъявлено требование о повышении расценки, сокращении рабочего дня, оплаты за квартиры, тем, которые жили на воле. На первое, хозяева частично соглашались, но на последнее не согласились. Мастера уговаривали рабочих, чтобы они продолжали работу и всеми силами старались удержать их в мастерской и не дать возможности группироваться с другими артелями. После трех дней забастовки, все старания как администрации, так и мастеров о том, чтобы удержать рабочих, были напрасны.

Как только окончили работу, состоялся маленький митинг. Один рабочий говорил речь во дворе с ящика, но много говорить не пришлось — во дворе была полиция и казаки. Во время демонстрации рабочие завода хотели соединиться с рабочими «Цинделя», но в это время заводские ворота были закрыты. После того, как открыли ворота, рабочих с завода на спально провозжали городские, не давая им соединиться с другими рабочими.

Массовых выступлений на заводе не было. Как только окончили работу дня через два-три, посидевши на спальные, рабочие стали брать расчет и разъезжаться по деревням. Городские рабочие ходили на митинги под Симонов и на бульвар к Москве-реке.

*Составила местная комиссия
завода „Красный Поставщик“.*

М. КУЛЬКОВ.

Мне было 14 лет. Работал я в Седельной мастерской у Голубева. Получал 7 руб. Работали мы с 7 часов утра. Мальчишки приходили к 6 часам утра и работали до 8 час. вечера, плюс два часа работали сверхурочно, итого выходило 16 часов.

Убийство князя Сергея Александровича прошло как событие. Никто не жалел. Книженки, выпущенные правительством (о мученической кончине), успеха не имели и не читались.

Начало московских стачек отразилось на рабочих в обсуждении своих экономических требований. Требования были

поданы и нашим заводом. Бастовали мы недолго — несколько дней. Нам прибавили, сколько я не помню, но мальчишки стали получать 35 коп. в день, убавили рабочий день. Все это дало мне возможность пойти учиться на вечерние курсы при фабричной школе, которая помещалась при заводе в Гусятниковом переулке.

В Москве дни были тревожные. Поговаривали о всеобщей забастовке. В общежитии на спальне по Жуковскому проезду, где сейчас находится клуб Р. У. ж. д., много не говорили и некому было говорить, отсталость была полная, да и, вероятно, сил не было у партии кого-нибудь послать к нам на спальню или на завод.

Дня не помню. Вспоминаю как в школе, вечером был устроен митинг и выступала учительница тов. *Смирнова*. Волна забастовочная гремела и шла перестройка. После выступления спели похоронный марш и марсельезу.

На другой день завод наш приступил к работе. Я послан был за товаром в закройную. Корпус этот выходит к фабрике «Циндель» и я увидел как цинделевские рабочие снимались с работы, кидались камнями и требовали выхода с фабрики. Наш староста (так называли заведующих мастерскими) посылал всех мальчишек кидать с крыши камнями в цинделевских рабочих, но мы отказались, но пошел один только Лукьянов (звали его «Лукьянич»). Только кинул Лукьянич один камень, как раздался выстрел и Лукьянич убежал, а рабочие завода уже кидали станки и верстаки и уходили. Правда, это было только у саножников, шорников и в слесарной. Шорники кончили не все, и мы гурьбой побеждали снимать остальных. Помню, в нас кидали пряжками и кусками воска и вара, но стоило нам пробежать до половины мастерской, как все ребята бросили работу и закричали «кончай!» Это было в корпусе, где сейчас стоят чесальные машины, — там стоял мастер Баталин с револьвером в руке. Мы двинулись дальше по корпусу. Когда поровнялись с Баталиным, то кто-то сзади из рабочих пустил в него табуретку, он пошатнулся, но не выстрелил. После я выбежал на улицу с таким же мальчиком как и я *Сосновым*. Впереди всех бежал *Сизов* — тоже мальчик. Бежали со всеми рабочими к деревянным корпусам, где на куче корья был уже митинг. Из нашей мастерской были делегаты — *Костя Дюжиков* и *Жуков*. Решался вопрос о забастовке. Среди рабочих был

не наш рабочий — по виду слесарь, называли его *Егоров*. Когда расходились, то на дворе был уже наряд стражников и солдат, которые начали теснить нас обратно в мастерские, но рабочие не пошли и остались у большого корпуса. Тов. *Егорова* пересаждали через забор на территорию спальни Ганшинской фабрики, рядом с нашим заводом. Через некоторое время рабочих пустили за ворота.

Школа при заводе где собирались рабочие и в которой находилось ядро революционеров.

Больше на завод я не приходил. Столовая была закрыта и в спальнях было сказано, что всех будут гнать вон. В школе происходили собрания чуть не каждый день. Некоторые учителя принимали активное участие и в особенности учительница *Смирнова* или *Козлова*, точно не помню.

Через неделю, спальни начали пустеть и рабочие стали разъезжаться по домам.

Москва уже не работала. Громили Левенсона на Чистых прудах, громили Сытина. На спальне остались только ребята.

Помню, к нам пришел один товарищ и сообщил, что на бульваре на Шлюзовской набережной назначено собрание ко-

жевников. Я и другие, на которых я уже указывал, пошли на собрание. Длилось оно недолго, народу было много. Приехавшие сотни две казаков нагайками разогнали это собрание. Мы тоже удрали через забор банного двора в Кожевниках. Когда мы шли через Зацепу, то в Жуковском проезде стояли трехдюймовки и человек 30 солдат. Мы узнали, что это для цинделевских рабочих которых они ожидали на подмогу сытинцам. Выйдя на Валовую, мы встретили рабочих, которые бежали и кричали «казаки бьют». Кого-то из нас сшибли и мы ушли опять на спальню. После я уехал с братом в деревню. Железные дороги уже не работали и мы выехали на лошадях. Мне представлялось тогда, смотря на отъезд у заставы, что вся Москва уезжает, так как шло и ехало много народу.

После, когда я приехал через несколько времени, завод еще не работал. Голубев мне заявил, что я забастовщик и меня не примут на работу. Когда я пошел на завод, то в ворота меня уже не пропустили.

АХАЛЬЦОВ.

В 1905 году я работал на шорно-седельной фабрике Демонт на Ивановке в Кожевниках. В то время у нас были собрания на фабрике Циндель, в столовой. Несколько собраний было организационных. Не помню какого числа в субботу у нас было очередное собрание. Ораторы говорили пламенно и с большим подъемом. Решили в воскресенье пойти организованно с красным флагом на демонстрацию. Но в воскресенье уже было постановление другое: приняли товарищи и разъяснили, что так идти нельзя, потому что у рабочих оружия никакого не было, а было только у боевой дружины. Этого недостаточно, так как везде были засады до зубов вооруженных казаков и полиции. Поэтому было постановление пойти небольшими группами. Вот в числе этих групп был, я с женой. Демонстрация наша не удалась; появились драгуны открывшие по нас стрельбу. Было много убитых и раненых в особенности зевак. После всего этого наша братва помаленьку стала снова собираться кое где. Большинство стали присоединяться к профессиональному союзу. В это время председателем был на нашей

фабрике товарищ Залогин. Как не притесняло правительство рабочих, а злоба ко всему этому не улеглась в наших сердцах. Мне было предложено быть ответственным редактором журнала «Кожевник», на что издал свое согласие. Ко мне раза два приходил помощник пристава и выспрашивал, какого я образования. Вот все, что я мог упомянуть.

СУШКИН.

11-го января в 11 час. утра на заводе был дан звонок о прекращении работы. Ворота завода были открыты по распоряжению директора завода «Марцева». Часть рабочих пошла к фабрике «Циндель». Здесь были ворота закрыты и наших

Активнейшие участники 1905 года Дербеневского химического завода б. «Фабверке». Слева—Бобков, слесарь, Направо—Сушкин, бондарь.

делегатов не пускали на фабрику, находящийся здесь отряд полиции и сторожа. Под напором рабочих, ворота все-же были открыты и фабрика остановлена. За фабрикой «Циндели» остановили завод Жемочкина, затем фабрику Кутурье. После, направились к фабрике Гандшин. Рабочие, обогатившись опытом, стали действовать смелей; открыли ворота, остановили работу и спустили в котельной пар. На утро собрались в рай-

оне Даниловки и пошли останавливать фабрики «Мещерина», «Алексеева» и «Шрадер». Здесь мы потерпели неудачу: нас встретили конные фараоны и дали нам порку — загнав в канаву, пороли нагайками. Наш завод не работал 5 дней. Забастовка имела экономический характер. Были предъявлены требования о повышении 5 коп. на рабочий день и уплаты заработка за все время забастовки. Выходящим после забастовки на работу рабочим, директор давал деньги на водку и закуску.

Вторая забастовка, состоявшаяся летом, носила также экономический характер — требовали повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. Тут уже у нас была в большом количестве литература, которая хранилась в тайне и давалась только надежным товарищам. Уволенным с завода товарищам давались денежные пособия. Выдачей денег руководил тов. *Борисов И.*, который был предан провокатором. Его арестовали на дугу за фабрикой «Шлихтерман», заключили в тюрьму и повесили летом 1906 года. Вторая забастовка продолжалась три дня. При этом не обошлось без вмешательства полиции. Рабочие выразили недовольство и протест против вмешательства полиции, вследствие чего директором завода было предложено околоточному увести наряд с завода. После ухода фараонов все стали на работу.

17-го октября был издан манифест о даровании свободы слова, печати, собраний, неприкосновенности личности и жилищ. После этого мы стали активнее выступать и ходить на собрания к «Цинделю» на кухню и завод «Жако».

В декабрьскую забастовку, которая нам дала более, чем другие забастовки, мы избрали делегатов в Совет: 1) *Савельева В. И.*, 2) *Аносова Е. А.* и 3) *Новикова М. И.* Добились повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. Вместо десяти часов стали работать девять.

7-го декабря на заводе был 1-й митинг. Доклад делала тов. *Землячка* и *Минор*, при охране боевой дружины в составе т.т. *Новикова*, *Аржак*, *Бобкова*, *Захлебина* и *Горячева*. После митинга была проета марсельеза, машинюшка и похорошный марш. После окончания похорошного марша тов. *Бобковым* было развернуто красное знамя и поставлено в столовой у средней колонны. Затем выступали ораторы своего завода: *Жигицков*, *Сушкин*, *Аносов* и *Баранов*.

По закрытии митинга, избранные делегаты в Совет Рабочих Депутатов т.т. *Савельев Василий*, *Новиков Матвей* и *Аносов Егор*, отправились на первое заседание в училище «Фидлера». Чистые пруды, Лобковский пер. В 11 часов вечера был обстрелян наш Совет Рабочих Депутатов. На следующий день утром мы собрались на спальне заслушать доклад тов. *Савельева*. Заключительные слова его доклада были следующие: «Долой кровавого Николая! Да здравствует Революция. Да здравствует Совет Рабочих Депутатов».

8-го декабря рабочий класс объявил беспощадную борьбу царскому самодержавию. Начался бой на улицах Москвы: Бронной, Пресни и в Замоскворечьи. Московский гарнизон отказался выступить против московских рабочих. Но прибыл Семеновский полк, верный царю и начались аресты и расстрелы рабочих и вождей рабочего класса.

УЧАСТНИК

На фабрике Августа Шрадера были две группы подпольков: одна группа РСДРП и другая эсеров. Вторая группа была еще молода и главное руководство местной забастовкой принадлежало группе СД, из которой выделялся Василий Гаврилович Корзин — ручной ткач — (где он в настоящее время, жив или нет никто не знает). К группе СД принадлежали, кроме названного Корзина, слесарь Францелев, Николаев Иван — слесарь, Сергеев ткач (работает и в настоящее время здесь) и Григорий — водопроводчик. К группе СР принадлежали: Малинин, В. (работает и теперь подмастерьем), Бобылев Филипп Алексеевич (работает сновальщиком), Посов, В., Соколов, Е. и Радионов.

Эти то товарищи, привлекая к себе сочувствующих для помощи им в разноске литературы, для стражи во время подпольных собраний и на самые собрания, проводили тут подпольную работу. Из сочувствующих работали т. т. Фомин, Зотов, Ф. Г., Хухрев, Абрамов (все в настоящее время работают на фабрике).

7-го октября пришли сюда рабочие с механического завода Людвиг Омиг и с сытинской типографии и с криками «кончайте работу» вызвали всех рабочих из корпусов, а сами

побежали останавливать паровую, хотя директор фабрики, уже предупрежденный об этом, обошелся с ними вежливо и обещал сейчас же остановить фабрику. Когда паровая остановилась, все рабочие выскочили на улицу. Тут пришедшие рабочие объявили, чтобы на следующий день все пришли на Коровью площадку, где должен состояться митинг. На митинг пошло не очень много рабочих с фабрики Шрадер—боялись.

Активные участники движения 1905 года фабрики Шрадер.

Изрядное количество все таки пошло. На Коровью площадку собралось много народу, но наехавшие конные городские плетками разогнали митинг.

Группы СР и СД фабрики Шрадер объединились для совместного устройства митинга на фабрике. Пригласили агитаторов СР и СД и собрали всех рабочих на кухне. Агитаторов рабочие слушали внимательно, когда речь шла об экономических требованиях рабочего класса. Но, когда один из них воскликнул «долгой самодержавие, да здравствует демократическая республика»—толпа заволновалась (до того страшно было слышать тогда подобные слова). На этом собрании было решено выбрать делегатов от цехов для предъявления требований фабриканту Шрадеру. В качестве делегатов были выбра-

ны от ручных ткачей т. Зотов, от приготовительного отдела т. Дилин, Калабушкин и др., всего 12 человек. Были предъявлены требования: 1) 8-ми часового рабочего дня, 2) свободы выхода и входа на фабрику, 3) увеличение зарплат, 4) увеличения оплаты за простой, 5) отпуск для рожениц, 6) уничтожение нар на спальнях и дача коек и др. Эти требования были в большинстве своем удовлетворены, за исключением 8-ми часового рабочего дня.

Фабрика стояла одну неделю, т.е. до 14 октября. В декабре она остановилась вторично, но на этот раз Шрадер дал по 3 руб. и большинство рабочих уехало в деревню по оставке фабрики.

В октябре названные группы СР и СД, а также некоторые и сочувствующие, пошли останавливать другую ткацкую фабрику (б. Михайлова), рабочие которой не хотели бастовать. Там произошла перестрелка с полицией, в которой был тяжело ранен один ручной ткач (его фамили никто из участников не помнит), этот товарищ через несколько дней умер. На фабрику Шрадер были приглашены 50 казаков, якобы для охраны фабрики, но на самом деле все эти казаки стреляли в других рабочих, когда те приходили останавливать фабрику, когда она снова пошла. Они ездили умирать сытинских рабочих и др. Некоторые участники передают, что когда они стояли у окон в общежитии и курили, казаки с городской пращейной стреляли в них.

Кроме одного убитого, были несколько пострадавших арестом. Так, тов. Малинин был арестован и сидел 9 месяцев, а Калабушкин — 3 месяца.

1905 г.

НА ФАБРИКЕ ЭЙНЕМ

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Ив. Евсении Воспоминание
2. Андреев Тоже

Из ЕВСЕНИИ.

В условиях дореволюционной царской России, когда по отношению рабочих безнаказанно разгуливали казацкая пагайка и «сеledка» городского, во главе кондитерской ф-ки Эйнем стояли отпрыски германского подданного — братья Гейсы. Из них Владимир, как владелец большей части паев и как энергичный и настойчивый администратор, прекрасно знающий кондитерское дело, был главным руководителем. Как очень искусный политик, он старался создать на фабрике такие порядки, которые давали бы ему возможность широкой эксплуатации рабочих и в тоже время держали бы их в покорности и послушании.

Когда, в связи с русско-японской войной, стала нарастать волна стачечного движения, Гейсе особенно усиленно повел переписку с фабрикантами Германии и Австрии. В пределах же России он пропагандирует идею объединения фабрикантов кондитерского производства и согласованности их действий, направленных к удержанию рабочих от «несправедливых требований». Гейсе широко применяет немецкий обычай выдачи рабочим наградных, пасхальных, свадебных, похоронных, «на нужду» и т. п. Заработную плату вводит более сносную, чем на остальных кондитерских фабриках. Санитарные и гигиенические условия работы в мастерских становятся почти идеальными. Не были обойдены Гейсом и «культурные потребности» рабочих, для удовлетворения которых на фабрике был организован... духовный хор, а позднее драматический кружок и даже библиотека.

Совершенно естественно, что при таких условиях создавался особый тип рабочего, безропотно тянущего свою трудовую ляжку, называющего хозяина «благодетелем» и «отцом» за каждую подачку рассчитанную на то, чтобы умаслить рабочих и отвлечь их внимание от борьбы за улучшение своего экономического положения. Одних пенсионеров, прослуживших на

фабрике больше 25 лет, было до 170—180 человек. Не трудно представить каких трудов, какой энергии, настойчивости и решительности стоило сознательным рабочим расшевелить эту инертную и малосознательную массу.

Когда ротмистр Зубатов создал свои общества взаимопомощи с их проповедью мирного сотрудничества рабочих с капиталистами, фабрика Эйнем дала наиболее преданных и активных членов. Сами Гейсы были одними из тех фабрикантов, которые вошли в общество почетными членами.

В каждой мастерской висели иконы и перед ними теплились лампадки. В особо «торжественные» дни здесь устраивались молебны, в которых участвовал духовный хор, организованный из рабочих и служащих.

Стремление закабалить рабочих и сделать из них покорных рабов распространялось даже на детей рабочих.—Большинство из них находилось в фабричном интернате, где за каждым их шагом следили особые няньки и дядьки, в задачи которых входило не только «наблюдение за нравственностью» учеников, но и затем, куда они ходят, с кем имеют знакомство, какие читают книжки и т. п.

Но и в такой нездоровой атмосфере, находились рабочие, которые не могли примириться с положением вечного раба. От недовольства своим собственным положением они переходили к разговорам на темы общеполитического характера. Это приводило их к чтению газет, к поездкам за город, где они, сталкиваясь с рабочими других фабрик, начинали сознавать потребность в организации.

Некоторые рабочие фабрики Эйнем имели тесную связь с рабочими завода Густава Листа.

Повидимому, под влиянием листовцев и происходило первое оформление общественных запросов эйнемцев. По крайней мере старый рабочий ф-ки Эйнем—И. И. Кондраков рассказывает, что от рабочих Листа они еще до 1905 года получали прокламации и даже газету «Искру», а другой рабочий, активный участник соц-демокр. кружка, М. С. Ромашев, говорит, что и связь с партийной организацией эйнемцы получили оттуда же.

Под влиянием листовцев же на фабрике Эйнем в конце 1904 года был организован подпольный кружок, куда приходили пропагандисты соц-демократы.

Политические кружки первоначально не носили яркой выраженной партийной окраски. В одном и том же кружке бывали представители и партии соц-демократ., и партии эсеров, одни и те же рабочие ходили и на эсеровские беседы, и на эдекосские.

Собрания членов кружка происходили на квартирах Барова и Басова, а летом за городом — на Воробьевых горах, в Тюхтеревой и Орловой роще и т. д.

Устройство собраний в это время было сопряжено с большим риском. Приходилось идти на хитрости, чтобы обмануть бдительность полиции и охраны. Так, напр., у т. Ромашева был устроен специальный звонок, которым могли пользоваться только постоянные участники кружка. Перед началом занятий на стол становили самовар, чашки и хлеб, а иногда и пустые винные бутылки. Входили в квартиру по заранее установленному паролю.

Имена руководителей кружков не удалось установить, называют лишь тов. Варю.

Как члены организации социал-демократов, так и члены ее кружка распространяли по фабрике прокламации и нелегальные брошюры. Постоянным хранителем этой литературы был т. З. С. Котов.

Распространение литературы также было сопряжено с большими трудностями вследствие того, что их распространители, благодаря невоздержанности некоторых рабочих, могли стать объектом бдительных наблюдений со стороны агентов Гейсы и охранного отделения.

Соц.-демократический кружок явился для рабочих фабрики Эйнем той дверью, через которую они вошли в партийную организацию. Этот кружок дал участникам тот минимум политических знаний, которые помогли им с честью выходить из затруднительных положений во время борьбы с предпринимателями.

Тов. Ромашев рассказывает, что первоначально несколько рабочих фабрики Эйнем организационно были связаны с заводским комитетом Р. С.-Д. Р. П., объединявшим рабочих заводов Густава Листа и Добрава-Набогольц.

Но уже в начале 1905 г. при фабрике Эйнем возникает самостоятельный заводской комитет, в составе которого входили: М. Ромашев, М. Петрова, С. Соловьев, Н. Андреев, А. Ануш-

Кевяч, Роцин, Ф. Козлов, С. Ф. Федоров, Прянишников, Новиков, Прохорова, Спичкина, Константинов, Хлебников и др. товарищи, фамилии которых пока не удалось установить.

Эти товарищи принимали активное участие в распространении нелегальной литературы, вели широкую агитацию как в мастерских, так и в столовой, и на общей опальне (была при фабрике).

Несмотря на упорную повседневную работу участников соц.-демократ. организации, широкие слои рабочих фабрики по-прежнему трудно было вовлечь в кружковую работу или в те или иные политические и экономические компании.

В марте 1905 г. на почве недовольства низкой оплатой труда забастовали работницы, забастовка была неорганизована, сочувствия у большинства рабочих не вызвала, а потому и закончилась неудачно...

Предчувствуя надвигающуюся грозу рабочего гнева и недовольства, Гейсы пытаются отвлечь от себя ее удары. Они несколько раз делают прибавки в жаловании, стараясь этим задобрить рабочих...

Материалы, собранные путем записи воспоминаний, не дают достаточно ясной картины событий и поэтому нам придется обратиться к другим источникам, — это донесения пристава Якиманской части Кожина градоначальнику и записки самого правления, сделанные им на немецком языке в книге протоколов правления товарищества.

В протоколе заседания от 10 августа имеются указания, что 1 августа в обеденное время рабочие предъявили через В. И. Ретюнского требование дирекции об оплате сверхурочных часов в размере 1% месячной платы, а на другой день тот же Ретюнский и Михайлов в обеденный перерыв передали рабочим ответ дирекции. Администрация согласилась прибавить к жалованию дворников по 1 рублю, «что же касается сверхурочных часов — отвечала администрация, — то будет выработан новый тариф, который все же не может быть так высок, как требуют рабочие».

Донесение пристава вносит детали: рабочие требовали прибавки к жалованию — мужчинам, получающим 10 р. — 30%. Меньше 10 р. — 50% и, кроме того, 10 час. рабочий день, вместо 10½. Правление согласилось прибавить по 5 коп. поденщикам и по 1 р. мужчинам. Пристав добавляет, что рабочие остались

недовольны ответом администрации, но разошлись по мастерским и продолжали работу, но он сомневался, что рабочие будут работать 3 августа. Предположения пристава оправдались. Рабочие вышли на фабрику, но, не получив от администрации ответа, забастовали. Причем, как говорится в протоколе, «не большое число недовольных, во главе с давно работавшим в карамельном отделении дворником Филиппом Милюхиным, после обеда заперли помещения рабочих и насильно никого не выпускали, так что к 1 часу, кроме старших мастеров, девушек и рабочих-подмастерьев, живущих на стороне, никто не мог попасть на фабрику. Хозяева встревожились и несмотря на свой либерализм обратились за помощью к полиции. Вскоре приехал полицмейстер 1-го отделения барон Будберг. Опросив «сведущих лиц», он призвал из Тверского и 2 Якиманского участков усиленный наряд полиции и два взвода казаков. Рабочие настроились тревожно, их настроение не улеглось. На фабрику прибыл фабричный инспектор барон Тисольт, которому рабочие передали свои требования, состоявшие из 16 пунктов, причем рабочие заявили, что они не станут на работу до тех пор, пока все их требования не будут удовлетворены полностью».

В то время значительное большинство рабочих фабрики Эйнем составляли женщины. Они после разъяснения фабричного инспектора, который, повидимому, прибег к обычным угрозам, решили пойти на работу, несмотря на энергичный протест со стороны сознательных рабочих.

Настроение рабочих, вероятно, было тревожное, так как «для обеспечения экспедиции фабрики, а равно работавших людей на фабрике», оставлены были на всю ночь до утра один взвод казаков и 34 городских, при четырех околоточных и одном казачьем офицере.

Учитывая несознательность и неорганизованность рабочих, а также и то, что из 1.187 работающих на фабрике 751 было женщин, администрация фабрики сознательно задерживала ответ на требования рабочих, тем более, что Гейсы имели поддержку со стороны других крупных фабрикантов-кондитеров, совместно с которыми обсуждали все вопросы, связанные с забастовкой. Наряду с этим широко развернули свою работу платные и даже вольные агенты Гейса. Они распускали тревожные слухи о закрытии фабрики, об увольнении бастующих, о

поголовном аресте их и т. д. Благодаря, этому, настроение рабочих становилось тревожнее. Произошел раскол. Одна часть, науськиваемая, к тому же, старшими мастерами и ждущими пенсии, требовала прекращения забастовки другая, наиболее сознательная, наоборот, настаивала на продолжении забастовки до тех пор пока не будет полностью удовлетворены все требования.

Угрозы пристава Кожина, агитации верных «служаек» Гейсов оказали свое действие.

4 августа, начиная с утра, приходили по-одиночке и группами рабочие и принимались за работу. В течение дня стали на работу 785 женщин и 77 мужчины. Остальные 325 человек (мужчин) не только продолжали бастовать, но и делали попытки проникнуть во внутрь фабрики и прекратить работы.

Приставом Кожиним была пущена в ход полиция. В донесении об этом в охранку пристав Кожин, хотя и говорит, что «никаких насильственных мер не было принято», тем не менее, повидимому, полиция переусердствовала, так как после обеда уже все рабочие Берсневской и Софийской ф-ки и Петровской мастерской не вышли на работу, требуя ответа администрации на их требования.

Лишь к вечеру во двор фабрики вышли директора правления и в присутствии фабричного инспектора, пристава Кожина и одного из своих постоянных агентов, огласили рабочим ответ на их требования.

Фабриканты, имея твердую опору в лице других-предпринимателей-кондитеров, сделали незначительные уступки: прибавили к квартирным и по 10 коп. на баню, сократили на полчаса рабочий день, увеличили на 5 коп. вступную плату поденщиц (получали 40 коп.), пообещали 4-х недельный отпуск беременным, проработавшим на ф-ке не меньше года и 10-ти дневный отпуск через каждые два года всем рабочим, проработавшим 2 года.

По словам пристава Кожина, большая часть рабочих «некоторыми ответными пунктами удовлетворилась», но более сознательные рабочие продолжали настаивать на полном удовлетворении предъявленных требований. Однако, они, повидимому, бессильны были что-нибудь сделать, так как на второй день (5 августа) приступили к работам все рабочие, за исключением 7 человек, которые, по отписке того же пристава в охранку,

пьянствовали. Рабочие успокоились и настолько, что вечером того же дня, после закрытия фабрики, полиция и казаки были распущены, но, пишет в охранку пристав Кожин, «наблюдение за рабочими мною установлено». 7-го августа пристав доносит градоначальнику, что «по собранным негласным сведениям», рабочие Эйнем 6 августа, вечером, уходили на Воробьевы горы на сходку, откуда возвратились довольно поздно. Пристав предполагал, конечно, на основании «негласных сведений», что 8 августа рабочие опять забастуют и будут настаивать на полном удовлетворении своих требований и на удалении с фабрики фельдшера А. (следует полная фамилия), подозревая его, что он обо всем происходящем между ними доносит полиции и несправедливо к ним относится».

Доносчики на этот раз ошиблись: 8 августа фабрика была на полном ходу.

Финалом забастовки было увольнение 10 августа тов. Михаила Милюхина. В протоколе правления по этому поводу говорится, что Милюхин уволен не потому, что был главарем рабочих, а по той простой причине, что в четверг, когда рабочие, по требованию фабричного инспектора, хотели начать работу, он возбуждал рабочих к упорству и достиг того, что они в этот день бастовали».

Августовская забастовка, как о ней и сами участники говорят, была пробной. Рабочие держали экзамен на политическую зрелость, пробовали свою организованность и сознательность. Августовская забастовка поражает с первого взгляда отсутствием организованности и дисциплины. Собрание выносит постановление о продолжении забастовки до полного удовлетворения требований, а в тоже время большая часть рабочих срывает это решение выходом на работу. Но, если принять во внимание, что большинство рабочих состояло из женщин, совершенно не затронутых революционной пропагандой, общеизвестную инертность старых рабочих, их боязнь потерять насиженные места, а отсюда и сопротивление забастовке, то будет совершенно понятна та роль, которую сыграли в этой забастовке передовые товарищи.

Однако, влияние гейсовской политики усмирения рабочих должно не могло быть изжито. В особенно бурные предоктябрьские дни рабочие Эйнем продолжали работать. И, когда под напором листовских рабочих вынуждены были уйти с фабри-

ки, то «бастовали» только 1½—2 дня. Даже во время похорон Баумана, в которых принимала участие почти вся рабочая Москва, фабрика работала. Лишь отдельные товарищи, не вышли на работу и присоединились к похоронной процессии.

После октябрьской забастовки, когда рабочие шли на фабрику, у ворот, по обыкновению, происходило отделение «овец» от «козлов». Было выделено, как вспоминает Я. Хлебников, человек 29, которых не допустили к работе, а потом уволили.

Малочисленная группа сознательных товарищей не сразу оправилась после того, когда из ее рядов были выхвачены Гейсом наиболее революционные рабочие. Но, она не падала духом, а продолжала энергично и настойчиво, путем устной агитации и распространения прокламаций, долбить твердую кору несознательности своих товарищей по станку. Вместе с этим она расширяет и укрепляет свою связь с партийной организацией. участвует в ноябрьской общегородской конференции социал-демократов, где обсуждался вопрос об аресте Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

Впечатление, произведенное на малосознательных рабочих Эйнем манифестом 17 октября, стало уже давать обратные результаты.

И когда тов. М. Ромашев и Н. Азреев, возвратившись с конференции, рассказали о ее решении—в знак протеста против ареста Петербургского Совета Рабочих Депутатов объявить всеобщую политическую забастовку, с переходом ее в вооруженное восстание,—настроение рабочих приняло боевой характер. Рабочие стали готовиться к предстоящей схватке...

По постановлению Московского Совета Рабочих Депутатов, в 12 часов дня 7 декабря должна быть начата всеобщая политическая забастовка.

Социал-демократический актив не был уверен, что ему удастся своими силами остановить Софийскую и Берсеневскую фабрики, поэтому он договорился с листовцами, чтобы они пришли к воротам Софийской ф-ки и потребовали прекращения работ.

«Наши рабочие—пишет Правление фабрики Эйнем, в докладе о забастовке в декабре 1905 года», написанном по немецки,—до обеда названного дня держались вполне спокойно. За 10 минут о 12 часов пришли с пением (революционных песен,

И. Е.) и с красным знаменем, листовские рабочие и потребовали прекратить работу. Был дан звонок к прекращению работ».

Отсюда направились на Берсеневскую ф-ку. Но туда уже было сообщено по телефону о приходе листовцев. Оскар Гейс сам распорядился, чтобы рабочие оставили работы:

— Кончайте работы, а то машины могут поломать.

Когда листовцы подошли к Берсеневской фабрике, из ее ворот выходила основная масса эйнемцев.

На углу Парфеновки и Берсеневской набережной был устроен митинг. Оратор произнес зажигательную речь, «в которой возвестил предстоящую немедленно революцию и уверил рабочих в содействии войск».

Тов. Землячка, по словам Кондракова, призывала к созданию прочных организаций для борьбы за расширение политических прав.

Отсюда все направились в столовую фабрики Эйнем, где состоялся большой митинг, на котором выступали несколько ораторов, в том числе и работница Спячкина, которая, обрисовав тяжелое материальное положение рабочих, призывала к забастовке. На этом же митинге «было высказано желание, чтобы 8-го декабря дирекцией были приняты избранные депутаты».

Тов. Ромашев, один из активных работников этого периода называет в качестве делегатов следующих товарищей: Соловьева, Козлова, Рыхлова, Бобылева, Прохорову, Россикова, М. Петрову, Приинининому, М. Ромашева, Басова, А. Лобанова, Шилова, Мамонтова, А. Анушкевича, Дрячева, Барова, Яковлева и Андреева. Он рассказывает, что эти товарищи были избраны после того, как в «Аквариуме» на митинге было постановлено «выбрать на фабриках делегатов по цехам для выяснения всех недоразумений с хозяином и для ведения с ними переговоров».

Есть основание предположить, что эти делегаты были избраны в октябре или во всяком случае, в связи с октябрьскими событиями.

В цитированном докладе правления товарищества Эйнем об этом говорится так: «3 декабря 1905 г. явились депутаты (мужчины и женщины), которые не были нами приняты в виду того, что они не были избраны всеми рабочими и работницами».

Авторы этого доклада—пайщики фирмы—добавляют, что

они «вследствие просьбы рабочих назначить выборы возможно скорее», фиксировали днем выборов 8-го декабря.

8-го декабря рабочие Эйнем на собрании в столовой избрали своих депутатов, при чем женщины производили выборы депутатов отдельно от мужчин.

«Сейчас же,—читаем в цитированном докладе,—после выборов, в столовой, где происходили выборы, мы (т.е. администрация фабрики. И. Е.) велели вывесить плакат, которым рабочие извещались, что за забастовочное время после 8 декабря—жалованье выплачиваться не будет».

Утром 9-го декабря вновь избранные депутаты явились в правление ф-ки и предъявили требование о выплате жалованья по 1-ое января, а «также были высказаны некоторые пожелания относительно выходного времени депутатов и уплаты им за время отсутствия с фабрики по делам союза». Правление не признало часть депутатов, мотивируя тем, что они служат на фабрике менее года. Действительная же причина непризнания этих депутатов заключалась в том, что 8-го декабря в число вновь избранных депутатов вошла половина депутатов, не признанных правлением еще 3 декабря.

10 декабря депутаты получили от Правления ответ на свои требования: «один депутат от обеих фабрик получает два раза в м-ц полдня свободного времени для отсутствия по делам рабочих и за это время жалованье ему выплачивается; что же касается выплаты за время забастовки, то об этом не может быть и речи» *). «Депутаты—как говорится в докладе,—ушли опечаленные».

Начиная с 7-го декабря ежедневно происходили в столовой митинги.

Пока выступления ораторов носили политический характер, правление терпимо относилось к митингам в столовой, но как только они стали затрагивать вопросы своего экономического положения и призывать слушателей к борьбе за его улучшение, либеральные Гейсы «строго запретили допускать посторонних лиц» в столовую.

В декабрьскую забастовку «передовые фабриканты» вообще распоясались. В целях срыва забастовки, они распорядились о прекращении подачи нефти для столовой, в результате чего рабочие оставались без обеда, а более несознательные стали ронять на руководителей забастовки. Когда рабочие пошли в

правление и стали просить о подаче нефти в столовую, то один из Гейсов ответил:

— У вас есть свой совет депутатов—слушайте туда.

Не менее характерен для «либеральных, гуманных и добрых» Гейсов следующий факт: в начале декабрьской забастовки Оскар Гейсе спросил рабочих:

— На какой почве вы бастуете?

— На политической.

— А, ну так бастуйте!—ответил Гейсе.

Через несколько дней тот же Оскар зашел в столовую и увидал у рабочих нелегальные журналы со стихами о Треневе и Дурново. Повертел в руках и произнес недовольным тоном:

— Это, ребята, не годится.—Я сам желал свободы слова и печати, но так, как сейчас пишут,—я с этим не согласен!..

Гейсы пустили в ход старые методы срыва забастовки, испытанные ими еще в августе. Их агенты, как и в августе, стали распространять всякие волнующие и тревожные «новости», патрывать одну часть рабочих на другую, запугивать и устраивать всяческими последствиями, вытекающими из забастовки.

Недовольство несознательной части рабочих, обнаружившееся в начале забастовки, еще более усилилось, а вместе с ним стало нарастать желание пойти к предпринимателям и просить их открыть фабрику.

На делегатов пала труднейшая обязанность удержать рабочих от неорганизованных действий. Но в конце концов они принуждены были сами пойти в правление и говорить о возобновлении работ.

В докладе правления об этом так записано:

«16-го декабря опять явились депутаты (мужчины и женщины) и повторили, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, свои требования касательно выплаты за забастовку, при чем они вели себя вызывающим образом по отношению к дирекции и хотели принудить нас начать работу с понедельника 19-го декабря со всеми старыми рабочими, без исключения кого бы то ни было. На это мы ни при каких обстоятельствах не могли пойти, так как это привело бы к невыгодному состоянию дела в ближайшем будущем. Так как речи депутатов становились все более и более бурными, то мы объявили, что наши фаб-

рики останутся закрытыми. Депутаты удалились весьма возбужденные.

«Мы не знали, что затевают против нас рабочие и потому, на всякий случай, обратились к барону Будбергу за военной помощью и получили вечером в четверг 16 декабря для охраны Берсеневской ф-ки 10 офицеров и 46 драгун и на старую фабрику—24 вооруженных полицейских».

18 декабря в правление была доставлена несколькими депутатами письменная резолюция от имени общего собрания всех рабочих и работниц фабрик Эйнем.

«Содержание этого письма—лишет администрация фабрики,—было очень угрожающее, так что мы всеяма были рады, что у нас были войска».

Напор малосознательной части рабочих был силен. Их настроение окончательно дало трещину.

И дальше администрация пишет:

«Не прошло и часа со времени вручения упомянутой резолюции, как явилось около 200 человек рабочих, в числе которых были также женщины, которые и стали просить о работе».

Дирекция устроила совещание «воротил» фирмы, после чего объявила рабочим, что фабрики будут открыты, но «лишь при условии увольнения тех из них, которые в последнее время раздражали и мучили как дирекцию, так и рабочих».

Присутствовавшие, в числе которых находилось много «старых рабочих» (пенсионеров), согласились на увольнение депутатов и наиболее активных участников забастовки.

19 декабря открылись ворота фабрики. При входе стояли в шеренгу полицейские наряды во главе с приставом, солдаты. Альберт и Оскар Гейсы и В. Андреев, при чем двое последних, по словам тов. Мамонтова, указывали кого пропустить и кого задержать.

Оскар Гейс еще раз повторил, что дирекция открывает фабрику при условии увольнения всех депутатов. Рабочие, проходя, сохраняли полное молчание. Лишь один из них, тов. Ф. И. Виноградов, сделал шаг вперед и сказал:

— При чем же депутаты? Ведь, мы все их выбрали.

Оскар Гейс ответил, что, может быть, некоторых оставит. Кого «оставил» Гейс—трудно сказать, но через несколько дней около 20 человек были уволены за то, что «мучили и терзали дирекцию».

Рабочие рассказывают, что в течение недели приходилось им и утром, и вечером проходить «сквозь строй» полицейских и агентов Гейса. «Высматривали, каждую мелочь подмечали».

Правление товарищества Эйнем, упоенное победой, еще накануне возобновления работ на его фабриках обратилось «ко всем служащим» с воззванием, выдержанным в стиле манифестов Николая Романова. Отметив свои заслуги по части забот «о возможно лучшем устройстве на своих фабриках положения служащих и рабочих», бросив мимоходом несколько сердцевидных фраз, правление призывает служащих «сплотиться воедино для обеспечения спокойной деятельности» на своих фабриках. Правление просит служащих «обратить внимание на тех товарищей», которые по молодости лет, неопытности и недостатку характера, легко могут быть увлечены посторонним пагубным влиянием и «рекомендует принять необходимые меры к надлежащему вразумлению их и возвращению вновь на правильный путь».

Дирекция, в свою очередь, взяла с рабочих подписку, что они обязуются на территории фабрики никаких митингов не устраивать и не участвовать в них. Один рабочий отказался подписать это позорящее пролетария обязательство, за что был уволен.

В заключение остается сказать несколько слов относительно участия рабочих ф-ки Эйнем в вооруженном восстании. Но дело осложняется тем, что из числа наиболее активных участников событий 1905 года некоторых нет в живых, другие разбросаны по разным городам СССР и поэтому нам не удалось воспользоваться их воспоминаниями в той мере, в какой это необходимо.

На основании имеющихся материалов трудно сказать—была ли на ф-ке Эйнем боевая дружина в полном смысле этого слова, в чем конкретно выразилось ее участие в вооруженном восстании, каков район ее деятельности и т. д.

О существовании боевой дружины на ф-ке Эйнем ничего не говорят, даже активные работники того времени т.т. М. Ромашев и Н. Андреев.

Но они же, как и другие старые рабочие утверждают, что из районного комитета РСДРП эйнемцы имели задание—соединиться с сытинцами. Рассказывают, что несколько товарищей «вооруженных кто чем мог», направились к району действия

сытницев, но пройти туда не могли, т. к. вдоль Полянки и по Пятницкой ул. шла ожесточенная стрельба.

По материалам, полученным к моменту составления очерка, можно говорить, что организовано, как самостоятельная боевая единица, эйнемцы не выступали, хотя некоторые из них, по словам т. Н. Андреева, несли службу связи между Замоскворечьем и Хамовническим районом.

Некоторые рабочие принимали активное участие в сооружении баррикад в разных районах Москвы — на Калужской пл., на Арбате и т. д.

АНДРЕЕВ (кличка „НИКИФОР“)

В то время я работал на фабрике «Эйнем» слесарем. У нас была организация РСДРП(б), члены были: тов. *Ромашев Михаил Савельев* — кондитер из карамельного отделения, *Козлов Филипп Степанович* — тоже из кондитерского отделения, слесарь *Федоров Сергей Федорович*, тов. *Петрова* — женщина (имя не помню) — тоже, кажется, из карамельного отделения и еще ряд других товарищей, которых затрудняюсь вспомнить.

Мне пришлось быть делегатом вместе с тов. *М. С. Ромашевым* на общегородской конференции в ноябре месяце 1905 г. (не помню какого числа) в доме «Фидлера» на Чистых прудах, после ареста Совета Рабочих Депутатов в Петербурге. Там обсуждался вопрос: «должен ли пролетариат Москвы поддержать петербургских рабочих по поводу ареста Совета Рабочих Депутатов и какими мерами. Долго шли дебаты, все представители с большим подъемом высказывались за объявление всеобщей забастовкой с 5-го по 6-е декабря, с переходом к вооруженному восстанию, и только представители Николаевской жел. дор. высказались о том, что они забастовать не сумеют и Николаевская дорога, по всей вероятности, будет работать.

Я не забуду какое было приподнятое настроение всей аудитории. Все сознавали, что предстоит серьезная схватка с царским самодержавием и черной сотней. После окончания конференции нам пришлось идти через Кремль около 3-х час. ночи. В это же время было собрание в Успенском соборе. Кажется, митрополит Владимир и Гневушкин собирали всех хитрованцев и там им делали наставления, как нужно громить «крамольников» и жидов, и раздавали каждому по рублю. Нам

рассказывал об этом один из участников собрания — оборванец с хитрова рынка, который вышел из Успенского собора и показывал серебряный рубль в руке, полученный в соборе за погром «крамолы». По приходе на фабрику, рабочие узнали решения конференции и стали готовиться к предстоящей схватке.

Трудно передать тот энтузиазм и настроение рабочих, которое царило на нашей фабрике в то время. Администрация фабрики уже не распоряжалась, а только ходила и смотрела, как рабочие группами по отделениям обсуждали вопрос о вооружении и с жадностью слушали рассказы из истории героической борьбы парижских коммунаров.

Наш механический цех работал в то время больше, нежели в обыкновенное, занимаясь изготовлением оружия. У нас был кузнец *А. П. Ермаков*, которого мы звали «*Андрюша Кузнечик*», за его маленький рост. Не высыхая от пота, ковал он разного рода оружия, так как мы не надеялись получить огнестрельного оружия (что впоследствии оправдалось). Некоторые транспорты с оружием задерживались на границе, а которые были получены в Москву, то, по сообщению некоторых товарищей, были распределены по городским районам: Пресненскому, Бутырскому и др., а в Замоскворецкий район, как видно, не доходили. Таким образом, «*Кузнечик*» ковал, а мы, слесари, оттачивали, обциливали всевозможные кинжалы, пики, клинки, одним словом все, что только можно было сделать из металла — все делали и вооружали рабочих. Наша механическая мастерская представляла из себя своего рода арсенал, где изготовляли орудия для поражения врага. Я должен отметить, что рабочие особенно с приподнятым настроением ожидали назначенного дня всеобщей забастовки и вооруженного восстания. Мы пытались склонить нашего хозяина, чтобы он выхлопотал оружия (винтовок) у градоначальника для охраны фабрики «От Погрома» черной сотней, но он на это не пошел. Только «*Густав Лист*» — заводчик выхлопотал штук 15 винтовок для охраны завода, которыми рабочие пользовались на баррикадах. Кажется, 7-го декабря рабочие «*Густава Листа*» пришли к нашей фабрике, где мы их уже ожидали. Быстро вышли на улицу. На углу переулка Берсеневской набережной открылся летучий митинг, кажется, тов. «*Степаном*» и женщиной, которую не помню, как звали. Они, раз'ясняя

причину забастовки, призывали нас к вооруженному восстанию. Потом пошли ежедневные митинги в столовой. Мы все время держали связь с партийной организацией. В столовую приходили каждый день для проведения митингов (имена их сейчас не помню). Помню только, бывал у нас тов. *Смирнов*. Кажется, слесарь от завода «Бр. Бромлей». Не помню какого числа пошли мы строить баррикады: все разошлись по разным районам Москвы. В эту ночь зазвенел топор, пилы, которыми пилились телефонные столбы, срывались вывески и снимались железные ворота для постройки баррикад. В одну ночь Москва покрылась целой сетью баррикад. Интенсивность труда здесь, конечно, превосходила всякие нормы. Когда пошли осматривать все баррикады (на другой или третий день), где лучше они сделаны, то движение по улицам было необыкновенное. Никогда, наверное, Москва невидывала столько народу! Когда мы проходили по Каретно-Садовой, где баррикады были хорошо сделаны из опрокинутых конок (вагонов конной ж. д.) и спускались вниз к Трубной площади, с нами был ученик нашей фабрики (работал он, кажется, в венском отделении) *Володя Захаров*, он громко разговаривал на революционную тему — ругая черносотенцев. Вдруг сзади послышался выстрел и наш *Володя* побежав вперед, закричал: «Товарищи, меня убили» и тут же упал на тротуар. Мы его сейчас же подхватили и понесли. На наше счастье неподалеку оказался «Красный Крест», который его у нас принял. На другой день пришли справиться, жив ли он. Нам сообщили, что жив, но тяжело ранен. Он оказался простреленным в спину на вылет около груди. Впоследствии он вылезился, но на фабрику его уже не взяли.

Дальше борьба шла на баррикадах. Кроме того, мы еще несли службу связи между Замоскворецким и Хамовническим районами.

В то время у нас был ответственный организатор, кажется, тов. *Тимофеев*^{*)}, или «*Василий Иванович*» (*И. Г. Сидович*), а до этого, кажется, тов. *Гиммер* (точно не помню).

Бывш. рабочий слесарь фабрики Т-ва «Эйнем»

*) «Тимофей» — В. М. Савков. Редакция.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
1. Замоскворечье в 1905 г.	7
2. Требование Замоскв. района в Моск. Комитете Р. С. Д. Р. П. (6.)	17
3. Убийство и похороны т. Баумана	18
4. Одна из многих жертв	19
5. Бромлевский подрайон	23
6. Типография Т-ва Сытина в 1905 г.	40
7. 1905 г. на электрической станции (1886 г.)	83
8. 1905 г. на Рязано-Уральской ж. д.	101
9. Завод Добровых и Набгольц в 1905 г.	121
10. Ситце-набивная ф-ка Цивдель в 1905 г.	137
11. 1905 г. в Даниловке	159
12. Кожевнический подрайон в 1905 г.	173
13. 1905 г. на ф-ке Эйнем	191

